Александр Аввакумов

Выстрел в спину

12+

Александр Леонидович Аввакумов

Выстрел в спину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53959921
SelfPub; 2020

Аннотация

Исчезновение военного конвоя, перевозившего банковские ценности из государственного Банка Минска, до сих пор покрыто тайной. Известно лишь одно, что данные ценности не попали в руки немецких солдат.

ПРОЛОГ

Москва, конец августа 1941 года. Несмотря на ранние часы, солнце уже захватило город в плен. Раскаленные стены зданий пылали жаром, было жарко и очень душно, как обычно бывает перед грозой. Где-то вдалеке гремело, и трудно было понять что это- гром или бомбежка.

По Никитскому переулку шел молодой офицер. Он был чуть выше среднего роста, светловолос, широк в плечах, лицо его было потемневшим от загара. На нем была выгоревшая гимнастерка, пилотка. Потертая кобура пистолета, запыленные сапоги наглядно свидетельствовали о том, что он совсем недавно прибыл с фронта. В петлицах гимнастерки матово поблескивали два кубика. Лейтенант иногда останавливался, чтобы уточнить дорогу, а затем снова продолжал свой путь дальше. Все это свидетельствовало о том, что он оказался впервые в этом большом столичном городе. Офицер свернул за угол и натолкнулся на военный патруль.

– Ваши документы, товарищ лейтенант, – обратился к нему сержант, поправляя на плече винтовку.

– Лейтенант Волков, – громко прочитал он. – Ваше командировочное удостоверение?

Офицер снова улыбнулся. Его улыбка была такой белоснежной на загорелом лице, что заставило улыбнуться бойцов патруля. Он достал из полевой сумки документ.

– Вот возьмите, сержант, – произнес он и протянул коман-

дировочное удостоверение. – Подскажите, сержант, далеко до здания НКВД? Я впервые в Москве и плохо ориентируюсь в городе.

Старший по патрулю посмотрел сначала на офицера, затем на фотографию в его служебном удостоверении и, молча, вернул ему документы обратно.

– Здание Наркомата внутренних дел будет вон за тем углом, товарищ лейтенант, – произнес он и рукой указал на серое массивное здание с колоннами, которое, словно скала, загромождало эту узкую улицу.

– Спасибо, – поблагодарил его офицер, пряча документы в полевую сумку.

Козырнув патрулю, он направился дальше. Улицы города были полупусты, лишь иногда можно было встретить прохожего, спешившего, то ли домой, то ли на работу. В городе шла эвакуация промышленных предприятий, учреждений, советских и партийных органов. Немецкая авиация все чаще и чаще появлялась в небе над городом, осыпая его градом зажигательных и фугасных бомб.

Свернув за угол, Волков увидел большое трехэтажное серое здание, у дверей которого, переминаясь с ноги на ногу, стоял часовой. Заметив приближающегося к нему офицера, он принял стойку «смирно» и с любопытством посмотрел на него, стараясь отгадать, кого из руководителей наркомата он может искать в здании НКВД. Лейтенант козырнул бойцу и, открыв тяжелую деревянную дверь, вошел в вестибюль. В

помещении было относительно прохладно, темновато и Волков не сразу заметил стол, за которым сидел дежурный офицер. Он о чем-то разговаривал по телефону, прикрыв микрофон рукой, не обращая никакого внимания, на вошедшего в здание офицера. Наконец он закончил говорить и с интересом посмотрел на лейтенанта.

– Вы к кому, товарищ лейтенант? – спросил он Волкова. – Предъявите ваши документы!

– Меня вызвал к себе майор государственной безопасности Еременко, – ответил Волков, протягивая ему свои документы. – Вот мое командировочное удостоверение. Скажите, где я могу сделать отметку о прибытии?

– Лейтенант Волков, – прочитал дежурный в документе. – Минуточку, товарищ лейтенант.

Он открыл амбарную книгу и стал искать его фамилию. Волков наблюдал за его красивым пальцем, который скользил по странице. Наконец палец дежурного замер на месте и он радостным голосом произнес:

– Нашел. Майор госбезопасности Еременко вызывал вас к десяти часам утра. Сейчас девять сорок пять. Придется немного подождать, товарищ Волков, а пока сдайте оружие, вас пригласят.

Волков вытащил из кобуры «ТТ» и положил его на стол дежурного офицера. Тот взглянул на лейтенанта и, открыв ящик стола, положил его туда.

– С фронта, лейтенант? – поинтересовался дежурный

офицер у него.

– Да, – коротко ответил Волков. – Даже не верится, что там бои, а здесь так тихо. Можно я выйду, хочу покурить?

– Да, конечно, курите. Я вас позову.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять за Волковым спустилась женщина в военной форме без знаков различия и пригласила его последовать за ней. Волков шел по длинному коридору, то и дело, отдавая честь проходившим мимо него офицерам. В узких коридорах Наркомата внутренних дел кипела совсем незнакомая ему жизнь. Все куда-то торопились, козыряли друг другу и исчезали за массивными дверями кабинетов. Женщина довела его до кабинета и, оставив его на минуту в коридоре, скрылась за массивной дверью.

– Проходите, – произнесла она и, оставив его в приемной, вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Присаживайтесь, товарищ лейтенант, – предложила ему секретарь, миловидная женщина. – Товарищ Еременко занят и просил вас немного подождать.

Волков сел на стул и стал рассматривать, сидевшую перед ним женщину. На вид ей было чуть больше тридцати-тридцати пяти лет. Ее густые светлые волосы переливались в лучах утреннего света, который падал из большого окна. Ее пухлые чувствительные губы забавно шевелились в такт ударам пишущей машинки. Заметив на себе пристальный взгляд офицера, она повернулась к нему и одарила Волкова красивой дежурной улыбкой.

***

В углу кабинета приемной стояли большие напольные часы в красивом резном футляре. Волков перевел свой взгляд с секретаря майора на них. Большой тяжелый маятник отсчитывал секунды.

«Раз, два, три, – отсчитывал лейтенант и заворожено смотрел на блестящий маятник, – четыре, пять, шесть…».

Где-то на улице завыла сирена, извещавшая о воздушной тревоге. Секретарь мельком взглянула на Волкова и, не обращая внимания на этот протяжный нарастающий с каждой секундой вой, продолжала стучать на машинке. Неожиданно дверь открылась и из кабинета, переговариваясь между собой, вышла два офицера НКВД. Они прошли мимо Волкова, даже не взглянув в его сторону. Секретарь встала из-за стола и, поправив юбку, исчезла за дверью кабинета. Часы гулко пробили одиннадцать раз. Волков поднялся со стула и подошел к зеркалу. Его застиранная, выгоревшая на солнце гимнастерка, стоптанные и запыленные сапоги были каким-то тяжелым довеском к его спортивной фигуре. Он расправил гимнастерку и посмотрел на секретаря, которая вышла из кабинета.

– Товарищ Волков! Майор Еременко ожидает вас, – произнесла женщина и, взглянув на лейтенанта, села за стол.

Майор госбезопасности Еременко предстал перед ним в прекрасно скроенном кителе, который сидел на его могучих

плечах, словно влитой, блестящие кожаные сапоги. На груди майора матово сверкал орден Боевого Красного Знамени.

– Проходите, товарищ Волков, – произнес Еременко красивым баритоном и, мельком взглянув на вошедшего офицера, указал ему рукой на стул.

Рука Алексея машинально потянулась к пилотке и он, словно не услышав приглашения майора, стал докладывать:

– Товарищ майор государственной безопасности, лейтенант Волков…, – он не договорил, так как его остановил повелительный голос хозяина кабинета.

– Проходите, лейтенант, мы не на параде, – произнес майор. – Вы что плохо слышите? Присаживайтесь. Чая хотите?

Волков осторожно сел в большое кожаное кресло. Он впервые в своей жизни почувствовал небывалый комфорт: его тело буквально утонуло в этих воздушных кожаных подушках. Выросший в большой крестьянской семье, он никогда не сидел в подобных креслах. Лейтенант посмотрел на майора, стараясь угадать, зачем его, заместителя начальника особого отдела одного из стрелковых полков отозвали с фронта в Наркомат внутренних дел СССР. Совсем недавно разведчики его полка захватили в плен немецкого офицера, который вез приказ и другие секретные документы из Берлина в штаб армии группы «Центр». Сейчас он мысленно прокручивал в своей голове возможные вопросы, связанные с захватом этого офицера.

– Скажите, лейтенант, – обратился к нему майор, – вы зна-

комы с лейтенантом НКВД Никитиным? Это правда, что вы дружили с ним?

«Почему он меня спрашивает об этом, если знает, что мы дружили с Никитиным? – подумал Алексей. – Неужели Иван на чем-то сгорел и потащил его по цепочке? Если это так, то отрицать свою дружбу с ним не имеет смысла. Наверняка, они уже все знают о нем».

Прежде чем ответить на вопрос Еременко, Волков посмотрел на лицо чекиста. Седые волосы на его голове были аккуратно пострижены. Чисто выбрито лицо, волевые губы и самое главное, что бросилось ему в глаза, был холодный взгляд его серых глаз.

– Так точно, товарищ майор. Лейтенант Никитин был в свое время моим подчиненным. Мы с ним учились вместе и дружили еще с училища, – ответил Волков. – Он был неплохим товарищем, грамотным специалистом и коммунистом. Если не секрет, товарищ майор, скажите, почему вы меня спрашиваете о Никитине?

«Зачем я это все говорю? Какое им дело до этих интересов, если он уже арестован? – пронеслось в голове Волкова. – Но что он мог сделать такого, что о нем спрашивают не в части, а в Москве?»

– Почему был, лейтенант? Скажите, что вы еще можете сказать об этом человеке? – словно не расслышав его вопроса, спросил Еременко. – Скажите, Волков, каким он был человеком? Честным, открытым человеком или законспириро-

ванным врагом государства? Ему можно было верить?

«Что ответить? – промелькнуло в голове Волкова. – Сказать правду или соврать?

– Никитин – честный, преданный делу партии и товарищу Сталину офицер. В меру инициативен, хорошо владеет немецким языком. У меня не было никаких претензий к нему по службе, да и товарищем он был неплохим.

– Откуда он знает немецкий язык?

– Он в детстве батрачил у немецких колонистов, там и выучил язык.

«Неужели он арестован? – снова почему-то подумал Алексей. – Если это так, то шансов у меня покинуть этот кабинет, просто нет».

От этой мысли Волкову стало не по себе. Он моментально представил себя в камере, где несколько сотрудников НКВД ведут допрос. Еременко не отрывая глаз, смотрел на сидящего перед ним Волкова. Взгляд его серых глаз был таким тяжелым, что Алексей почувствовал себя маленькой букашкой в этом большом кабинете. Майор встал из-за стола и подошел к окну.

– Скажите, Волков, когда вы последний раз встречались с Никитиным, при каких обстоятельствах? – повернувшись к нему, задал Еременко очередной вопрос лейтенанту.

– Последний раз в начале мае этого года, товарищ майор, незадолго до начала войны. Мы встретились с ним в Минске. Я прибыл туда в служебную командировку по линии Особо-

го отдела Западного округа. Каким образом он узнал о моем приезде, я не знаю. Он позвонил мне в гостиницу и предложил встретиться. Наша встреча произошла на другой день. Мы с ним посидели немного, поговорили о жизни. Больше я его не видел.

– Скажите, Волков, он вам не сообщил о своей новой работе?

«Что ответить? Может промолчать? А вдруг Никитин им все уже рассказал? – подумал Волков.

– В общих чертах, товарищ майор. Он рассказал мне, что вот уже два месяца как занимается польскими ценностями, которые были захвачены нашими войсками.

Еременко, молча, продолжал сверлить лейтенанта своим взглядом.

– Что-то не так, товарищ майор? – спросил его Волков, однако чекист не ответил.

– Вы в курсе того, что сейчас Никитин находится в Москве? – спросил его майор и, достав из пачки папиросу, закурил. – Вы разве не получали от него этой весточки – ведь он находится в госпитале? Не буду скрывать, у него – гангрена и большая вероятность потери обеих конечностей, в лучшем случае.

– Нет, товарищ майор. Откуда я мог это знать, если я его видел в последний раз в мае месяце. Да и куда он мог мне написать? Он даже не знал, где я нахожусь.

Еременко промолчал. Услышанная им новость о Никити-

не буквально ошеломила Волкова.

«Если он в Москве, в госпитале, – пронеслось у него в голове, – тогда почему меня вызвали в Наркомат и спрашивают о нем? Ведь все это они могли узнать и от него? В чем дело?» – спрашивал он себя, не находя нужного ответа.

Еременко продолжал молчать. Эта небольшая пауза в их разговоре показалась Волкову вечностью. Майор загасил папиросу в металлической пепельнице и, взглянув на него, произнес:

– Слушайте меня внимательно, лейтенант. Все, что вы сейчас услышите в этом кабинете, относится к государственной тайне. Дело в том, что в июне 1941 года из Минска была осуществлена попытка эвакуировать большой запас золота и других ценностей, хранившихся в Государственном Банке Белоруссии. Чтобы ценный груз не достался врагу, руководством областного НКВД было принято решение о создании так называемой «ложной группы», задача которой состояла в том, чтобы отвлечь внимание немецкой разведки и специальных групп из ведомства Розенберга от основного конвоя, который и перевозил этот груз.

Он сделал паузу и продолжил:

– Эти два конвоя должны были встретиться в пригороде Смоленска, а затем передать эти ценности специальной команде НКВД, которая должна была доставить их в Москву. Вы уловили суть?

– Так точно, товарищ майор.

– Вот и хорошо, лейтенант. Слушайте дальше. Никитин был ответственным за «ложный» конвой. Он выполнил свою задачу и привел остатки своего отряда в намеченный район, где оба конвоя и встретились. Дальше все покрыто завесой тайны. Специальный отряд НКВД ждал их в условном месте, но они туда почему-то не прибыли. Причина до сих пор не ясна.

Майор посмотрел на Волкова и снова закурил. Пауза явно затягивалась.

– Вот вам, лейтенант, и предстоит выяснить у Никитина эту причину. Мы пытались сделать это сами, но у нас, к сожалению, ничего не получилось. Похоже, он нам не верит. Никитин просил разыскать вас с условием, что только вам он и расскажет об этом.

– Выходит, что судьба ценностей до сих пор неизвестна?

– Да, – коротко ответил Еременко. – Цена вопроса – около восьми тонн золота и других ценностей: ювелирных изделий, камней и так далее.

Еременко загасил папиросу. В кабинете стало тихо. Из-за двери слышался ритмичный стук пишущей машинки, на которой печатала секретарь.

– Мы вызвали вас, так как надеемся, что вам Никитин расскажет все, – тихо произнес майор. – Допрашивать его официально мы больше не стали, слишком серьезное дело и возможна утечка информации. Руководство Наркомата внутренних дел приняло решение положить вас к нему в боль-

ничную палату. Рассчитываем на то, что вам удастся восстановить все подробности исчезновения этого золотого конвоя. Теперь вы знаете все.

Майор замолчал.

– Волков, вы должны не пропустить ни одной мелочи, так как вам придется вплотную заняться возвращением этого груза в Москву. Смоленск мы наверняка не удержим, так что не забывайте об этом. И еще, немцы тоже в курсе этого конвоя и организовали его поиски. Вопросы ко мне есть?

– Пока нет, товарищ майор.

– Тогда выполняйте приказ. Сейчас вас проводят и разместят в госпитале.

***

Лейтенант Волков, держа в руках свернутую полосатую пижаму, шел по коридору госпиталя. Раньше здесь была средняя школа, о чем красноречиво говорили развешанные по коридору портреты великих путешественников, писателей и ученых. Его сопровождала женщина-сотрудник НКВД, одетая в белый медицинский халат поверх формы. Воздух госпиталя был пропитан запахом карболки, гноя и каких-то медицинских препаратов. Двери палат из-за жары были открыты настежь, и Волков, проходя мимо них, видел кровати с ранеными бойцами, их тревожные взгляды, полные надежд и отчаяния.

– Товарищ лейтенант! Подождите меня здесь, – скорее

приказала, чем попросила его сотрудница и исчезла за белой дверью.

– Посторонитесь! – услышал Волков за спиной незнакомый ему голос. – Дай, пройти!

Лейтенант обернулся и увидел двух пожилых санитаров, которые несли носилки с телом. Судя по тому, что лицо человека было закрыто простыней, он сразу догадался, что тот был мертв. Пропустив их мимо себя, Волков невольно подумал о бренности человеческой жизни.

«Вот и этот отвоевался, – промелькнуло у него в голове. – Сейчас ему уже ничего не нужно, все боли и страхи остались в прошлом».

Дверь кабинета открылась, и из кабинета вышел мужчина, одетый в белый медицинский халат, который явно был ему мал. Мужчине было лет около сорока. Первое, что бросилось в глаза Волкова, было его лицо, которое было все испещрено следами от перенесенной оспы и поэтому казалось похожим на запеченное коричневое яблоко. Мужчина смерил офицера изучающим взглядом, и видимо, оставшись довольным его внешним видом, вполне дружелюбно произнес:

– Пойдемте со мной в палату.

– А где ваша сотрудница? – поинтересовался Волков у мужчины, но тот словно не услышав его вопроса, продолжал двигаться по коридору.

Они свернули направо и стали подниматься по широкой лестнице, выложенной белой мраморной плиткой, на второй

этаж.

– Что здесь было раньше? Я имею в виду до войны? – спросил он мужчину.

– Не знаю, – коротко ответил тот. – Похоже, что школа, правда, сейчас это не имеет никакого значения. Нам налево и до конца. Сейчас перейдем в другой корпус.

Мужчина был не многословен и Волков сразу догадался, что ему приказали, как можно меньше общаться с ним. Пройдя еще метров тридцать, они остановились. Напротив двери в палату на табурете сидел сотрудник НКВД в накинутом на плечи халате. Узнав сопровождающего Волкова мужчину, он вскочил на ноги и приложил руку к козырьку фуражки.

– Это – наш новый пациент, – произнес мужчина, пропуская его в палату. – Раздевайтесь, товарищ лейтенант. Свою одежду можете положить в шкаф. Вот – ваша кровать.

На соседней койке лежал человек. Лицо мужчины заросло густой рыжей щетиной и Алексей не сразу признал в этом исхудавшем человеке своего друга – Ивана Никитина.

– Отдыхайте, товарищ лейтенант. Обед здесь в тринадцать часов. Еду принесут к вам в палату.

– Хорошо, – ответил Волков и положил на койку пижаму.

Закрыв дверь палаты, лейтенант стал быстро переодеваться в больничную одежду. Он иногда бросал свой взгляд на Ивана, но, судя по его закрытым глазам, тот, похоже, спал. Дежуривший у двери сотрудник НКВД заглянул в палату и,

увидев, что новый пациент уже лежит на кровати, тихо закрыл за собой дверь.

– Леша! Ты слышишь меня? – еле слышно прошептал Никитин. – Я знал, что они найдут тебя, и ты придешь ко мне. Я специально никому ничего не рассказывал, я ждал тебя.

– Как ты, Ваня? Как самочувствие? – спросил Волков Никитина, приподнявшись на койке.

– Плохо, Леша. Не знаю, смогу ли выкарабкаться из этой ситуации. Вчера врач при осмотре сказал мне, что меня может спасти лишь ампутация обоих ног. Ты знаешь, лучше умереть, чем жить без ног. Кем я буду без них – «самоваром»?

Он замолчал. В тишине комнаты хорошо было слышно, как он тяжело дышит.

– Как ты здесь оказался? – шепотом спросил его Волков. – Кто тебя сюда привез?

– Меня подобрали красноармейцы, они выходили из окружения и случайно наткнулись на меня. Бойцы сначала посчитали меня погибшим и положили в общую могилу, которую соорудили в воронке от авиабомбы. Но кто-то из них заметил, что я стал шевелиться. Сейчас не знаю, хорошо это или нет. Тогда мне хотелось только одного – умереть.

– Ты что, раскис как кисейная барышня, Ваня? Ты молодой, организм у тебя крепкий, так что рано ты себя хоронишь.

– Не нужно меня успокаивать. Тяжело мне, Леша. Уми-

рать в двадцать пять лет сложно и несправедливо, правда?

– Да. Ты прав, Иван. Поэтому живи….

В палате стало тихо. Никитин указательным пальцем руки показал Волкову на потолок палаты, предупреждая его о том, что их прослушивают сотрудники НКВД. Алексей кивнул ему, давая понять, что понял его предупреждение.

– Ты знаешь, Леша, я специально попросил следователя из НКВД, чтобы он разыскал тебя. Я так ему и сказал, что расскажу все, что там произошло только тебе и больше – никому. Они и так, и сяк со мной, грозили трибуналом, но я настоял и ты вот здесь. Леша! Ты знаешь, я сейчас никому не верю. Ты – единственный человек, кому я могу доверить тайну спрятанного нами золота. Дай мне слово, что пока его не найдешь – об этом никому не расскажешь. Пусть эта тайна будет только нашей тайной.

Волков кивнул головой и сжал его ладонь. Их разговор прервала вошедшая в палату медсестра. Она, молча, закатала рукав нательной рубашки Никитина и сделала ему укол в вену.

– Спасибо, сестричка, – прошептал Иван. – Легкая у тебя рука…

Повернувшись, женщина также тихо вышла в коридор, как и вошла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Слушай, Иван! А где, вы схоронили ценности? – присев рядом с ним, тихо спросил его Волков. – Мне кажется, что они хотят отправить меня в немецкий тыл, чтобы я нашел

это золото. Ты меня понял?

Никитин кивнул и улыбнулся.

– Расскажи мне все, что произошло там за линией фронта, – попросил его Волков.

– Хорошо. Сядь рядом со мной, – произнес он и снова пальцем указал на потолок.

В палате стало темнеть. За окном пошел мелкий дождь, который стал монотонно стучать по стеклу окна. Волков подошел к окну и задернул шторы. Он сел рядом с Никитиным и посмотрел на него, давая тому понять, что он готов слушать его рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июнь 1941 года. Белоруссия. Немецкие передовые части вышли к пригороду Минска. Несмотря на отчаянное сопротивление Красной Армии, всем было ясно, что город войскам не удержать. Началась массовая эвакуация государственных учреждений. В пригороде Минска резко активизировались группы националистов и немецких диверсантов, которых массово забрасывали в тыл наших войск абвер. Переодетые в форму красноармейцев, диверсанты из полка «Бранденбург-800» устраивали засады, взрывали мосты, уничтожали командный состав, отступавших на восток частей Красной Армии.

День выдался солнечным. Минск буквально тонул в клубах черного дыма. На окраине города горел склад с горю-

че-смазочными материалами. Улицы города были пусты – ни жителей, ни отходящих на восток войск. В небе над городом гудели немецкие самолеты, которые устраивали буквально охоту за каждым, кто появлялся на улицах города.

Капитан госбезопасности Наумов Геннадий Архипович, мужчина лет сорока, с серой от пыли и грязи повязкой на голове, положил телефонную трубку и посмотрел на лейтенанта Никитина, который стоял у двери, вытянувшись по стойке «смирно».

– Расслабься лейтенант, ты не на посту у знамени части, – устало произнес капитан. – Ты слышал, что говорит руководство наркомата? Приказа о движении твоего отряда пока нет. Ты и твоя группа покинет Минск последними из частей.

Лицо капитана исказила гримаса боли. Он невольно потрогал рукой рану на голове и посмотрел на Никитина.

– Что у тебя? – обратился он к лейтенанту.

– Товарищ капитан, но бои идут уже в пригороде города. Не опоздать бы…. Сегодня с утра наши машины обстреляли националисты.

– Ну и что, Никитин? Я и без тебя все это знаю, но пойми, приказа пока нет. Эту операцию разрабатывал не я и не мне решать, когда тебе выдвигаться из города. Как только, так сразу…

Капитан замолчал и, достав из кармана пачку папирос, положил ее на стол перед собой. Закурив, он снова посмотрел на офицера, который все еще продолжал стоять по стойке

«смирно».

– Ну, не смотри на меня так, Никитин. Я не могу тебе разрешить начать движение, ты меня понял? Сам знаешь, кругом диверсанты, шпионы и эти предатели – националисты…. Кто будет отвечать, если сорвется операция? Думаю, что походу движения твоей группы немцы попытаются завладеть грузом или внедрить в отряд своего человека. Кем он будет, я не знаю – это разбираться тебе. Будь осторожен…. Ты – человек опытный и не мне тебя учить, как поступать в таких случаях. Не верь никому, если хочешь выжить. Запомни – не верь!

– Я понял, товарищ капитан, никому не верить.

– Вот и правильно. Враг может менять тактику, форму. О твоем отряде не знает никто….

Дверь за спиной лейтенанта широко открылась и в кабинет, пыхтя словно паровоз, вошел заместитель военного коменданта города майор Гудков. Он был небольшого роста, с большой лысой головой и большим животом, который вываливался за широкий форменный ремень. Он явно страдал излишками веса, одышкой и другими скрытыми хроническими заболеваниями. Его красное лицо напоминало раскаленную докрасна сковороду. Несмотря на это, майор был необычно энергичен в свои пятьдесят пять лет и, казалось, что его невозможно усадить на место. Он нервно ходил по кабинету, держа в руках помятую и пыльную фуражку. Он иногда останавливался и снова, словно сорвавшись с места,

начинал мерить кабинет шагами.

– Да остановитесь же, товарищ Гудков! – произнес капитан. – У меня и так голова идет ходуном, а здесь еще вы бегаете по кабинету. Что у вас?

–Товарищ капитан государственной безопасности, разрешите обратиться? – остановившись и демонстративно щелкнув каблуками кожаных сапог, произнес Гудков.

Наумов устало улыбнулся и кивнул ему головой.

– Давай, докладывай….

Капитан не спал больше трех суток, готовя к эвакуации ценности республиканского Банка и сейчас его серое от усталости и бессонницы лицо было непроницаемым. Со стороны казалось, что он вот-вот заснет прямо на ходу, но это впечатление было обманчиво. Наумов по-прежнему остро реагировал на все изменения обстановки и своевременно принимал необходимые решения. Вот и сейчас, словно очнувшись, он снова посмотрел на Гудкова и рукой указал ему на стул. Тот сначала надел, а затем снял с головы фуражку, словно она мешала ему говорить. Взглянув на Никитина, он положил ее на стол. Майор достал из кармана галифе большой носовой платок и вытер им вспотевшую лысину. Платок был несвежим, но Гудков, словно, не замечая этого, сунул его обратно в карман.

– Наумов! – обратился он к чекисту. – Только что получена информация о том, что немецкие автоматчики просочились на окраину города и небольшими группами продвига-

ются к центру города. Бои идут за каждый дом. Нужно что-то предпринимать с отправкой вашего конвоя, а иначе все эти ценности могут угодить в руки немцев. Положение просто критическое, товарищ капитан государственной безопасности. Решайте! Ждать приказа сверху больше нельзя. Им сейчас точно не до нас!

– Не гоните волну, товарищ Гудков! Без паники! – ответил капитан, почему-то переходя на жаргон. – Вы думаете, я этого не понимаю? Но я без приказа сверху ничего не могу делать. Вот сижу и жду этот проклятый приказ. Нервы уже не выдерживают.

Он поднял трубку и несколько раз стукнул свой рукой по рычагу телефонного аппарата. В трубке было тихо. Он со злостью швырнул ее на рычаг и посмотрел на Гудкова.

– Вот видишь, майор, и связь пропала, – с нескрываемым раздражением произнес Наумов. – Наверняка диверсанты перерезали провода, сволочи.

Неожиданно его взгляд упал на Никитина. На лице Гудкова появилось удивление, словно он впервые заметил его в этом кабинете.

– Вот что, Никитин, найди связистов. Пусть они восстановят связь. Ты понял меня? Одна нога здесь, другая там. Исполняйте!

– Есть, товарищ капитан. Разрешите идти?

Капитан махнул рукой и сел за стол. Где-то рядом зазвучали пулеметные очереди, которые утонули в грохоте взры-

вов мин и снарядов. Во дворе здания Государственного Банка со страшным грохотом взорвался артиллерийский снаряд. В кабинете вылетели стекла из рам и со звоном посыпались на мраморный пол. В помещении запахло сгоревшей взрывчаткой. Наумов и Гудков даже не прикрыли свои головы от разлетевшихся в разные стороны осколков стекла, и со стороны показалось, что они даже не обратили на это никакого внимания. Наумов взял в руки фуражку и, смахнув с нее крошки штукатурки и битого стекла, надел ее на голову.

– Где же связь? Что они там копаются! – выругавшись матом, произнес капитан и поднял телефонную трубку. – Связь нужна, как воздух, майор!

В трубке сначала что-то щелкнуло и вдруг через какофонию шорохов и треска, прозвучал мужской голос.

– Алло, алло! Вы меня слышите? – закричал Наумов. – Соедините меня с начальником областного НКВД. Почему не можете? Немцы? Какие на хрен немцы? Как прорвались? Не может быть!

В трубке отчетливо зазвучали звуки боя.

***

Над центральной площадью города пронеслись два «Юнкерса», поливая из пулеметов улицы и переулки города. Никитин и двое бойцов из группы сопровождения быстро перебежали улицу и скрылись за углом дома. Две минуты назад был убит связист, который пытался установить связь с каби-

нетом Гудкова. Лейтенант сразу определил, что стреляли из окна третьего этажа углового дома.

– Не отставайте! – крикнул он бойцам. – Прижимайтесь к стене!

Дверь подъезда была открыта настежь. Никитин осторожно вошел в подъезд и, прижимаясь к стене, стал медленно подниматься по лестнице. Где-то совсем рядом раздался винтовочный выстрел.

Они осторожно поднялись на третий этаж и становились около двери, из-за которой снова прозвучал хлесткий винтовочный выстрел.

– Приготовиться! – прошептал лейтенант и с силой рванул на себя дверь. Он не сразу заметил стоявшего у окна мужчину, одетого в форму бойца Красной Армии.

Мужчина обернулся и, вскинув винтовку, выстрелил в Никитина. Видимо волнение и страх сказали свое слово. Пуля сбила фуражку с головы лейтенанта и ударила в стену. В ту же секунду офицер бросился на него, не дав ему перезарядить оружие и сделать новый выстрел. Сбив его с ног, они повалились на пол и стали бороться. Кто-то из бойцов ударил диверсанта прикладом. Тело мужчины обмякло, руки разжались и он, похоже, потерял сознание.

– Вяжите его! – приказал, вставая с пола, Никитин.

Когда диверсант был связан, его привели в чувство и, подняв на ноги, вывели из дома. Лейтенант нашел место обрыва телефонного провода и быстро соединил два конца. Перебе-

жав улицу, они вернулись в здание банка.

– Товарищ капитан! Связь восстановлена, – доложил Наумову Никитин. – Нами задержан диверсант. Что с ним делать?

– Расстрелять! – приказал капитан. – Времени нет, с ним возиться, Никитин.

– Что делают, сволочи! – со злостью произнес майор Гудков, подойдя к разбитому окну. – Обнаглели окончательно. Яркое синее небо и ни одного нашего ястребка. Вот тебе и броня крепка и танки наши быстры…

Майор выглянул во двор Банка. Там стояли три грязных, заляпанных коричневой глиной, легких танка и броневик. В стороне от них, укрывшись от внимания немецких летчиков, стояло несколько новеньких полуторок, крытых зеленым брезентом. На свежевыкрашенных зеленой краской бортах машин белели яркие надписи «Почта». Из окна здания были хорошо видны большие зеленые ящики из-под боеприпасов, укрытые брезентом, которые находились в кузове автомобилей. В кузовах двух полуторок виднелись большие зеленые мешки. Около машин стояли водители и бойцы, прислушиваясь к нарастающим звукам уличного боя. Услышав скрип двери, Гудков резко обернулся. В кабинет вошел боец и застыл по стойке «смирно».

– Товарищ капитан, вам пакет, – четко отрапортовал он.

– Не понимаю, чего мы ждем, товарищ капитан, – снова произнес майор Гудков. – Немцы уже в двух кварталах от-

сюда, – громко произнес майор Гудков и посмотрел на капитана Наумова, который все еще продолжал читать депешу. Наконец он оторвал свой взгляд от бумаги и растеряно посмотрел на офицеров.

– Что будем делать? Я так и не получил приказа на эвакуацию, – произнес он. – Была плохо слышно, и я ничего не расслышал, да и здесь нет ничего конкретного.

Майор промолчал, ведь он хорошо слышал, что Наумову приказали ждать приказа.

– Нужно начинать эвакуацию, больше ждать нельзя, – уже в который раз стал торопить его Гудков. – Мы не можем допустить, чтобы груз попал в лапы немцам. Вы представляете, что будет с нами, если это произойдет? Нас с вами просто расстреляют без суда и следствия.

– Да, да, вы правы майор, – растеряно ответил Наумов. – Лейтенант, вы помните поставленную перед вами задачу. Командуйте отрядом, мы уходим. Давай, давай, лейтенант, быстрее…

Где-то, совсем рядом, послышались сухие очереди немецких автоматов.

***

Капитан взглянул в окно, а затем торопливым шагом направился к двери. Никитин сбежал вслед за ним по лестнице и сел в кабину головной полуторки.

– Погоди, лейтенант, – обратился к нему Наумов. – Де-

вушку возьми с собой. Она из нашей конторы. У нее сопровождающие документы на груз. Береги ее, Никитин.

– Как вас зовут? – спросил ее лейтенант, направляясь к машине.

– Ольга Лаврова, – ответила девушка.

– Садитесь вот в эту машину, – приказал он ей и рукой указал на полуторку.

– Убедившись, что все его люди сели в машины, он запрыгнул на подножку грузовика.

– Давай, Клим, заводи, – приказал он водителю грузовика. – Поехали.

Первыми из двора выехали два танка. Хищно вращая стволами крупнокалиберных пулеметов, они двинулись в сторону выезда из города. За ними осторожно выехали грузовики и, набрав скорость, понеслись по пустынным улицам вслед за танками, замыкал колонну танк и броневик.

– Вот и все, – устало произнес капитан Наумов, провожая отъехавшую колонну машин. – Теперь можем и мы уходить…

Он сел в ожидавшую его «Эмку» рядом с майором Гудковым и облегченно вздохнул. Легковая машина выехала из ворот и тут же натолкнулась на группу немецких автоматчиков, которые двигались вдоль улицы, прижимаясь к фасадам домов. Все произошло так неожиданно, что немцы растерялись и не сразу открыли по ним огонь.

– Гони! – закричал водителю капитан Наумов, взводя ле-

жавший на его коленях автомат. – Гони!

Первыми же выстрелами немцам удалось пробить скаты легковушки и она, потеряв управление, стала вилять из стороны в сторону, пока не уперлась капотом в стенку дома.

– Майор, вместе нам не уйти. Уходи, я прикрою! – закричал Гудков.

Но Наумов, словно не слышал его. Сжимая в руках автомат, он отрицательно покачал головой. Они залегли около машины и открыли по немцам огонь. Гитлеровцы залегли на дороге и открыли шквальный огонь по офицерам. Пули крошили штукатурку домов, высекали искры из брусчатки и с воем уходили куда-то вверх. Кто-то из немцев бросил в них гранату, но, попав в телеграфный столб, она отлетела в сторону, и взорвалась, осыпав всех осколками. Раздался еще один взрыв, машина окуталась дымом.

– Уходи! – снова крикнул Наумов Гудкову. – Уходи, майор, я прикрою!

Майор сделал несколько выстрелов и, вскочив на ноги, метнулся в сторону ближайшего дома. Он не добежал до арки в дом метра три, когда автоматная очередь немецкого солдата буквально перерезала его пополам. Он вскинул свои короткие руки и словно мешок с картошкой, повалился на асфальт. Из пробитой пулями груди, пульсирующими толчками сочилась алая кровь.

Наумов перезаряжал автомат, когда увидел своего водителя, который, петляя, словно заяц, из стороны в сторону, бе-

жал по улице, размахивая неизвестно откуда взятой обмоткой, словно белым флагом.

– Сволочь! Стой! – закричал капитан. – Получай, гад!

Он нажал на курок. Водитель взмахнул руками и, сделав несколько неуверенных шагов по инерции, повалился на дорогу.

– Сдавайся! – закричал кто-то из немцев на русском языке. – Ты окружен!

Наумов хорошо знал, что в случае пленения его ждет неминуемая смерть, и поэтому ему ничего не оставалось, как продолжать сражаться до последнего патрона. Пулеметная очередь прошла над головой, заставив капитана буквально вжаться в асфальт. Он передернул затвор ППШ и дал очередь в сторону немецких солдат, которые, перебегая от дома к дому, обходили его со всех сторон.

– Сдавайся! Сопротивление бесполезно! – снова кто-то закричал из-за угла дома.

Сильный удар буквально вырвал из рук капитана автомат. Пуля угодила в диск автомата и заклинила его. Отбросив бесполезный для боя автомат, Наумов достал пистолет. Он сделал несколько прицельных выстрелов из «ТТ», отметив про себя, что два немецких солдата упали от его пуль на дорогу и перестали двигаться. Сбоку показалась группа эсэсовцев. Капитан приставил пистолет к виску и выстрелил.

***

– Господин гауптштурмфюрер! Посмотрите, здесь еще один убитый русский офицер, – произнес солдат и рукой указал на труп русского офицера, на рукаве зеленой гимнастерки которого была нашивка с изображением щита и меча. Чекист лежал около автомобиля, лицом уткнувшись в серый асфальт. Вокруг головы офицера чернела лужа запекшейся крови. Рядом с ним лежал пистолет «ТТ».

Гауптштурмфюрер СС Вальтер Вагнер, мужчина лет тридцати – тридцати пяти, светловолосый – отвечающий немецкому стандарту настоящего чистокровного арийца, постегивая хлыстом по лакированному голенищу сапога, неторопливым шагом направился в сторону солдата. Здесь, в поверженном немецкой армией Минске он представлял интересы обергруппенфюрера СС, начальника Главного управления имперской безопасности Эрнста Кальтенбруннера при ставке армии группы «Центр». Офицер, не спеша, подошел к трупу чекиста и носком начищенного до блеска сапога повернул голову мертвого в сторону. Глаза советского офицера были широко открыты и в них, словно в воде, отражалось голубое полуденное небо. На петлицах гимнастерки матово сверкали шпалы. Гауптштурмфюрер наклонился над трупом и брезгливо поднял, лежащее рядом с телом, оружие. Вытащив из рукоятки пистолета обойму, он посмотрел на нее. Она была пуста.

«Похоже, что этот офицер НКВД предпочел пустить себе пулю в голову, чтобы не угодить в плен, – подумал он. –

Что ж, нужно отдать ему должное уважение, ведь не каждый может пустить себе пулю в голову, чтобы не попасть в плен врагу».

– Дайте мне его документы! – приказал он солдату.

Эсесовец быстро достал из кармана гимнастерки убитого партбилет, служебное удостоверение и протянул их офицеру.

«Капитан НКВД Наумов, – прочитал капитан и усмехнулся. – Вот уж не думал, что возможна подобная встреча».

Ему была знакома эта фамилия, именно этот офицер НКВД, по данным разведки, отвечал за эвакуацию ценностей Белорусского Государственного Банка.

«Жалко, что он погиб, – снова подумал Вагнер. – Этот капитан НКВД, наверняка, много знал о маршруте перемещения ценностей».

Гауптштурмфюрер повернулся и направился к стоявшему недалеко от него «Майбаху». Черный, покрытый лаком, автомобиль сверкал своей краской и явно выделялся среди другой армейской техники. Из-за угла здания республиканского Банка вышли два солдата, которые толчками гнали перед собой раненого красноармейца, на гимнастерке которого были петлицы сотрудника НКВД. Боец был ранен в левую руку, которая словно плеть висела у него вдоль худого тела. Военнопленный, кривясь от боли и придерживая раненую руку здоровой рукой, бросал затравленный и испуганный взгляд на автоматы своих конвоиров. Правая сторона

лица красноармейца была сильно поранена, и кожа рваными лоскутками свисало с его челюсти. Заметив офицера, солдаты остановились и вытянулись по стойке «смирно». Постегивая стеком по сапогу, Вагнер приказал солдатом подвести к нему военнопленного.

– Кто ты и как тебя звать? – спросил Вагнер пленного на чистом русском языке. – Ты – чекист?

– Нет, господин офицер, я – не чекист, – боец неожиданно для капитана вытянулся по стойке «смирно». – Рядовой Смирнов. Я – водитель, то есть шофер.

Судя по его срывающемуся от страха голосу, боец был сильно напуган и как загнанный охотниками зверь, теперь смотрел на офицера, от которого зависела его жизнь.

– Ты знаешь, кто это? – спросил его Вагнер и стеком показал ему на труп капитана, который лежал рядом с машиной.

– Так точно, знаю. Это – начальник городского отдела НКВД капитан Наумов. Я был у него водителем, а вон там лежит труп майора Гудкова. Он был помощником военного коменданта города.

Гауптштурмфюрер улыбнулся и, ткнув ему в грудь стеком, спросил:

– Скажи, Смирнов, а где ценности, которые хранились в городском банке? Кто и куда их вывез?

– Я не знаю, господин офицер, я ведь лишь водитель, – побледнев, произнес боец.

Ответ водителя явно не понравился гауптштурмфюре-

ру. Он ударил стеком по лицу военнопленного, отчего тот вскрикнул от боли. Глаза водителя забегали в разные стороны, словно что-то искали. Офицер усмехнулся, заметив, как задрожали руки пленного.

– Не хочешь говорить, Смирнов? Дело – твое. Расстрелять, – коротко бросил гауптштурмфюрер и направился к машине.

Он открыл дверь автомобиля, но его остановил голос военнопленного.

– Не убивайте меня, господин офицер! Я все расскажу! – закричал боец, падая перед ним на колени. – Я жить хочу! Только не убивайте!

Гауптштурмфюрер махнул рукой, и солдаты остановили попытку поднять Смирнова с колен.

– Говори, Смирнов. У меня нет времени.

– Все ценности вывезли сегодня утром, господин офицер. Это произошло около часа назад.

Немец радостно усмехнулся. По его лицу пробежала победная улыбка.

– Охрана большая?

– Не очень, господин офицер. Взвод солдат, три легких танка и броневик. Я думаю, что они не могли далеко уйти…

– Молодец, Смирнов. Теперь скажи мне, куда направились эти машины?

– Куда? Я не знаю, господин офицер, но думаю, что в сторону Смоленска. Здесь одна дорога…

Гауптштурмфюрер в очередной раз усмехнулся. Он почувствовал, что фортуна вновь повернулась к нему лицом. Машины с русским золотом покинули город совсем недавно и, следовательно, не могли далеко оторваться от передовых немецких частей, которые буквально висели на плечах, отходящих на восток советских войск. Вагнер сел в ожидавший его автомобиль и, сняв с головы фуражку, вытер платком вспотевший лоб. Поднимая в воздух разбросанные по пустынным улицам обрывки каких-то бумаг и газет, «Майбах» Вагнера осторожно тронулся с места. Все улицы Минска были забиты немецкой техникой. Вдоль домов стояли автомашины, танки, бронетранспортеры, около которых суетились солдаты, где-то еще слышались автоматные очереди. Это немецкая пехота добивала остатки гарнизона Минска. Выехав за пределы города, машина помчалась в расположение штаба армии группы «Центр».

***

У лейтенанта Никитина явно сдавали нервы, хотя он старался держаться бодро. Он постоянно выглядывал из кабины полуторки и смотрел в прозрачное голубое небо, в котором кружили немецкие самолеты. Они делали один заход за другим, расстреливая колонны отходящих на восток войск и беженцев. Один из самолетов оторвался от строя и устремился на них.

– Воздух! – громко закричал лейтенант и машины, словно

повинуясь волшебной палочке, съехали с дороги и укрылись в небольшой роще.

Самолет пронесся так низко, что им всем показалось, он готов срубить верхушки сосен. Ревя мотором, он устремился вверх и, догнав свое звено, встал в строй. Почему он не атаковал их колонну, пока оставалось загадкой для Никитина.

– Клим! Почему они не атакуют нас? – спросил лейтенант у водителя.

– Не знаю, товарищ лейтенант. Наверное, принял нас за своих.

– Едва ли, – тихо произнес Никитин. – Немцы – не дураки.

Лейтенант выглянул из кабины и посмотрел на небо, но оно было чистым, ни самолетов, ни облаков. Впервые за всю свою недолгую жизнь лейтенант был недоволен погодой.

«Сейчас бы тучек больше, да дождичка дня на два», – подумал он.

Колонна медленно выползла из рощи и двинулась снова на восток.

– Не гони! – приказал он водителю. – Не видишь что ли, машины растянулись. Водитель, молча, выполнил команду офицера. Полуторка сбросила скорость и стала прижиматься к обочине дороги.

– Товарищ лейтенант! Можно обратиться? – спросил Никитина водитель.

Лейтенант посмотрел на водителя и кивком головы дал согласие.

– Скажите, товарищ лейтенант, у вас есть семья? У вас есть родные, которые ждут вас дома?

– Почему вы меня спросили об этом? Какая разница есть у меня семья или нет?

– Я просто хотел услышать от вас, есть ли у вас семья или нет. Ведь от этого будет зависеть степень нашего риска. Когда человек один, он может позволить себе рисковать, ведь его никто не ждет.

Недослушав водителя, офицер снова выбрался на ступеньку автомобиля и оглянулся назад. Позади их машины, выстроившись в неровную цепочку, двигались остальные машины. Впереди показались небольшие группы красноармейцев, которые махали им руками, в надежде, что их подберет проходящая мимо них механизированная колонна.

– Не останавливайся! – коротко бросил Никитин. – Мы не имеем права подбирать людей.

– Как-то не по себе, товарищ лейтенант. Вот смотрю я на них и думаю, никто из них, наверное, не думал до 22 июня, что вот так сложится их судьба, что будем бежать на восток, бросая своих товарищей на растерзание немцам.

– Я что-то тебя не понял, Клим? Ты хоть понимаешь, с кем ты разговариваешь? Да тебя за такие пораженческие разговоры к стенке ставить нужно! Ты понял?!

Водитель обиженно поджал губы, он явно был недоволен ответом Никитина.

– Ну и куда нам теперь? – тихо спросил он лейтенанта.

– Пока в сторону Смоленска, а там будет видно.

Из перелеска по машинам ударил пулемет. Одна из пуль, пробив лобовое стекло полуторки, ударила чуть выше головы Никитина.

– Гони! – закричал офицер и ударил длинной автоматной очередью по кустам, что стеной стояли вдоль дороги. Один из танков развернулся и ринулся на опушку перелеска. Раздалось несколько пулеметных очередей и танк, подминая кустарник, устремился к колонне. Догнав машины, он снова занял свое место в строю машин.

***

– Машины в укрытие! – громко скомандовал Никитин. – Маркелов! Ко мне!

К офицеру подбежал младший лейтенант и, приложив ладонь к пилотке, громко отрапортовал о прибытии.

– Как бойцы? – спросил его Никитин. – Раненых нет?

– Одного зацепило, – ответил Маркелов, – ранение легкое. Эти националисты почувствовали силу вот и вылезли из своих нор.

Лейтенант усмехнулся. Он хорошо понял, что младший лейтенант бросил камень в него, а вернее, в его ведомство – НКВД.

– Ничего, придет время – разберемся, Маркелов. Мы их всех к ногтю….

– Товарищ лейтенант, если не секрет, почему останови-

лись? Разве мы не должны доставить этот ценный груз, как можно скорей в Смоленск?

Никитин пристально посмотрел на Маркелова. Взгляд его серых глаз был таким жестким и холодным, что младший лейтенант моментально осознал сделанную им ошибку. Он хорошо помнил инструктаж начальника особого отдела полка.

– Запомните, Маркелов, вы выполняете задание государственной важности – сопровождаете ценный груз. Какой груз – это не имеет никакого значения и еще, один бесплатный совет – никаких вопросов. НКВД не любит любознательных: нашел – молчи, потерял, тоже молчи. Так будет лучше не только тебе, но и твоим подчиненным и родным. Надеюсь, усвоил?

– Так точно, усвоил.

– Раз усвоил, иди, выполняй.

Сейчас, глядя на злое лицо сотрудника НКВД, Маркелов понял, что допустил оплошность.

– Вопросы есть? – спросил его Никитин. – Если нет – свободны. Что вы топчетесь на месте? Прикажите водителям не растягивать колонну, но и не жаться. Назначьте наблюдателей за воздухом.

– Разрешите идти? – снова спросил Маркелов.

– Идите, – ответил лейтенант и перевел свой взгляд на Лаврову, которая, воспользовавшись временной остановкой, сидела в кабине полуторки и расчесывала свои густые тем-

но-русые волосы.

Заметив на себе пристальный взгляд лейтенанта, она смутилась и, выглянув из кабины полуторки, улыбнулась.

«А улыбка у нее очень красивая, – отметил про себя Никитин. – Да и так – она очень симпатичная девушка. Если бы не война…».

– Товарищ лейтенант! – обратилась к нему Лаврова. – Вы что так рассматриваете меня?

Она снова улыбнулась. В этот раз покраснел почему-то Никитин.

– Я на вас не смотрел, – сконфужено ответил он. – А в прочем, на вас и посмотреть не грех. Вам бы, Ольга, в кино сниматься, народ радовать своей красотой….

Развернувшись, он направился к своей машине и сел в кабину полуторки. Сняв с головы фуражку, он вытер носовым платком вспотевший лоб.

– Чего стоим, Клим? Давай, трогай!

Полуторка тихо тронулась с места и стала набирать скорость. Где-то вдалеке отчетливо слышались орудийные залпы, и трудно было понять, кто ведет огонь – немцы или наши. Эта канонада, словно кнут пастуха, гнала машины на восток. Скорость машин все возрастала и возрастала.

– Давай, сворачивай влево, – приказал Никитин водителю.

– Товарищ лейтенант, но нам нужно вправо. Вон видите указатель – Смоленск, – возразил ему Клим.

– Я сказал налево, значит, налево, – со злостью произнес

Никитин. – Здесь я решаю, куда ехать – налево или направо.

Где-то недалеко затрещали автоматные очереди. Судя по звуку, огонь вели немцы.

Машины свернули на проселочную дорогу и медленно двинулись в обратную от Смоленска сторону. Эту дорогу лейтенант знал хорошо, она вела в сторону рабочего поселка. Именно в этом лесу он охотился со своим другом на кабанов.

«Когда это было? – с грустью подумал Никитин. – Придется ли еще побродить с ружьишком по лесу».

Время и эта проселочная дорога поделила его жизнь на две половины – до и после начала войны.

***

Гауптштурмфюрер СС Вагнер сидел на заднем сиденье автомобиля. Он опустил боковое стекло «Майбаха» и откинулся на спинку кресла. Летний теплый ветерок, залетавший в салон машины, нежно ласкал его вспотевшее лицо и осторожно, словно девушка, трепал его белокурые волосы. Он закрыл глаза, стараясь восстановить в памяти свою последнюю встречу с обергруппенфюрером СС Эрнстом Кальтенбруннером.

… На берлинских улицах было очень душно и трудно было поверить, что это всего лишь середина мая. Раскаленный солнцем асфальт, словно живой пластилин, пытался сохранить на своей поверхности отпечатки обуви прохожих и протекторы автомашин, которые заполняли улицу шумом своих

моторов. Где-то далеко гремел первый весенний гром. Его раскаты были чуть слышны, так как тонули в шуме моторов и звоне трамвайных сигналов. Гауптштурмфюрер СС Вальтер Вагнер вышел из здания Министерства по делам оккупированных территорий, которое возглавлял Альфред Розенберг. Он осмотрелся по сторонам, отыскивая глазами свою служебную автомашину. Машин около министерства было достаточно много, и он не сразу заметил своего водителя, который махал ему рукой.

Три дня назад, до совещания у райхминистра Розенберга, его пригласили в ведомство обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера. Это было так неожиданно для Вагнера, что он невольно заволновался. Его должность заместителя начальника гестапо в небольшом французском городке была столь незначительная в общей структуре аппарата имперской безопасности, что не могла не вызвать у него удивление.

Вагнер вступил в немецкую национал-социалистическую партию в 1929 году. В тот памятный для него год он потерял работу в университете, где читал лекции по Восточной культуре и случайно познакомился с Рудольфом Гессом, с будущим заместителем Гитлера по партии. В результате этого знакомства его жизнь приобрела новую окраску и значимость. Сначала он командовал ротой штурмовиков, которая принимала активное участие в разгроме ячеек коммунистов, а затем по подсказке Гесса он связал свою дальнейшую судьбу с Гитлером, а не с вождем штурмовиков Ремом и оказал-

ся в большом выигрыше. Сейчас по истечению времени он ничуть не жалел о своем выборе.

«Майбах» неожиданно резко затормозил. Вагнер открыл глаза и посмотрел в боковое окно автомобиля. Вдоль дороги немецкие солдаты гнали колонну русских военнопленных, многие из которых еле двигались из-за полученных ранений. Один из пленных, молодой крепкий боец, попытался перебежать дорогу перед их машиной, но был остановлен ударом приклада конвоира.

– Хальт! – закричал громко солдат и направил на него автомат.

– Не останавливайся! – приказал Вагнер водителю. – Я очень тороплюсь, Гельмут.

– Яволь, господин гауптштурмфюрер.

Машина прорезала колонну, словно нож масло, и понеслась дальше. Вагнер снова закрыл глаза.

***

…Вальтер Вагнер стоял приемной руководителя Главного управления имперской безопасности, ожидая приглашения, и с нескрываемым любопытством рассматривал гобелены, которыми были декорированы стены приемной.

– Господин гауптштурмфюрер! Обергруппенфюрер ждет вас, – произнес дежурный офицер, вышедший из кабинета Кальтенбруннера.

Вагнер открыл дверь и, затаив дыхание, переступил порог

кабинета. За большим столом сидел человек средних лет. На лице обергруппенфюрера СС блуждала непонятная Вагнеру улыбка. Он был одет в черный, безукоризненно сшитый китель, белую рубашку и черный галстук. На лацкане кителя сверкал на солнце золотой знак СС.

– Хайль Гитлер! – выбросив правую руку в нацистском приветствии, громко произнес Вальтер Вагнер.

Обергруппенфюрер СС усмехнулся и приподнял правую руку в нацистском приветствии. Он не любил эти атрибуты власти, которые иногда носили показной характер, но не ответить на приветствие он просто не мог.

– Проходите, Вагнер. Присаживайтесь, – произнес он и рукой указал ему на кресло.

Гауптштурмфюрер СС прошел к столу и сел в кожаное кресло.

– Мне доложили, что вы раньше преподавали в университете курс Восточной культуры и являетесь большим знатоком русского изобразительного искусства. Это правда?

– Так точно, господин обергруппенфюрер. Я шесть лет преподавал в университете города Кельн. Читал там лекции по Восточной культуре, в совершенстве владею русским и польским языком.

– Хорошо, гауптштурмфюрер. Все дело в том, что райхсминистр по делам восточных территорий Альфред Розенберг формирует спецподразделения по изъятию культурных и исторических ценностей с оккупированных вермахтом

территорий. Я хочу, чтобы одну из таких групп возглавили лично вы. У вас имеется все необходимое для этого: знания, вы – член партии, положительно зарекомендовали себя на службе в аппарате гестапо. И еще, я просто хочу быть в курсе того, какие трофеи мы захватим у нашего вероятного противника.

Кальтенбруннер замолчал и посмотрел на сидевшего перед ним офицера. Вальтер Вагнер моментально понял, что в этом кабинете уже давно все решено и поэтому, вскочив с кресла, громко произнес:

– Спасибо за доверие, господин обергруппенфюрер. Я оправдаю ваше доверие.

– Не кричите, гауптштурмфюрер, я хорошо слышу. Вам действительно оказано большое доверие. Можете использовать любые средства для достижения поставленных перед вами целей. Я об этом дам соответствующие распоряжения. Другого ответа я от вас не ожидал. А сейчас – вы свободны. Сдайте все свои дела и ждите распоряжения.

Вальтер Вагнер выкинул руку вперед, щелкнул каблуками и вышел из кабинета. Уже в приемной он достал из кармана носовой платок и вытер им вспотевший лоб и шею.

– Гауптщтурмфюрер! – обратился к нему дежурный офицер. – Пройдите в кабинет номер три и получите там все необходимые вам инструкции.

Вагнер вскинул правую руку и, щелкнув каблуками, вышел из приемной.

***

Лейтенант НКВД Никитин сидел в первой машине, которая следовала в метрах пятидесяти позади танков. Где-то далеко позади их остался дымящийся от пожаров Минск. Заходящее солнце било прямо в глаза лейтенанта и ему то и дело приходилось щуриться, чтобы рассмотреть лежавшую перед машиной дорогу. Мимо их машин, поднимая серую дорожную пыль, промчалась черная штабная «Эмка» в сопровождении броневика и двух мотоциклистов. Впереди, по дороге показались разрушенные бомбежкой дома, многие из которых еще горели открытым огнем. Никитину не раз приходилось бывать в этом рабочем поселке. Где-то там, за поворотом этой улицы жил его сослуживец – Васильев Игорь, погибший два дня назад от взрыва немецкой бомбы.

Поселок был небольшим, он вырос за два года до начала войны. Рядом с проходящей через поселок дорогой дымились корпуса, уничтоженного немецкой авиацией мебельного комбината. Дорога, разбитая немецкими самолетами, не позволяла набрать нужную колонне скорость, и полуторкам часто приходилось тормозить, чтобы объезжать глубокие воронки.

– Товарищ командир, посмотрите, кто это там, – обратился к нему водитель. – Вон видите, там на дороге?

В мареве горящего на дороге автомобиля виднелись какие-то расплывчатые человеческие фигурки, которые пере-

бегали дорогу и скрывались в придорожных кустах.

«Кто это? – с тревогой подумал Никитин, передергивая затвор автомата. – Неужели немцы? Как они могли оказаться здесь?»

Чем ближе они приближались, тем отчетливее становились силуэты. Это были немцы, которые стояли рядом со своими мотоциклами. По всей вероятности, это была вражеская разведка.

– Тормози, Клим! Уходи влево!– закричал лейтенант водителю, когда тот затормозил. Никитин буквально вывалился из машины и, укрывшись в воронке от бомбы, открыл огонь из автомата. Вслед за ним по немцам начали стрелять и другие красноармейцы охраны. Пули противно визжали, поднимали фонтаны пыли перед лицом Никитина и с визгом уходили куда-то в небо. Идущий первым танк вспыхнул ярким пламенем. Черный густой дым буквально пополз по дороге, закрывая видимость и русским, и немцам.

– Прикрой меня огнем! – крикнул Никитин Маркелову и пополз к канаве. Высокие придорожные кусты надежно скрывали его передвижение. Немцы рассыпались цепью вдоль дороги и вели огонь из автоматов и пулеметов. Оставшиеся два танка развернулись и устремились по дороге в сторону немцев. Гулко ударил крупнокалиберный пулемет, поднимая фонтаны пыли. Загорелся один мотоцикл, затем второй. Немцы, не выдержав пулеметного огня, стали отходить назад, укрываясь в развалинах разрушенных домов.

Никитин поймал в прицел перебегающего дорогу немца и нажал на курок, но услышал лишь сухой щелчок. Похоже, у него закончились в автомате патроны. Немец, перебегавший дорогу, вдруг неожиданно выронил из рук автомат и повалился в дорожную пыль.

«Кто это его подстрелил?» – подумал он, перезаряжая автомат.

Рядом с ним, в метрах пяти от него хлестко грохнул винтовочный выстрел. Он невольно оглянулся назад и увидел Ольгу, которая перезаряжала винтовку.

– Уходи! Назад, к машине! – закричал он ей. – Я приказываю, уходи!

Но, девушка, словно не слышала его. Она снова прижала приклад винтовки к плечу и, поймав в прицел фашиста, выстрелила. Голова немца дернулась, и он уткнулся лицом в землю. Бой стал принимать затяжной характер. Из переулка поселка выскочило еще несколько мотоциклистов, которые попытались разрезать колонну на две части. Раздалось несколько взрывов гранат. Танки и броневик снова двинулись вперед, стараясь уничтожить засевших в кустах и развалинах немецких мотоциклистов. Одна из бронированных машин остановилась посреди дороги. Из моторного отсека танка повалил черный едкий дым. Из башни танка показалась голова танкиста в черном шлемофоне. Он попытался выбраться из горящей машины, но пуля немецкого пулеметчика, буквально перерубила его пополам.

– Прикрой меня! – прокричал Никитин Ольге и, работая локтями, быстро добрался до крайнего дома, из окна которого бил немецкий пулемет. Достав из кармана гранату, он швырнул ее в открытое окно. Раздался взрыв. Из оконного проема вырвался столб огня и дыма. Неожиданно стрельба стихла, лишь чадили догорающие мотоциклы и подбитые танки. Около танка сновали два человека в черных комбинезонах.

– Что у вас? – спросил Никитин танкистов.

– Вовремя загасили, товарищ лейтенант, – ответил один из них. – Можем двигаться дальше.

Всем было понятно, что немцы где-то в глубине поселка перегруппировывают свои силы и готовятся к очередной атаке. Ждать было нельзя.

– Вперед! – приказал Никитин и бронированный кулак русской колонны, ринулся вперед, вслед за которым двинулись полуторки. Опять началась стрельба. Пули рвали брезентовые тенты, прошивали деревянные борта полуторок, но остановить колонну уже не могли. Странно, но немцы не стали преследовать грузовики, видимо огонь крупнокалиберного пулемета танка и броневика остудил их наступательный пыл. Проехав около двадцати километров, машины остановились в небольшом лесочке.

***

Где-то далеко громыхала канонада, чем-то похожая на

раскаты грома. Но в этом светлом от белых стволов берез лесочке было не по-военному тихо. Небольшой южный ветерок нежно ласкал зеленую листву. В высокой траве, в которой, яркими белыми звездочками цвели ромашки, стрекотали цикады, запах разноцветья кружил голову.

– Маркелов! – окликнул Никитин командира взвода охраны. – Доложите о потерях.

Лейтенант сел на подножку грузовика и, достав папиросу, закурил. Это был его первый открытый бой с фашистами, и его немного трясло от нервного перенапряжения.

– Товарищ лейтенант, у нас двое убитых и один боец ранен.

Уловив в его голосе несколько фальшивых нот, Никитин посмотрел ему в лицо. В какую-то секунду их глаза встретились. Не выдержав его взгляда, Маркелов отвернулся.

– Что еще, Маркелов? Ты что-то не договариваешь? Говори!

Младший лейтенант замялся, он просто не знал, как преподнести этот факт командиру.

– И еще, товарищ лейтенант, пропал без вести рядовой Лихачев. Виноват – не доглядел.

– Как это так, пропал? – с возмущением переспросил его Никитин. – Ты хоть понимаешь, что это значит?!

– Я не знаю, как все это произошло, товарищ лейтенант, – вытянувшись в струнку, произнес Маркелов. – Вроде бы стрелял недалеко от меня, но в машине его потом не оказа-

лось. Может, погиб, а может…

Младший лейтенант не договорил, давая понять Никитину, что Лихачев мог и остаться, чтобы перейти на сторону немцев. Маркелов замолчал и виновато посмотрел на чекиста.

– Плохое начало, – тихо произнес лейтенант, заметив, что к их разговору стали прислушиваться водители автомобилей и красноармейцы. – Откуда он родом?

– Из Полесья, товарищ командир. Его только весной призвали в армию. Я плохо его знаю, он из другой роты.

Никитин, как офицер госбезопасности хорошо знал, что в самом начале войны многие командиры Красной Армии всячески скрывали факты добровольного перехода бойцов на сторону врага, внося их фамилии в списки погибших. Так было намного проще, ведь по каждому факту перехода на сторону немцев должна была проводиться служебная проверка, результаты которой могли сказаться не только на карьере командира, но и на его дальнейшей судьбе.

Маркелов виновато посмотрел на Никитина. В исчезновении бойца взвода охраны он видел и свою вину.

– Плохо, Маркелов. Операция наша – секретная, а у тебя – перебежчик.

– Виноват, товарищ лейтенант. Готов нести наказание по законам военного времени.

Никитин усмехнулся.

– Держи эту информацию за зубами, понял? Как маши-

ны? – чтобы разрядить ситуацию, спросил Маркелова лейтенант. – Все могут продолжать движение?

– Слава Богу, пока все на ходу. Двигаться могут. Жалко, потеряли танк, но что сделаешь…

Никитин повернул голову, услышав женский голос.

– Лаврова! – окликнул он ее. – Подойдите ко мне.

Надев на голову венок из полевых ромашек, девушка, молча, подошла к нему.

– Скажите, где вы так хорошо научились стрелять, Лаврова? – спросил ее Никитин.

– В школе «Ворошиловский стрелок», товарищ лейтенант. Я – мастер спорта по стрельбе и плаванию.

– Здорово! По вам не скажешь, что вы – мастер спорта. Такая утонченная…

– Внешность обманчива, товарищ лейтенант. Вы тоже совсем не похожи на сотрудника НКВД.

– Почему?

– Не знаю, но вы не похожи на чекиста, у вас глаза добрые, – ответила она и задорно засмеялась.

Никитин тоже улыбнулся и внимательно посмотрел на стоявшую перед ним девушку. Ей было лет двадцать. Внешность ее была необычной. У нее были пышные густые светло-русые волосы, что придавали ее красивому лицу какую-то фантастическую загадочность, которая буквально завораживала взгляд любого мужчины. Высокая грудь, красивые ноги делали ее похожей, на артистку театра.

«А она, чертовски хороша, – первое, что пришло в голову Никитина. – Одно слово – королева».

– У вас еще есть какие-то вопросы ко мне, товарищ Никитин? – спросила девушка и улыбнулась, непроизвольно ощутив симпатию к этому молодому офицеру.

Лейтенант был чуть выше среднего роста, широк в плечах. Его лицо, потемневшее от летнего загара, было довольно привлекательным для женщин, Темно-русые волосы, голубые, словно васильки, большие глаза, чувствительные губы…

– Есть, Лаврова, есть. Я прошу вас запомнить, что здесь – я командир и мои приказы должны беспрекословно исполняться. Вам это понятно или нет? Следующий раз за отказ выполнять мои приказы, – он не договорил, так как и без этой устрашающей фразы было ясно, что он хочет сказать.

– Понятно, товарищ лейтенант, но я – не ваша подчиненная. Насколько я понимаю, это вам приказали доставить меня в Смоленск, а не мне вас. Так что, вот и выполняйте полученный приказ.

«А она не так и проста, – подумал Никитин. – Палец в рот не клади, откусит руку по локоть».

– Вы правы, я действительно должен вас доставить в Смоленск, поэтому я и прошу вас выполнять мои указания. Извините, но я не потерплю анархию. Вам это понятно, Лаврова?

Он хотел сначала сказать приказы, но потом решил, что

будет намного лучше, что если он поменяет слово приказ на указания.

– Хорошо, товарищ лейтенант. Больше у вас ко мне претензий не будет.

Никитин проводил ее взглядом, отметив про себя ее великолепную фигуру, и посмотрел на Маркелова, который внимательно наблюдал за ним со стороны.

– Давай, младший лейтенант, трогаемся! – приказал Никитин Маркелову. – Раненых бойцов передадим работникам медсанбата по ходу движения колонны.

Они разошлись по машинам. Вскоре машины взревели моторами, колонна медленно снова двинулась в сторону Смоленска.

***

Рядового Лихачева призвали в ряды Красной армии ранней весной 1941 года. Накануне он долго разговаривал с отцом по поводу призыва.

– Сын, ты – взрослый человек и сам должен понимать, что сидеть годами в лесу непросто. Кто знает, как долго будет эта власть. С другой стороны, армия может научить тебя многому.

– Батька, но я не хочу служить этой власти. Они отобрали у меня будущее, а ты говоришь, иди и служи. Я убивать их готов, а не служить им.

– Придет время, сынок, и мы пустим им кровь, мы им все

вспомним….

Утром Лихачев с вещевым мешком прибыл в сельсовет. Около конторы уже толпилась толпа провожающих призывников. Парни из деревни с нескрываемым интересом наблюдали за ним, так как он пришел на сборочный пункт совершенно один.

– Ну, что, Борис! Мы, смотрим, и ты решил послужить новой власти? – спросил его Беркович. – Вот уж не думал увидеть тебя здесь. Интересно, а где твой отец – кулак?

Берковичи были самыми бедными в их деревне и поэтому с приходом Советской власти в Полесье первыми приняли ее. Уже через неделю Олег Беркович вместе с председателем поселкового Совета и сотрудниками ОГПУ начали зачистку деревни. Вскоре вся эта компания вошла во двор Лихачевых. Сотрудник ОГПУ и председатель Совета бесцеремонно прошли в дом и стали переписывать имущество. Отец Бориса, молча, наблюдал за происходящим.

– И зачем вы все это переписываете, господин начальник? – с трудом выдавил он из себя несколько слов. – Это же не ворованное, все заработано вот этими руками.

Чекист посмотрел на мужчину, на его сильные мозолистые руки и улыбнулся.

– Ты бы помолчал, мироед, – произнес председатель. – Аль забыл, как ломали мы спины на твоей маслобойне, как ты издевался над нами.

Старик словно не услышал этой реплики. Он посмотрел

на председателя и усмехнулся.

– Может, ты забыл, Афанасий, как валялся у меня в ногах, прося хоть какой-то работы. А теперь, вот ты – начальник, а я – мироед.

– Вот это можете забирать в Совет, – произнес чекист и указал рукой на резной буфет. – Думаю, что лишним он у вас не будет. Ткани и полотенца – отдайте малоимущим сельчанам.

Переписав имущество, комиссия покинула дом, уводя с собой ее хозяина. Отец Лихачева вернулся домой через неделю. Он заметно похудел, лицо было серым, а в глазах его появился недобрый огонь. Он выпил стакан самогона и направился в баню.

– Запомни, сынок, убивать их нужно, всех без всякого разбора – произнес он, сунув под мышку чистое нательное белье. – Нет у них ни Бога, ни черта. Они сами хуже дьяволов.

– Что так? – спросила его супруга.

– Знаешь, сколько они постреляли? Перебили всех: Михайловых, Гуревичей и многих других.

Прошло около года и вот они снова столкнулись лицом к лицу: Лихачев и Беркович.

– Это почему, ты решил, что я не могу служить Советской власти? – спросил его Лихачев. – Власть она и есть власть, ей служить нужно. Вот видишь, ты – голодранец, а я из зажиточных крестьян, как ты говоришь, а будем вместе служить власти. Выходит, власти безразлично, кто ей служит…

– Власти может и безразлично, а мне вот нет! – ответил Беркович и словно молодой петух, выпятив вперед грудь, двинулся в сторону Бориса.

Заметив это, Лихачев сплюнул на землю и демонстративно отвернулся от Берковича. Тот схватил его за руку и их взгляды встретились. В глазах обоих сверкала ненависть.

– Тогда, что ты сидишь здесь на завалинке и точишь лясы. Иди, расскажи военному комиссару, что они сделали ошибку, призывая меня на службу. Может, он и послушает тебя и отпустит меня домой. Давай, иди, а я посмотрю…

После этих слов, Лихачев заметил, как около Берковича моментально образовалась группа молодежи, которая с нескрываемой ненавистью наблюдала за их спором.

«Похоже, драки не избежать, – подумал Лихачев. – Пусть только тронут, посмотрим – кто кого».

Борис Лихачев был сильным от природы парнем и не боялся с помощью кулаков решать возникавшие в жизни проблемы. Он уже приготовился ударить Берковича в кончик носа, но вдруг входная дверь сельсовета резко распахнулась, и на пороге появился военком. Все повернули головы в его сторону.

– Ну что, воины, готовы отдать свой гражданский долг Родине? – громко спросил их военком. – Сейчас подойдут подводы и тронемся на станцию.

– Товарищ военком! – обратился к нему Беркович. – Скажите, а вы знаете, что Лихачев из кулаков? Как же мы будем

служить вместе с ним. Они с отцом – враги нашей власти…

– Погоди, Беркович, не тараторь. Может, у него, как ты говоришь, отец и кулак, но причем здесь он? Ты же видишь, что он добровольно прибыл на сборочный пункт, а это значит, что он осознал свое социальное положение и готов искупить вину перед Советской властью.

«Ну, погоди, Беркович, придет время, и ты еще умоешься кровью», – подумал Борис.

– Я – комсомолец, товарищ военком, и я обязан был доложить вам о Лихачеве, – уже менее уверенно произнес Беркович.

– Молодец, Беркович! – громко произнес военком. – Как говорил товарищ Сталин, с победой пролетариата классовая борьба не только не прекращается, а наоборот – усиливается. Если бывший враг склоняет голову, мы должны быть милосердны к нему, так как он уже не опасен.

Из-за ближайших домов показались две подводы. Призывники побросали в них свои вещевые мешки, попрощались со своими родными и близкими. Послышалась команда, и подводы медленно двинулись в сторону станции.

***

Служба Лихачеву давалась легко. Командир роты неоднократно приводил его в пример другим бойцам. Он легко выполнял все нормативы по боевой и физической подготовке, был активным и на политзанятиях. Однако, он постоянно

ловил на себе взгляд Берковича, который не сулил ему ничего хорошего. Однажды, в мае 1941 года, находясь в наряде, он услышал разговор Берковича с одним из бойцов роты, которые неодобрительно высказывались о «чистке» в рядах Красной армии.

– Василий, я сегодня получил письмо из дома. Мать пишет, что немецкие самолеты ежедневно пролетают над нашей деревней. Спрашивает меня, будет ли война с Германией? Вот я и думаю, если начнется, то кто поведет наши войска в бой. Тухачевского – нет, Блюхера – нет, Якира – нет. Сотни арестованных и расстрелянных командиров. Разве что Ворошилов и Буденный…

– А может, немцы просто нас пугают, то есть, берут на «понт». Главное напугать, а там делай, что хочешь.

– Нет, Василий, немцы не пугают, это – не бандюги. Они заставляют нас привыкать ко всем этим полетам. Когда привыкнем, вот тогда они и ударят по нам.

– Да брось ты! Мы сами можем ударить по ним так, что только мокрое место останется от немцев. Ты только посмотри, все леса забиты войсками, на аэродромах тысячи самолетов, новые танки…. Разве этого мало?

Похоже, они что-то заподозрили, поэтому замолчали. За дверью стало тихо. Борис вовремя успел отойти от двери. Она неожиданно открылась, и из-за нее выглянуло напуганное лицо Василия. Убедившись, что их никто не подслушивает, они продолжили свой разговор.

«Вот ты родимый мой и попался, – подумал Лихачев, потирая ладони. – Дождался…».

Всю ночь он писал донесение начальнику Особого отдела полка. Немного подумав, он дописал, что Беркович плохо отзывался и о товарище Сталине, называл его палачом русского народа. Закончив писать, он долго думал подписываться под доносом или нет. Наконец он принял решение, сложив листочек бумаги, пополам, он оставил свой пост и, скрываясь в тени зданий и казармы, Борис направился в кабинет начальника Особого отдела полка.

Утром следующего дня выдалось как никогда теплым и солнечным. Сменившись с поста, Лихачев направился в распоряжение своей роты. Навстречу ему попался командир взвода. Он был бледен, и как тогда показалось Лихачеву, чем-то напуган. Борис четко отдал ему честь, но лейтенант рукой остановил его движение.

– Не спеши, Лихачев. В роте идет шмон. Особисты злые, как собаки, кричат на всех. Утром арестовали двух бойцов и ротного. Посиди на лавочке, покури…

Лицо Лихачева вспыхнуло, и трудно было разобрать отчего, то ли от радости, то ли от страха.

– И за что их арестовали, товарищ лейтенант?

– Не знаю. Говорят, что за антисоветскую пропаганду. Беркович якобы создал эту самую группу троцкистов.

«Вот и все! Прощай, Беркович!», – радостно подумал Борис и почувствовал небывалый ранее прилив радости.

Вечером его вызвал сотрудник Особого отдела полка.

– Проходи, Лихачев, проходи, – произнес чекист, когда Борис доложил ему о прибытии. – Как дела, Лихачев?

– Служим, товарищ младший лейтенант, – теряясь в догадках, ответил Борис.

– Как дома? Отец пишет? – сердце бойца екнуло.

«Почему он спросил меня о доме?», – подумал Борис.

– Скажи, Лихачев, это ты написал донос на Берковича? Только не нужно отпираться, я вычислил тебя по почерку. Ты ведь один во взводе такой грамотный, что пишешь без ошибок. Да ты, не бойся. Никто не узнает о нашем с тобой разговоре…

Лихачев пристально посмотрел на чекиста. В том, что тот вычислил его, он не сомневался.

«Если ты все знаешь, то зачем спрашиваешь меня об этом?», – подумал Борис.

– Я жду, Лихачев! – строго произнес младший лейтенант. – Ты меня слышишь?

– Да, – немного подумав, выдавил из себя Борис. – Я просто написал о том, что слышал…

Офицер усмехнулся и, достав из кармана галифе пачку папирос, закурил.

– Молодец, Лихачев, хвалю за бдительность. Садись за стол, бери в руки ручку и начинай писать. Чекист диктовал, а он, обливаясь потом, писал.

– Написал? Вот и хорошо. С этого дня ты становишься

секретным агентом. Пока поступай, как поступил с Берковичем, то есть – слушай, кто, о чем говорит, я имею в виду, – против Советской власти и Красной Армии. Усвоил? Тогда иди. Ты больше сюда не приходи, я сам найду тебя.

С этого дня Лихачев начал информировать Особый отдел полка о настроениях военнослужащих, об их высказываниях. Иногда он придумывал сам, но чаще всего писал правду. Война нагрянула неожиданно и он, оказавшись во взводе сопровождения ценного груза, моментально принял решение, что при первом удобном случае он перейдет к немцам. Бой в рабочем поселке как раз оказался этим случаем. Бросив винтовку, он отполз в сторону немцев и спрятался в разбитом бомбежкой доме.

***

Бориса Лихачева втолкнули в кабинет гауптштурмфюрера СС Вагнера. Лицо его было все в запекшейся крови и напоминало скорей какую-то страшную и непонятную маску сказочного чудовища. Он с трудом держался на ногах, и поэтому его приходилось поддерживать двум эсесовцам, чтобы он не рухнул на пол.

Офицер встал из-за стола и подошел к военнопленному. Он пальцем поднял подбородок бойца и заглянул ему в глаза.

– Кто ты? – спросил он у Лихачева, хотя уже знал, что этот красноармеец вчера добровольно сдался в плен.

– Красноармеец Борис Лихачев, – с трудом произнес во-

енноплененный. – Я добровольно сдался в плен, господин офицер. Я не хочу воевать за Советскую власть.

Немец усмехнулся. В свете керосиновой лампы сверкнули две молнии в его правой петлице.

– Что тебе сделала эта власть, что ты ее ненавидишь?

– Они лишили нас всего, что было в нашей семье.

Гауптштурмфюрер улыбнулся. Он хорошо знал, что десятки тысяч военнопленных сдались по тем же причинам, не желая защищать власть Сталина.

– Что перевозили ваши грузовики? Ты же был в охране этого груза?

– Не знаю, господин офицер. Груз был в деревянных ящиках из-под снарядов. Мы погрузили ящики за полчаса до начала движения. Могу сказать лишь одно – ящики были очень тяжелыми, словно в них были какие-то камни.

– Где получали груз? – спросил его Вагнер. – Почему ты молчишь?

– Грузили из подвала республиканского Банка в Минске. Вместе с ящиками мы погрузили более десятка больших брезентовых мешков.

– Сколько было ящиков?

– Не знаю. Могу сказать лишь одно, что ящиков было много и все они были очень тяжелыми. Мы с трудом поднимали их в кузов. А в мешках, похоже, были какие-то бумаги, упакованные в пачки. Все ящики и мешки были опечатаны банковскими сургучовыми печатями.

«Золото, – сразу подумал гауптштурмфюрер. – Таким тяжелым бывает лишь золото».

– Сколько машин в колонне?

– Восемнадцать, господин офицер. Машины сопровождали три танка и броневик. Один танк ваши солдаты подбили в поселке.

Гауптштурмфюрер СС резко повернулся и направился к столу. Он взял в руки рапорт командира взвода разведки танкового корпуса и пробежал по нему глазами.

– Почему на ваших машинах надпись «Почта»?

– Не знаю, господин офицер. Я – рядовой красноармеец, откуда мне это знать….

Вагнер сел в кресло и откинулся на спинку. Немного подумав, он приказал отвести военнопленного в сарай. Оставшись один, он развернул карту и красным карандашом отметил место боя.

«Это совсем рядом с Минском, – подумал он. – Где-то километров сорок, не больше. Машины с таким тяжелым грузом не могут ехать быстро. Следовательно, необходимо создать маневровую мобильную группу, которая должна будет буквально висеть на хвосте этой колонны».

Он встал из-за стола и, открыв створку резного буфета, достал из него бутылку коньяка. Налив жидкость в хрустальную рюмку он поднял ее и посмотрел на свет. Светло-коричневая жидкость играла в гранях хрусталя, искрилась в лучах лампы. Он медленно выпил коньяк, отметив про себя его

изысканный вкус, и закусил долькой лимона.

«Франция…, – отметил он. – Лучше французского коньяка ничего на свете нет».

Взгляд Вагнера снова упал на карту.

«Нет, они не станут рисковать и двигаться в составе колонн, отходящих на восток войск. Это опасно, так как они постоянно попадают под удары нашей авиации. Следовательно, они будут передвигаться самостоятельно, вдали от колонн отходящих войск, – подумал гауптштурмфюрер. – Надо отдать приказ, запрещающий войскам атаковать эту колонну. Нужно загнать ее в западню и захватить…».

Он снова налил в рюмку коньяк и выпил.

***

Дорога шла через лес. Было все знакомо: березы, словно русские красавицы, мелькали среди темных и серьезных елей, покачивая своими зелеными шапками. Сгрудились в группы вековые сосны, однако что-то произошло в природе, и все эти красоты зеленого мира были немного другими, какими-то настороженными и испуганными. Кое-где, на деревьях виднелись следы от осколков и пуль. В прозрачном и бездонном небе вереницами шли на восток армады немецких самолетов, разрывая тишину ревом авиационных моторов.

– Воздух! – закричал Никитин, выбравшись на подножку грузовика. – Воздух!

Машины быстро разъехались в разные стороны, стараясь укрыться от немецких самолетов под кронами вековых деревьев. От звена летящих на восток самолетов, отделились два Ю-87. Они завалились на правое крыло и стремительно понеслись вниз к дороге, по которой минуту назад двигалась колонна советских грузовиков. Включив раздирающую слух сирену, они, словно ястребы, неслись к земле. Звук авиационных моторов и сирены был таким громким, что невольно вселял в души людей какой-то первобытный страх. Наконец от самолетов отделились по две черные точки, которые с пронзительным воем, устремились вниз. Красноармейцы успели выскочить из машин и залечь в кювете. Первые бомбы легли в метрах тридцати от машин. Град камней и осколков вспорол автомобильный тент машины Никитина и выбил лобовое стекло.

«Надо же, чуть не угодил в машину, – первое, о чем подумал лейтенант. – Повезло…».

Услышав вновь нарастающий вой падающих бомб, Никитин вжался в землю, прикрыв голову руками. Бомбы упали между деревьев, не повредив ни одной машины. Лейтенант повернул голову и посмотрел на лежавшего рядом с ним водителя. Лицо Клима было бледным и потным. Небольшой осколок стекла вспорол ему левую щеку, и алая кровь обильно текла с его лица на выгоревшую от солнца гимнастерку.

– Ничего, Клим! Мы еще поживем, – пытаясь взбодрить его, произнес лейтенант. – Сейчас закончится бомбежка и

посмотрим, что с твоей щекой.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, лейтенант повернул голову и увидел Ольгу, которая буквально сверлила его своими глазами.

«Странно», – подумал он. Взгляд ее был таким тяжелым, что он невольно ощутил какой-то непонятный ему холодок между лопаток. Ему уже приходилось сталкиваться с подобным взглядом, когда он в составе отряда особого назначения выгребал хлеб из ларя крестьянина. Нет, он не просил, чтобы они оставили часть зерна ему. Он просто смотрел на них вот таким же взглядом, каким сейчас смотрела на него Ольга.

Самолеты сделали очередной заход. Похоже, немецкие пилоты потеряли колонну и просто сбросили бомбы наугад, так как те взорвались метрах в ста пятидесяти сзади колонны.

– Пронесло! Слава тебе, Господи, – выдавил из себя Клим и посмотрел на лежавшего рядом с ним лейтенанта НКВД. – Неужели улетели, сволочи?

– Похоже, – не совсем уверенно ответил Никитин, поднимаясь с земли.

Офицер отряхнул с себя приставшие к гимнастерке и галифе сухие еловые иголки и повернулся в сторону младшего лейтенанта, который, поднявшись с земли, направлялся в его сторону.

– Маркелов! Потери есть? – спросил он его.

– Нет! – коротко ответил младший лейтенант.

– Поднимай людей, нужно трогаться, – приказал ему Никитин.

Лейтенант нашел глазами Ольгу. Она стояла около машины и отряхивала свое платье от прилипших к ткани сухих елочных иголок и травы. Неожиданно их взгляды встретились. Как показалось Никитину, девушка улыбнулась ему.

– Оля! Минуту назад я поймал на себе ваш взгляд и был немного удивлен. Вы смотрели на меня, как на врага.

– Вам показалось, лейтенант. Какой вы мне враг? Вы скорей мой ангел-спаситель.

– Надо же, ангел – спаситель…, – ответил он и усмехнулся. – Хорошо, пусть будет так.

Его реплика осталась без ответа. Лаврова повернулась и направилась к машинам.

– Заправить машины! – громко приказал водителям лейтенант. – Маркелов, проверьте выполнение приказа

Машины были быстро заправлены горючим, и группа двинулась дальше. Впереди показалось дорога «Минск-Смоленск», по которой непрерывным потоком двигались колонны отступающих войск и беженцев. Все смешалось в этом людском потоке: люди, машины, орудия, танки, скот, который гнали на восток. Уставшие животные оглашали колонну своим ревом, и иногда казалось, что это кричали не голодные животные, а уставшие и напуганные люди. Двигаться в общем людском потоке было опасно, так как немецкая авиация совершала регулярные налеты и укрыться в этом люд-

ском море, было просто не возможно.

Ведущая полуторка Никитина вырвалась из потока и остановилась у обочины, поджидая другие машины.

– Маркелов! – позвал он лейтенанта.

– Что нужно? – ответил младший лейтенант и вразвалочку направился в сторону лейтенанта.

Лицо Никитина стало багровым от негодования.

– Что за обращение, товарищ младший лейтенант? – строго спросил его Никитин. – Вы что, устав забыли? Может вам его напомнить! Я не потерплю панибратства! Вы это поняли или нет? Здесь – я командир, а вы – мой подчиненный! Вам это ясно, младший лейтенант?

С лица Маркелова сползла улыбка, а в глазах появились злые огоньки. Он отошел метра на три назад и, поправив гимнастерку, чеканя каждый свой шаг, направился к Никитину.

– Извините, товарищ лейтенант государственной безопасности! – произнес он, принимая положение «смирно». – Извините, больше подобного не повторится!

– Хорошо, Маркелов. Сейчас война и армия без дисциплины становится похожей на стадо коров. Думаю, что в составе общей колонны беженцев нам двигаться нельзя. Поэтому, приказываю, двинемся вот по этой дороге. Как считаете вы? – произнес лейтенант и протянул ему карту, на которой красным карандашом была отмечена проселочная дорога.

Младший лейтенант закусил от обиды губу, посмотрел на

карту.

«Интересно, когда он мог нанести на карту этот маршрут? – подумал Маркелов. – Наверняка, этот маршрут был заранее разработан НКВД, еще там, в осажденном Минске».

– Как прикажете, товарищ лейтенант. Вы – командир, вам и решать.

Машины по команде Никитина свернули в сторону и, переваливаясь из стороны в сторону, словно сытые животные, медленно двинулись через поле в сторону синеющего вдали леса.

***

Лейтенант посмотрел на наручные часы, которые показывали начало восьмого вечера.

«Когда же стемнеет, – подумал Никитин. – Такие длинные дни. Люди устали, нужен привал».

Выглянув из кабины, он махнул рукой. Машины съехали с проселочной дороги и быстро скрылись в лесу.

– Привал! – громко скомандовал чекист. – Машины осмотреть и заправить. Всем быть готовым к движению в любую секунду!

«Интересно, немцы знают о нашей колонне или еще нет?» – подумал он, усаживаясь под березой.

– Лаврова! – окликнул он девушку, которую заметил среди водителей.

Она подошла к нему и посмотрела, ожидая, по всей веро-

ятности, какой-то команды.

– Оля! У меня в кабине плащ-палатка. Возьмите ее, как-то нехорошо с голыми ногами среди мужчин….

Девушка усмехнулась.

– Это приказ, товарищ лейтенант?

– Нет. Это скорей забота о вас… Впрочем, решайте сами.

Заметив Маркелова, девушка развернулась и, взяв из кабины машины плащ-палатку, скрылась за машинами.

– Долго будем загорать, товарищ лейтенант. Скажите, почему мы не направляемся в Смоленск, а кружим по какому-то непонятному всем кругу.

– Так надо, Маркелов. Где сейчас немцы ищут нашу колонну? Все правильно, а мы у них буквально под носом. Вот в этом и заключается мой план. Готовь людей к отдыху – выстави боевое охранение, остальным отдыхать.

– Еще один вопрос, товарищ лейтенант? Скажите, что за груз, который мы перевозим?

Никитин усмехнулся и пристально посмотрел на Маркелова.

– Придет время, все узнаешь, младший лейтенант. Идите, выполняйте приказ.

Ночь выдалась теплой. Темное небо пестрило миллиардами звезд. Где-то в глубине леса ухал филин. Бойцы спали. Никитин обошел стоянку колонны и, убедившись, что все идет по плану, вернулся к машине. Недалеко, укрывшись старенькой, видавшей многое телогрейкой, похрапывал во-

дитель. Лейтенант с завистью посмотрел на Клима, который во сне, словно маленький ребенок, шевелил пухлыми губами. Никитин посмотрел на восток. Утро тихо ступало по сонному лесу, пряча немые ночные тени в глубине леса. Солнечные блики падали сквозь ветви деревьев, дотрагиваясь до травы, играя на ней маленькими бриллиантинами.

«Как красиво, – подумал Никитин, – словно и нет войны».

Пахнуло утренней свежестью, прошлогодней листвой. В сердце природы разгоралась утренняя заря – кроткая, чарующая, ласковая. Это тихая нежность не умела кричать и поэтому она понимала, что ее красота и заключается в этой лесной тишине. Лейтенанту в этот миг захотелось удержать это природное счастье, не потревожить его ревом моторов и гулом человеческих голосов.

«Надо будить людей» – подумал он и поднялся на ноги.

– Подъем! Подъем! – громко выкрикнул он. – Тридцать минут на прием пищи!

Вскоре колонна тронулась. Машины ехали медленно, словно никуда не торопились.

– Товарищ лейтенант! Что мы плетемся как черепахи? – спросил чекиста водитель. – Так мы до Смоленска никогда не доберемся.

– Не торопи время, сам знаешь, какой груз везем. Здесь суетиться нельзя…

На лице Клима появилась язвительная улыбка.

– Вы, товарищ лейтенант, думаете, что эта лесная дорога

приведет нас в Смоленск? Напрасно…. Я эти места знаю, эта дорога, по которой сейчас мы двигаемся, выведет нас на дорогу «Минск-Смоленск». Мы всего-то в шестидесяти километрах от Минска.

Дорога резко свернула направо. Они снова оказались на дороге, забитой беженцами и отходящими на восток частями Красной армии.

***

Красноармеец Лихачев, молча, смотрел на немецкого офицера, который сидел за столом и что-то быстро писал на листе бумаги. Иногда он отрывался от бумаг и, посмотрев на военнопленного, снова продолжал писать. Дверь открылась, и в комнату вошел уже знакомый Борису офицер в черном мундире СС.

– Хайль Гитлер! – выкрикнул вошедший и выбросил правую руку вверх.

Офицер начал что-то громко и сбивчиво докладывать Вагнеру, то и дел, бросая свой взгляд на военнопленного.

– И так, вы готовы служить великой Германии? – спросил Лихачева Вагнер. – Я не слышу ответа.

– Так точно, господин офицер, – ответил военнопленный. – Я всегда ненавидел большевиков…

Гауптштурмфюрер СС усмехнулся и правой рукой провел по своим волосам. Он почему-то не верил этому русскому, который добровольно сдался им. Но в разработанном им

плане данная фигура была просто необходима. Открыв серебряный портсигар с монограммой, он достал сигарету и прикурил от зажигалки. Офицер, не отрываясь, смотрел на Лихачева, отчего тот почувствовал себя крайне неудобно.

– Скажите, Лихачев, вы знаете, что вас может ожидать в случае провала? Вас просто расстреляют, а может, и повесят. Этого мало, за вас ответит и ваша семья…

– Конечно, – не совсем уверено ответил Лихачев. – Но я готов рискнуть, господин офицер. Риск – удел смелых людей!

Вагнер пропустил эту пафосную реплику о храбрости.

– Вы правы, Лихачев, вас просто расстреляют прямо на месте без суда и следствия. Поставят под елочку и раз, и вы уже на небе, – произнес Вагнер, демонстрируя руками движение автомата.

Он заметил, как в глазах Лихачева мелькнул страх.

«Испугался, – мелькнуло в голове гауптштурмфюрера СС. – Сломался. Сейчас ему абсолютно безразлично, кто его расстреляет».

– Я уверен, что машины с грузом едва ли прорвутся в Смоленск, – как бы, между прочим, произнес немец. – Следовательно, русские будут каким-то образом складировать свой груз в лесу или специально отведенных для этого местах. Твоя задача, Лихачев, запоминать эти места и больше – ничего. Ничего! Ты это понял?

– Так точно, господин офицер, запоминать места склади-

рования груза.

– Все тонкости, легенду о том, как ты смог догнать свою группу охраны, тебе расскажет штурмфюрер Хольц. Слушай внимательно, оттого как ты все это усвоишь, будет зависеть твоя дальнейшая жизнь….

Вагнер что-то сказал офицеру и, поднявшись из-за стола, вышел из комнаты. В какой-то момент сомнение в исходе операции буквально захлестнуло гауптштурмфюрера, но это продолжалось всего какое-то мгновение. Уверенность снова победила в нем. Он вышел на улицу и улыбнулся яркому летнему солнцу. Увидев свою машину, он направился к ней.

– В штаб армии, – приказал он водителю.

– Яволь, гер гауптштурмфюрер.

Машина, поднимая клубы серой пыли, помчалась по дороге.

«Где же сейчас эта колонна? – подумал он. – Не могла же она раствориться в воздухе».

Зная тактику русских, он сразу понял, что колонна едва ли будет передвигаться по основной дороге – большой риск, а это значит, что они будут использовать малоизвестные проселочные дороги, которых на немецких топографических картах нет.

***

Колонна Никитина остановилась около небольшого села. Лейтенант долго рассматривал в бинокль ближайшие к речке

дома, гадая, есть ли в деревне немцы или нет.

– Маркелов! Направь в село разведку, – приказал ему лейтенант. – Пусть понюхают, если там немцы или нет.

– Может не стоит рисковать, товарищ лейтенант? Давайте, обогнем село.

– Вы слышали мой приказ, товарищ младший лейтенант? Не заставляйте меня повторять приказы.

Маркелов, молча, направился к бойцам, которые отдыхали рядом с машинами.

«Крутит что-то лейтенант, – подумал младший лейтенант. – Зачем нам это село? Вода и продовольствие еще есть. Может, еще заставит пройтись парадным строем…».

Трое разведчиков, скрываясь за зеленью кустов, выдвинулись в сторону села. Лейтенант Никитин сидел на пеньке и смотрел на блестящую гладь небольшой речки. В голубой воде плескалась и играла рыба. Где-то совсем рядом, от него послышался всплеск воды. Он встал и направился к кустам. Рука офицера осторожно раздвинула тальник. В воде, словно русалка, плескалась Ольга. Ее белая, мокрая от воды фигура буквально сверкала в лучах яркого летнего возраста.

«И когда она все успевает, – подумал лейтенант. – Полчаса, как стоим, а она уже в воде. Я бы тоже сейчас искупался – жарко».

Словно что-то почувствовав, девушка быстро вышла из воды и скрылась в зелени кустов. Никитину почему-то стало стыдно за себя. Он отошел от кустов и направился в сторону

машин, которые стояли в метрах ста от берега речки.

– Маркелов, что с разведкой, еще не вернулась? – спросил он младшего лейтенанта, который лежал под березкой, прикрыв лицо фуражкой.

Тот поднялся и, поправив на себе гимнастерку, доложил:

– Разведка еще не вернулась, товарищ лейтенант. Как вернется, я вам сразу доложу.

– Что-то долго они там, – озабочено произнес Никитин и сел на землю. – Садись, Маркелов, не стой, в ногах правды нет.

– Да и на пятой точке ее не найти, товарищ лейтенант, – ответил он и, сняв с головы фуражку, присел рядом с ним.

– Ты знаешь, Маркелов, мне кажется, что нужно переодеть девушку, – как бы, между прочим, произнес лейтенант. – Уж больно яркое у нее платье, за версту его видать. Да и война сейчас, а в колонне одни мужчины. Как бы что не произошло.

– А мне, наоборот, нравится, товарищ лейтенант, – в тон ему возразил Маркелов. – Да и где я найду на нее форму, сами подумайте, кругом мужики.

– Здесь не танцплощадка. Найдите что-то для нее…

– Хорошо, товарищ лейтенант, попробую.

– Вот и хорошо, исполняйте.

Они словно по команде оба повернулись и посмотрели на Лаврову, которая шла в их сторону. Она держала в руках небольшой букетик полевых ромашек. Ее тонкое платье бы-

ло почти прозрачным в лучах летнего солнца и офицеры с каким-то трепетным чувством рассматривали ее до тех пор, пока она не скрылась среди машин. Маркелов посмотрел на Никитина и их взгляды встретились.

–Теперь ты понял меня, младший лейтенант, переодень ее. Я не хочу, чтобы среди мужиков что-то произошло.

– Понял, командир.

Никитин посмотрел на часы, шел третий час, как ушла в деревню разведка.

– Идут! – радостно произнес Маркелов, – и, кажется не одни.

Лейтенант поднялся с земли и, надев фуражку, направился к разведчикам. Впереди двигалась подвода, на которой сидел красноармеец, голова которого была перевязана грязным бинтом. Темные пятна бурой крови отчетливо выделялись на бинте. Маркелов чуть ли бегом бросился к разведчикам. Переговорив с ними, он вернулся к Никитину.

– Товарищ лейтенант! Населенный пункт пуст. Жители, похоже, ушли в лес, – доложил ему Маркелов. – Можно двигаться дальше.

– Ты хочешь сказать, что в деревне никого нет? – спросил Никитин у Маркелова.

– А разве подобного не может быть, товарищ лейтенант? – возразил ему младший лейтенант. – Разведчики обнаружили только двоих в деревне, и вы не поверите, один из них – наш пропавший четыре дня назад – Лихачев.

– Не может быть! Как он мог оказаться в этой деревне? – поинтересовался Никитин у младшего лейтенанта.

– Приведи его ко мне, – приказал он Маркелову. – Я сам хочу поговорить с этим человеком.

К лейтенанту подвели двоих. Судя по ним, они оба были истощены и ранены.

– Кто такие будете? Откуда, часть?

– Я – командир взвода, капитан Смирнов. 439 погранотряд. Отхожу от границы. Это – рядовой Лихачев. Ранение он получили день назад. В лесу наткнулись на националистов, – доложил Смирнов.

– Как оказались в этой деревне? – спросил Смирнова Никитин. – Где жители?

Тон, каким был задан вопрос, явно не понравился офицеру.

– Лейтенант! Ты что, нам не веришь? Мы немцев били, а что ты делал в это время? Я смотрю, неплохо выглядишь – выбрит, сыт….

Лицо Никитина вспыхнуло от негодования.

– Моя внешность ничего не меняет, капитан Смирнов. Война меняет отношение к смыслу этого слова. Скажите, кто командовал вашим отрядом?

Пограничник криво улыбнулся и, судя по его лицу, капитан был рад этому вопросу.

– Командиром одиннадцатого погранотряда был подполковник Кравчук, заместитель по политической части – май-

ор Хлопов. Еще есть ко мне вопросы?

– Как вы оказались в селе? – снова спросил Никитин Смирнова.

– После того, как мы наткнулись на националистов, мы решили зайти в деревню, у Лихачева воспалилась рана, и он нуждался в помощи.

Капитан замолчал и посмотрел на Никитина и Маркелова. Офицеры внимательно наблюдали за Смирновым, ожидая дальнейшего рассказа. Мужчина откашлялся и продолжил:

– Мы долго наблюдали за селом, боясь наткнуться на немцев или националистов. Убедившись, что в деревне нет ни тех, ни других, мы направились к ближайшему дому. Во дворе дома мы столкнулись с хозяйкой, которая запирала дверь. Оказывается, по указанию председателя колхоза они все уходили в лес, угоняя туда и скотину. В деревне осталось лишь несколько старух и стариков. Они нас и приютили на ночь. А утром в деревне оказались ваши разведчики.

Смирнов замолчал. Достав из кармана галифе кисет, он свернул цигарку и закурил. Он сделал глубокую затяжку. Наличие у него кисета и табака вызвало у Никитина недоверие к капитану.

– Откуда у вас табак, капитан? Да и кисет…

– Табаком и кисетом со мной поделился старик, проживающий в соседнем доме. Я смотрю, вы до сих пор не верите мне? А вы кто будете, товарищ лейтенант? Почему вы здесь

– в стороне от дорог?

Никитин промолчал. Сейчас он размышлял, как поступить с ними. Брать их с собой, согласно инструкции, ему было нельзя, но и оставлять их здесь, тоже не хотелось.

– Вот что, Смирнов, – произнес Никитин. – Я возьму вас с собой и передам вас первому же санбату. Мы направляемся в Смоленск….

– Товарищ лейтенант! Вы, что не знаете, что вчера вечером немецкие танки вышли к Белостоку, и вся 10-я армия оказалась в окружении? – спросил его Смирнов.

Никитин был просто ошарашен этим известием. Он растерянно посмотрел сначала на Маркелова, а затем на Смирнова.

– Откуда вы об этом знаете? – с подозрением спросил он Смирнова. – Вам не кажется это немного странным?

Офицер явно смутился, он просто не знал, что ответить Никитину.

– Ничего странного в этом нет, товарищ лейтенант. В доме, в котором нас обнаружили ваши разведчики, случайно оказалось радио, вот мы и узнали об этом.

– Интересно, капитан. Дом, радио…

– Вы что мне не верите? Сходите и посмотрите сами.

– Вот что, капитан, скажите, при каких обстоятельствах вы встретились с Лихачевым?

Смирнов улыбнулся.

– Лейтенант! Сейчас все леса кишат нашими бойцами.

Есть крупные соединения, но больше, таких как мы, одиночек. Он пробирался на восток и я тоже стремился туда.

– Хорошо. Отдыхайте, капитан, а мы пока организуем проверку того, о чем вы нам сейчас сообщили.

Никитин обернулся, почувствовав на своей спине чей-то пристальный взгляд. На него смотрела Ольга, которая, по всей вероятности, слышала весь этот разговор.

– Что-то случилось? – спросил ее лейтенант.

– Нет, – коротко ответила девушка и, развернувшись, направилась к машинам.

– Маркелов, организуйте проверку показаний Смирнова.

….. Все, – четко произнес оберштурмфюрер СС Мозель и, отложив в сторону бинокль, сел рядом с радистом. Рация запищала. Радист снял наушники и протянул их офицеру.

– Господин гауптштурмфюрер, разрешите доложить. Да, ваш подопечный у русских. Вы правильно высчитали движение колонны. Разрешите атаковать?

– Ни в коем случае. Наверняка машины заминированы. Держите их в поле наблюдения. Мне очень важно, что предпримут русские, узнав об окружении 10-й армии, будут ли они складировать ценности. Думаю, что я сумею подключить к наблюдению наших ассов.

***

Прежде, чем начать движение вперед, Никитин решил разобраться с красноармейцем Лихачевым. Боец стоял пе-

ред ним, опустив голову. Наспех перебинтованная голова, рваная гимнастерка, отсутствие обмоток на ногах делали его фигуру немного комичной и в то же время жалкой. Лицо его было изможденным и со стороны казалось, что он вот-вот упадет от усталости.

– Рассказывай, Лихачев. Я хочу узнать, как вы бежали с поля боя? – спросил его Никитин. – Сейчас война и любое бегство с поля боя приравнивается к предательству. Ты это, надеюсь, знаешь?

Борис кивнул головой, соглашаясь со словами командира.

– Я не бежал с поля боя, – тихо произнес он. – Просто так получилось. Я забежал в дом, чтобы оттуда вести огонь по немецким автоматчикам. Мне удалось убить троих, но машины вдруг тронулись. Я хотел выйти из дома и попытаться вас догнать, но увидел немцев, которые просочились с другой стороны дома.

– Что дальше?

– Я укрылся в доме. Получилось так, что на первом этаже были немцы, а на втором – один лишь я.

– Ты хочешь сказать, что немцы не проверяли дом? Не смеши меня, Лихачев, – произнес Никитин и усмехнулся. – Не рассказывай мне сказки.

– Зачем мне врать, товарищ лейтенант. Вечером в поселке снова вспыхнул бой. Похоже, одна из отходящих на восток советская воинская часть столкнулась с немцами. Бой был ожесточенный, но короткий. Нашим удалось выбить гитле-

ровцев из поселка, и я вынужден был рассказать командиру батальона, что отстал от колонны. Нас посадили на машины и повезли. Куда едем, никто не говорит, командиры были злые как собаки.

– Что дальше?

– А дальше, попали мы под бомбежку. Все бросились бежать кто куда, ну и я, в лес. Два дня плутал, пока не встретил капитана-пограничника. Он тоже отстал от своей части или отряда, не знаю, как у них там. Вот с ним и вышли к этому населенному пункту.

Лейтенант пристально посмотрел на Лихачева. Тот не выдержав его взгляда, отвернул свои глаза в сторону. Никитин не верил в рассказ бойца.

«Голова уж больно аккуратно перебинтована, – подмечал он про себя, рассматривая Лихачева. – Да и гимнастерка, почему без пятен крови, можно подумать, что ранение он получил, будучи раздетым».

– Скажи, Лихачев, это правда, что сказал капитан Смирнов? Мы действительно находимся в окружении?

– Так точно, товарищ лейтенант. Я сам вчера слышал об этом по приемнику.

– Что конкретно ты слышал, Лихачев? Давай, докладывай!

Красноармеец покраснел.

– Слышал сводку Совинформбюро. Немцы уже на подступах к Смоленску…

Стало тихо. Где-то громко куковала кукушка, насчитывая всем бесконечное количество лет жизни. Никитин подозвал к себе Маркелова. Внутреннее чутье подсказывало ему, что Лихачев чего – то не договаривает, боится прямых вопросов.

– А ну, снимай бинт! – приказал ему лейтенант. – Хочу посмотреть твое ранение.

В глазах Лихачева мелькнул страх.

– Это зачем, товарищ лейтенант? Значит, вы мне не верите! Чем же я могу доказать, что я – не изменник!? Дайте мне винтовку, и я умру в бою, если это потребуется Родине!

– Лаврова! Оля! Посмотри, что у него там, под бинтом! – приказал Никитин девушке.

Неожиданно для всех, Лихачев схватился за повязку и сорвал ее со своей головы. В ту же секунду лицо его оказалось в крови!

– Смотрите! Это я гвоздиком расковырял себе голову! – закричал боец.

– Отставить крик! – жестко произнес Никитин. – Лаврова! Перевяжите ему голову. Трогаемся!

Машины, поднимая клубы пыли, направились к деревне.

«Ни одного человека, словно все вымерло….», – подумал Никитин, рассматривая пустые дворы.

Набрав воды из колодца, машины быстро проскочили деревню и направились в сторону ближайшего лесочка.

«Как же это так, почему мы оказались в окружении? – размышлял Никитин. – Для того чтобы прорваться к своим,

нужно каким-то образом войти в состав нашей армейской группы. Но, как быть с приказом, который категорически запрещал колонне какой-либо контакт с военными? Наверняка, те люди, которые все это планировали, не думали, что целая армия может оказаться в окружении».

– Что везете? – поинтересовался капитан Смирнов у Маркелова, оказавшись в кузове полуторки.

– Груз, – коротко ответил тот.

– Что за груз? Наверное, какие-то ценности, если такая охрана?

– Слушайте, товарищ капитан, вам, что не хватает моего ответа? Здесь не принято задавать вопросы. Запомните это!

Смирнов замолчал и присел на один из ящиков. Взгляд его невольно упал на печати из сургуча, которые болтались на шнурках. Он перевел взгляд на другой ящик, крышка которого тоже была скреплена печатью. Через минуту ему удалось рассмотреть эти печати, они оказались печатями Банка.

***

Немецкие самолеты с самого утра висели в воздухе, не давая никакой возможности свободно передвигаться по дороге. Колонна вынуждена была съехать с дороги и снова укрыться в лесу. Бойцы и водители расположились под деревьями, наслаждаясь теплом летнего дня. Кто-то из них дремал, кто-то писал письмо своим родным и близким, надеясь, что им удастся их им отправить.

О том, что 10-я армия оказалась в окружении Никитин никому не говорил. Об этом знали лишь четыре человека из их отряда – Маркелов, Смирнов и Лихачев. Клим, – водитель головного грузовика поднял капот и копался в моторе, готовя машину к ночному переходу. Неожиданно для него из-за кустов вышел красноармеец из выставленного Маркеловым охранения.

– Клим! Где командир? – спросил он его.

Водитель указал на дерево, под которым, прикрыв лицо фуражкой, лежал лейтенант Никитин. Запах разогретой на солнце смолы, щебетание птиц заставили его задремать. Услышав сквозь дремоту шаги, он открыл глаза и посмотрел на бойца.

– Разрешите обратиться, товарищ лейтенант, – произнес боец, окончательно прогнав у него сон.

Никитин отодвинул фуражку в сторону и посмотрел с недовольством на солдата.

– Что у вас? – спросил он красноармейца.

– На дороге немецкие мотоциклисты!

– Много их? – спросил лейтенант, поднимаясь с земли.

– Машин пятнадцать….., а может быть и больше.

«Разведчики, – подумал Никитин. – Наверняка ищут нас. Раз так, оставаться здесь в лесу нельзя, нужно как можно быстрее уходить. Похоже, без боя не получится».

Не зная почему, но его глаза сразу нашли Ольгу, которая сидела около машины и что-то писала в своем небольшом

блокноте.

– Приготовиться к бою! – громко скомандовал Никитин. – Всем рассредоточится вдоль дороги.

Бойцы быстро заняли боевые позиции. Ольга легла недалеко от Никитина и передернула затвор винтовки. На ней была солдатская форма, которая делала ее фигуру комичной. Он невольно улыбнулся и, приложив к глазам окуляры бинокля, начал наблюдать за дорогой. Из-за поворота грунтовки донесся треск мотоциклетных моторов, который с каждой секундой становился все отчетливей и отчетливей.

– Без моей команды не стрелять! – громко выкрикнул Никитин.

Немецкие мотоциклисты появились из-за поворота. Они выехали на развилку дорог и остановились. Один из немцев слез с мотоцикла и стал осматривать дорогу. Заметив следы траков танка, он улыбнулся и направился к фельдфебелю. Он что-то сказал ему и рукой указал в сторону укрывшейся в лесу колонны. Фельдфебель, мужчина средних лет с довольно большим «пивным» животом, что-то громко выкрикнул и они, спешившись и рассыпавшись в цепь, осторожно двинулись вглубь леса.

– Без команды не стрелять! – еще раз громко выкрикнул Никитин. – Пусть подъедут ближе!

Мотоциклисты, держа автоматы наизготовку, медленно двинулись по следам танка. Тишину леса разорвал крик лейтенанта:

– Огонь!

Раздался залп. Несколько немцев упали в траву, а остальные, открыв ответный огонь, залегли на поляне. Никитин поймал в прицел своего ППШ фельдфебеля, который двигался чуть левее от него, укрываясь за стволами берез. Приклад автомата привычно толкнул Никитина в плечо, словно здороваясь с ним. Тело немца несколько раз дернулось, а затем повалилось в траву. На дороге снова появились немцы. Гул работающих двигателей мотоциклов моментально утонул в треске винтовочных и пулеметных очередей. Огонь красноармейцев был таким плотным и прицельным, что буквально смел мотоциклистов с поляны и дороги. Лишь только одному мотоциклисту удалось добежать до мотоцикла и он, развернувшись, помчался обратно.

«Главное для вашей группы Никитин, это не вступать в открытое столкновение с немецкими частями, – вспоминал он инструктаж капитана Наумова. – Ваша задача – это таскать за собой немцев и не более. Чем дольше вы это будете сделать, тем лучше».

– А теперь уходим! – громко выкрикнул Никитин. – Давай, ребята, быстрее, быстрее!

Водители и бойцы стали быстро собираться и рассаживаться по машинам. Никитин снова невольно взглянул на девушку. Даже в этой несуразной одежде она выглядела очень привлекательно.

«Если бы не война, – подумал он. – Непременно бросился

бы ухаживать за ней».

– Смирнов! Соберите оружие, боеприпасы и погрузите все в машину, – приказал он капитану.

Когда тот с бойцами выполнили приказ Никитина, лейтенант взобрался на ступеньку полуторки и махнул рукой. Автомобили стали медленно выезжать из леса. Впереди машин, обдав их густым чадом сгоревшего бензина, двинулся броневик, замыкала колонну танк. Дорога свернула влево и вывела колонну на оживленное шоссе, по которому, как ни странно, по-прежнему двигались разрозненные воинские части.

«А капитан Смирнов сообщил мне о полном окружении 10 -ой армии, – подумал лейтенант. – Тогда куда двигается вся эта масса войск и беженцев? А может, он что-то напутал?»

Поднимая клубы серой пыли, по дороге двигались автомашины, кузова которых были набиты раненными бойцами.

– Сворачивай влево, – приказал Климу Никитин. – Сейчас остановим какую-нибудь автомашину с ранеными и передадим им Смирнова и Лихачева.

После нескольких неудачных попыток, наконец, Маркелову удалось остановить одну из машин.

– Товарищ военврач! – обратился он к капитану медицинской службы. – У нас несколько раненных бойцов. Возьмите их с собой!

– Не могу, товарищ лейтенант государственной безопасности. Вы же видите, все машины переполнены.

– Возьмите, я очень вас прошу…. Мы выполняем ответственное задание командования, а раненные связывают нам руки.

Военврач посмотрел на серое от пыли лицо Никитина.

– Хорошо, лейтенант, грузите ваших раненных бойцов…

К Никитину подошел Смирнов и Лихачев.

– Товарищ лейтенант, разрешите нам остаться с вами. Ранения у нас не тяжелые…

– Не могу, товарищи, так что езжайте…, вам лечиться нужно.

– Товарищ лейтенант, но мы просим вас. Разрешите….

– Нет. Я не могу, Смирнов, у меня приказ.

– Товарищ лейтенант! Я – ваш боец и ранение у меня легкое. Разрешите остаться!

– Хорошо, Лихачев, оставайтесь, а вы, товарищ капитан, в машину. Удачи вам!

Машины с ранеными тронулась. Проводив их взглядом, Никитин сел в полуторку.

***

Вагнер вошел в свой кабинет и, сняв фуражку, направился к столу. Дневная жара давала о себе знать. Повесив фуражку на вбитый в стену гвоздь, он налил в стакан воду и выпил ее залпом. Вода была теплой, с каким-то непонятным ему металлическим привкусом. Гауптштурмфюрер взял в руки графин и вылил остатки воды в раскрытое настежь окно. Сев

за стол, офицер поднял трубку и стал ждать ответа связиста. В трубке он услышал какой-то шорох, затем раздавались непонятные щелчки, которые моментально утонули в море шума. Наконец через всю эту какофонию звуков отчетливо прозвучал приятный женский голос, чем-то напоминавший по тембру голос его жены:

– Я слушаю вас, господин гауптштурмфюрер.

– Здравствуйте, Магда. Соедините меня с командиром 116 авиаполка, – попросил он ее.

– Хорошо, господин гауптштурмфюрер, ждите….

В трубке снова возникла тишина, прерываемая бесконечным треском.

– Да, я слушаю вас, господин Вагнер.

– Господин полковник, это гауптштурмфюрер СС Вальтер Вагнер, офицер по особым поручениям райхминистра Розенберга, – стараясь подчеркнуть важность его должности, произнес офицер. – Меня интересует русская колонна из грузовых автомашин в сопровождении броневика и танка. На бортах машин белые надписи – почта. Думаю, что она следует по одной из проселочных дорог в сторону Смоленска. Прошу вас разыскать ее. Мне срочно нужны координаты этой группы. И еще, господин полковник, никаких бомбовых ударов, эта колонна нужна мне вся, а не ее остатки после работы ваших соколов.

Гауптштурмфюрер СС положил трубку и вытер платком свои влажные от волнения ладони. В том, что ему удастся

перехватить этот золотой конвой русских, он не сомневался. Достав из кармана кителя серебряный портсигар, он закурил. Где-то недалеко ухала дальнобойная артиллерия, от залпов которой мелко дрожала хрустальная рюмка, оставленная им на столе еще утром. Он достал из сейфа бутылку французского коньяка. Пригубив налитый в рюмку коньяк, он закрыл от удовольствия глаза. Аромат и специфический привкус этого сорта коньяка заставили его вспомнить о той прекрасной стране, в которой он провел последний год своей службы. Сейчас он тоже не мог пожаловаться на свою судьбу. Служба при штабе группы армии «Центр» была намного приятней той, которая была сейчас у тысяч других офицеров рейха, которые штурмовали русские укрепрайоны.

Телефонный звонок вернул его к реалиям жизни.

– Гауптштурмфюрер СС Вагнер, – представился он.

Звонил дежурный офицер 116 авиационного полка. Вагнер пододвинул к себе разложенную на столе карту и, слушая телефонный доклад, стал делать только ему понятные обозначения.

– Спасибо, Хельмут, за информацию, – ответил гауптштурмфюрер. – Давно мы с вами не встречались. Если у вас возникнет желание скоротать время в хорошей компании за рюмочкой французского коньяка, позвоните мне.

Улыбнувшись, Вагнер положил на рычаг телефона трубку и посмотрел на карту. Офицер еще немного повертел в руке красный карандаш, которым делал отметки на карте, а затем

положил его на стол. Гауптштурмфюрер СС еще раз мысленно поблагодарил судьбу за предоставленную ему удачу перехватить эту русскую колонну, которая по данным дежурного 116 авиационного полка, была замечена в семидесяти километрах от Минска.

«Они не так далеко от города, – словно подводя черту, подумал он. – Но почему, они не двигаются к Смоленску? Что-то здесь не так. Неужели они хотят где-то складировать эти ценности здесь. А почему бы нет! Шансов прорваться в Смоленск, у них практически нет. Как они будут это делать? Все вместе или груз каждой машины по отдельности?»

Вагнер протянул руку к рюмке с коньяком и, сделав небольшой глоток, поставил ее обратно на стол.

– Хубе! Зайдите ко мне! – громко крикнул он, приоткрыв дверь своего кабинета.

– Да, господин гауптштурмфюрер! – произнес вошедший ординарец и вытянулся перед ним по стойке «смирно».

– Авиаразведка засекла русскую колонну недалеко от населенного пункта, который называется Старые Выселки, это в шестидесяти – семидесяти километрах от Минска. Это не так далеко. Какие наши части находятся вблизи этого населенного пункта?

Заметив удивленный взгляд Хубе, гауптштурмфюрер улыбнулся и, потирая ладони рук, встал из-за стола. Он вплотную подошел к офицеру и, взяв его за пуговицу кителя, произнес:

– Через два часа наши солдаты должны остановить эту колонну, – произнес гауптштурмфюрер. – Подготовьте группу к ее захвату. Мы не можем допустить, чтобы эти машины достигли Смоленска.

– Но, среди них, два наших агента, господин гауптштурмфюрер.

– Смирнов и Лихачев? Думаю, что для достижения поставленной цели можно легко пожертвовать этими агентами. Сейчас в лагерях десятки тысяч русских. Мы всегда найдем десятки, сотни военнопленных, которые дадут согласие служить великой Германии.

– Когда они выходили на связь? – спросил Вагнер.

– Вчера, господин капитан. Смирнов сообщил, что им удалось внедриться в группу лейтенанта Никитина. Может, повременим, они и так никуда от нас не денутся. Вырваться из нашего котла – практически невозможно. А вдруг после боя с нашими солдатами они просто укроют эти ценности, и тогда мы потеряем все.

– Не исключено, Хубе, – тихо произнес Вагнер. – Я с вами согласен, что перемещать ценности через линию фронта, крайне неосмотрительно в их положении. Я бы не рискнул…

– Я тоже такого же мнения….

Гауптштурмфюрер СС отпустил пуговицу и, повернувшись спиной к офицеру, направился к столу. Хубе выбросил правую руку в нацистском приветствии и, щелкнув каблуками, вышел из кабинета. Вагнер допил коньяк и снова напол-

нил рюмку.

***

Лес встретил Вагнера тишиной и прохладой. Где-то вдали слышался грохот мощных орудий, а здесь все цвело, порхали напуганные шумом моторов птицы. Гауптштурмфюрер СС вышел из машины и, осмотревшись по сторонам, направился к поляне, на которой один к одному, словно на параде лежали убитые солдаты третьего Рейха.

«Да, вот они – генофонд страны, – с некоторым сожалением подумал Вагнер. – Как же так, вы лежите здесь, а эти русские умчались на своих грузовиках. Судя по примятой траве, здесь лежали русские и ждали, когда вот эти парни подойдут к ним на прицельный выстрел».

Пройдя вдоль линии, которую занимали красноармейцы, он, наконец, остановился около куста с надломанной ветвью. Вагнер посмотрел по сторонам, больше кустов с надломленной ветвью он не заметил. Его взгляд выхватил из окружающей зелени куста блестящую на солнце гильзу, которая была надета на тонкую веточку. Офицер осторожно взял в руки гильзу, потряс ее и, достав из нее свернутую в трубочку записку, развернул ее.

«Внедрение прошло успешно. Кажется, мне поверили», – прочитал Вагнер.

Он посмотрел снова по сторонам и бросил гильзу на землю.

«Теперь я всегда буду знать, где находится колонна и что замышляет Никитин», – подумал он.

– Хубе! – окликнул он своего ординарца. – В штаб!

Ординарец услужливо открыл заднюю дверь тяжелого «Майбаха». Гауптштурмфюрер СС коснулся плеча водителя стеком и машина, ласково урча двигателем, тронулась.

«Где-то среди этих лесов, дорог вот уже несколько дней двигаются русские грузовики, набитые золотом и драгоценными каменьями. Где они находятся сейчас, он не знает. Может, где-то рядом…. Берлин торопит, Кальтенбрунеру нужно золото, это понятно. Неужели он не понимает одного, что отыскать русские машины в этих лесах и болотах равносильно розыску иголки в стоге сена. Впрочем, ему все равно, как я буду искать эти машины, кто я для него? Простой офицер СС, каких много в Германии. Ясно пока одно, если я не найду золото…. О, мой, Бог! Страшно подумать, что меня ожидает…».

Машина резко остановилась. Вагнер взглянул в окно автомобиля. Мимо машины солдаты проносили тело убитого унтер-офицера. По коже гауптштурмфюрера пробежали мурашки. Он сразу узнал этого молодого светловолосого парня с чудесной улыбкой. Именно этот унтер-офицер остановил его машину на развилке проселочных дорог. Он опустил стекло и подозвал к себе солдата.

– Что здесь произошло? – спросил он у ефрейтора.

– Похоже, русские, господин гауптштурмфбрер. Сейчас

их везде много.

– Я и без тебя знаю, что это сделали не немцы! – произнес Вагнер, чувствуя, что начинает выходить из себя. – Я тебя спрашиваю, что произошло, а не кто, убил!

К машине подбежал фельдфебель и, выбросив в нацистском приветствии руку, начал докладывать, что час назад на боевое охранение их саперной роты напоролась группа русских, выходящих из окружения, численностью около полуроты. Сбив боевое охранение, они буквально растворились в лесу.

«Варвары, –снова подумал Вагнер. – Сражаться, когда война уже проиграна, просто глупо. Фанатики!»

Машина снова тронулась. Гауптштурмфюрер СС положил на колени автомат. Холодная сталь металла немного успокоила его. Он снова подумал о золотом конвое.

«Буду просить командующего армии, чтобы он выделил специальную группу для преследования и уничтожения русской колонны», – размышлял он.

Наконец машина выехала из леса. Вагнер облегченно вздохнул и, отложив автомат в сторону, закурил. Встречный поток воздуха нежно ласкал его волосы, и жизнь снова приобрела для него привычные формы.

***

Колонна машин осторожно вошла в небольшой поселок, который попался им по дороге. Когда-то здесь находил-

ся районный центр, сейчас же половина этого населенного пункта лежала в руинах. То тут, то там валялись брошенные людьми чемоданы, баулы, мешки, набитые домашним скарбом. Вся эта картина поспешного бегства была столь удручающей, что вызывала у красноармейцев чувство безысходности. На дорогу из кустов выскочила раненая корова, которая, волокла за собой по пыльной дороге вывалившиеся из утробы внутренности. Буренка громко мычала, словно просила у людей помощи.

– Товарищ лейтенант, – обратился к Никитину водитель, – как-то не по-человечески получается. Животное мучается.

– Я тоже об этом подумал, – ответил он и попросил остановить машину.

Офицер достал из кобуры пистолет и направился к буренке. Та, словно почувствовав смерть, смиренно стояла у обочины дороги и большими глазами смотрела на подходящего к ней человека. Неожиданно для Никитина, из глаза животного выкатилась крупная слеза и упала в пыль. Он медленно поднял пистолет и направил его в голову коровы. Клим хорошо видел, как задрожала рука офицера. Раздался хлесткий выстрел. Передние ноги животного подкосились, и она с глубоким вздохом повалилась на землю. В больших глазах коровы застыло полуденное небо. Сунув пистолет в кобуру, Никитин направился к машине. Он достал из полевой сумки карту и, сложив ее у себя на коленях, стал карандашом отмечать маршрут своей группы.

– Клим! В трех-пяти километрах отсюда должен находиться мост через реку. Необходимо проскочить по мосту, прежде чем немцы его разобьют.

– Вы думаете, что он еще цел, товарищ лейтенант? А если, нет?

– Не знаю. Вон видишь толпу беженцев? Думаю, если бы мост был разрушен, они бы туда не двигались.

– А может они не знают, что он разбит?

Никитин не ответил, так как первые автомашины их группы поравнялись с беженцами. Автомашины, повозки, велосипеды и подводы, груженные домашним скарбом, непрерывным потоком двигались в сторону Смоленска. Люди еще, похоже, не догадывались, что они оказались в окружении и двигаться куда-то на восток, просто не имело никакого смысла. Казалось, что этот огромный и неиссякаемый людской поток был бесконечен. Броневик, а затем и полуторки, непрерывно гудя клаксонами, были похожи на мощный ледокол, который пытался взломать это бесконечное море человеческого страха и горя.

– Дорогу! Дорогу! – кричал выбравшийся на порог автомобиля Никитин, размахивая пистолетом.

Однако люди и не думали освобождать дорогу. Они шли вперед и не обращали никакого внимания на его отчаянные крики. Вскоре он понял, что окончательно сорвал голос и сел обратно в кабину полуторки. Южный летний ветер лениво гнал по изрытому воронками полю ворох каких-то уже ни-

кому не нужных бумаг, кругом валялись брошенные во время воздушного налета вещи, а в пыльном кювете догорал завалившиеся на бок автомобиль. Десятки трупов убитых животных и людей, лежавших вдоль дороги, не могли оставить его равнодушным. Воздух был наполнен запахом разлагающихся на солнце тел.

– Клим! Ты только посмотри! Что делают, сволочи! – произнес Никитин. – Никого не жалеют, ни стариков, ни детей.

Водитель промолчал. Какое-то внутреннее предчувствие говорило ему, что он непременно погибнет, так и не добравшись до Смоленска. Ему было страшно не за себя, ему было страшно за семью, ведь он должен был демобилизоваться из армии осенью этого года. Он посмотрел на лейтенанта, который сидел рядом с ним и отрешенно смотрел на дорогу.

«Не понимаю, к чему весь этот спектакль? – размышлял Никитин, тупо глядя на кузов передней машины. – Почему нельзя было отправить нашу колонну раньше? Немцы бы все равно узнали о ней».

Машину резко тряхнуло. Он попытался машинально упереться ладонью в лобовое стекло и чуть не вылетел из машины, забыв, что у автомобиля было выбито стекло. Никитин посмотрел на дорогу. Посреди дороги стола легковая машина, преградив путь его колонне. Около машины стоял генерал-майор и офицер в звании подполковника, чуть в стороне – охрана, выставив перед собой винтовки. Заметив колонну автомобилей в сопровождении броневика и танка, офицер

побежал в их сторону.

– Стой! Стой! – закричал он, размахивая пистолетом. – Кто старший!

– Я, – коротко произнес Никитин, покидая кабину грузовика. – В чем дело, товарищ подполковник?

– Кто такие, откуда, номер части? – снова закричал он, тыча стволом пистолета в грудь Никитина. – Драпаете, суки! А кто будет защищать Родину? Что молчишь?

Он перевел свой взгляд с одной машины на другую.

– Что у вас в машинах? Нахапали добра и в тыл! – снова закричал он. – Расстреляю!

– Не кричите, товарищ подполковник, не на базаре! – дерзко ответил Никитин, отводя его руку с пистолетом в сторону. – Вы сами кто такой и что здесь делаете?

Подполковник от подобной дерзости младшего офицера буквально поперхнулся. Он вытаращил свои большие глаза и удивленно посмотрел на Никитина.

– Ты что, лейтенант, не видишь, с кем разговариваешь? Я научу тебя уставу, если ты его успел забыть. У меня приказ генерала Костина сформировать отряд и не дать немцам на наших плечах захватить переправу.

– Извините, товарищ подполковник, но у меня тоже приказ Генерального комиссара Советского Союза товарища Берия доставить груз в Смоленск.

– Что за груз? – снова закричал подполковник и снова уперся стволом пистолета в грудь Никитина.

– Да, уберите же оружие, товарищ подполковник! Что вы им тычете мне в грудь! Груз государственной важности.

Но, подполковник, словно не слышал ответа

– Я не понял тебя, лейтенант, – сорвался он на крик и в очередной раз уперся своим «ТТ» в грудь Никитина.

– Перестаньте мне тыкать своим пистолетом в грудь, товарищ подполковник. Вы что не понимаете, что я вам говорю.

Подполковник сделал шаг назад и махнул рукой. Около него моментально оказалось несколько красноармейцев.

– Мне глубоко плевать на ваш груз, лейтенант! Освобождайте машины! Я их забираю по закону военного времени, – выкрикнул он. – Немцы в десяти километрах отсюда и мне плевать на твой груз, какой важности он бы не был! Ты понял меня, лейтенант!

– Я не выполню ваш приказ и никаких автомашин передавать вам не стану. Освободите дорогу, пока я вас не арестовал! – громко произнес Никитин. – Вы поняли меня, товарищ подполковник?

– Что? Что ты сказал! Да я тебя сейчас прямо на месте расстреляю!

Рука подполковника снова потянулась к кобуре, однако Никитин вовремя пресек его движение. Около подполковника моментально выросли два бойца из взвода охраны груза, а ствол пулемета броневика грозно смотрел в сторону подполковника. Лейтенант, не раздумывая, направился к машине генерала. Представившись ему, он протянул генералу бу-

магу. Подписи и печати с государственной символикой произвели на него определенное впечатление. Он вернул документы и рукой подозвал к себе подполковника. Генерал что-то сказал ему и офицер, зло, сверкнув глазами, дал команду пропустить колонну.

***

– Сворачивай влево! – приказал Никитин водителю. – Ты что, меня не понял, Клим?

– Но, Смоленск там, товарищ лейтенант, – уже в который раз произнес шофер и рукой указал на дорогу, по которой брели беженцы. – Вы же видите указатель!

– Прекрати пререкаться! – сухо ответил офицер. – Я хорошо знаю, где находится Смоленск. Сказал, поворачивай!

Машины, натружено урча моторами, свернули с дороги и, переваливаясь с одного борта на другой, медленно двинулись по проселочной дороге обратно в сторону Минска.

– «Старые Выселки» – 60 км, – прочитал лейтенант указатель на дороге.

По обе стороны дороги тянулся бесконечный березовый лес. Пыливший впереди колонны броневик был практически невидим из-за шлейфа серой пыли, который тянулся за ним. Никитин по пояс высунулся из полуторки и стал пристально вглядываться в небо.

«Где же немцы? – спрашивал он себя. – Не может быть, чтобы они не засекли нас. Вроде бы сделано как надо, яркая

и заметная надпись на бортах машин».

– Товарищ лейтенант! Вы бы сели в кабину, – дружелюбно произнес Клим. – Если появятся самолеты, мы и так их увидим.

Никитин впервые за все это время со злостью посмотрел на водителя. Последние минуты все эти реплики шофера стали его просто бесить.

«Кто он такой, что пытается мне подсказывать, что делать, а что – не стоит, – рассуждал он. – Можно подумать, что он командует мной, а не я им».

Чтобы немного успокоиться, лейтенант закрыл глаза и, откинулся на спинку сиденья. Чтобы укрыться от яркого летнего солнца, которое било ему в глаза, он прикрыл лицо козырьком фуражки.

«Слушай, Никитин, а тебе не кажется, что у тебя начинают сдавать нервы? – спросил он себя. – Может, ты просто боишься? Чего ты больше боишься – смерти или не выполнить приказ, возложенный на тебя Наркоматом? Что, не можешь ответить? Тогда возьми себя в руки и не злись. Водитель ни в чем не виноват».

Лейтенант никогда не считал себя трусом. Будучи курсантом, он написал рапорт на имя начальника школы НКВД, в котором просил отправить его на войну с белофиннами. Однако, его рапорт не был удовлетворен. На следующий день его вызвал к себе заместитель начальника школы по политической работе и все разложил по полочкам.

– Запомните, курсант Никитин. Партия и Правительство СССР и без вашей подсказки знают, где и как вас использовать. Сейчас для вас важнейшей задачей является учеба и не более. Государство затратило немало сил, чтобы научить вас бороться со своими внешними и внутренними врагами. Их у рабоче-крестьянского государства много: открытые враги, которых мы хорошо знаем, в частности белофинны и скрытые враги, которые подтачивают нашу страну изнутри. Какой враг опасней? Правильно говоришь – внутренний. Он невидим и поэтому очень опасен. Ты жмешь руку своему товарищу и не догадываешься о том, что он является членом троцкистской организации, которая делает все, чтобы повалить наше государство на землю. Надеюсь, ты понял, почему руководство школы не удовлетворило твой рапорт. Стрелять и колоть штыком, можно научить бойца за три дня, а вот чтобы вырастить хорошего чекиста, нужны годы.

Вскоре в жизни Никитина изменилось многое. После окончания училища его направили служить в Белоруссию в западные области, которые были присоединены совсем недавно. Работы было много, в лесах укрывались националисты, которые регулярно совершали диверсии на железной дороге, убивали офицеров и бойцов Красной Армии. Вот там он и встретился с Иваном Волковым, которого хорошо знал по училищу. Волков тогда был начальником районного отделения НКВД.

Через месяц Никитин узнал от своих сослуживцев, что

на днях был арестован начальник областного отдела НКВД. Его обвинили в создании антисоветского подполья, а также в связях с английской разведкой. Обвинение было столь нелепым по своей сути и поэтому казалось ужасно страшным. Через два дня после этой новости Ивана вызвали на допрос. Допрашивал Никитина его товарищ по училищу НКВД, он учился в другом взводе.

– Слушай, Леонтьев, мы вместе с тобой учились. Ты же меня хорошо знаешь. Скажи, почему ты мне не веришь? – спросил его Иван. – Я не работал ни при Ягоде, ни при Ежове, которые, как выяснилось, оказались врагами народа. Сейчас не тридцать седьмой год….

– Никитин. Забудь о том, что мы когда-то вместе учились. Пришло время, которое развело нас по разные стороны баррикад. Ты работал в подчинении английского шпиона, врага народа, разве этого мало? Почему ты, честный партиец, не смог раскусить эту сволочь? Может, ты разделял с ним его взгляды на наше государство и строй? А может, ты выполнял его поручения?

– Вы правы, гражданин начальник, – с иронией в голосе, ответил Никитин. – Я действительно только сейчас, оказавшись в тюрьме НКВД, разглядел многое в этой жизни, в том числе и твою сволочную натуру, Леонтьев.

Трудно было представить, что могло произойти с Никитиным, если бы в дверях не появилась фигура Волкова. Он, молча, протянул Леонтьеву документ за подписью его на-

чальника.

– Следуйте за мной, лейтенант, – произнес он, обращаясь к Никитину. – Работать нужно, а не устраивать политические диспуты с областными сотрудниками НКВД. Вот уж никогда не думал, что тебя будет допрашивать твой однокурсник.

Когда они вышли на улицу, Иван спросил Волкова, что это была за бумага, и как он ее раздобыл.

– Много будешь знать, плохо будешь спать, – произнес Алексей. – Не нужно задавать лишних вопросов, придет время – узнаешь.

Сейчас, покачиваясь на пассажирском сиденье полуторки, Никитин хорошо понимал, какая тоненькая грань отделяла его от расстрельной стены. Однако, все это было в прошлом, а сейчас, он командовал колонной, выполняющей особо важное государственное задание Наркомата государственной безопасности СССР.

***

Никитин поправил на себе гимнастерку и взглянул в зеркало.

«Неплохо, – подумал он, надевая фуражку. – Интересно, что скажет Даша?»

Даша, девушка в возрасте двадцати лет, вот уже неделю как работала у них в отделе машинисткой. За ней ухаживал весь холостой личный состав районного отдела НКВД. Вчера вечером, набравшись смелости, Никитин пригласил ее в ки-

но. Во Дворце Культуры имени Горького шел новый фильм «Трактористы».

Недавно пошитая форма сидела на лейтенанте, как на манекене – ни складочки, ни морщинки. Она обтягивала его спортивную фигуру, словно вторая кожа и при этом была очень удобной. Он поднял руку вверх и снова взглянул в зеркало, нигде не тянуло и это радовало молодого человека. Услышав стук в дверь, он улыбнулся и открыл дверь.

– Это ты куда собрался? – спросил его Волков и с удивлением посмотрел на своего подчиненного. – Быстро снял форму. Едим задерживать группу националистов. Ты понял?

– Как не понять, товарищ начальник, никакой личной жизни – с иронией в голосе ответил Никитин. – Только договорился с девушкой сходить в кино, а тут, как тут – задание.

Волков закурил и сел за стол. На столе лежала газета «Правда». Раскрыв ее, он начал читать.

– Скажи, командир, война с немцами будет? – спросил его Никитин, снимая с себя форму.

Волков посмотрел на него, словно прикидывая, что ответить.

– Думаю, что будет. Ты только посмотри, как активизировались националисты. Похоже, что кто-то их подогревает…

– А как же, эти все «чистки» армии и НКВД. Кругом «враги», кто же поведет войска в бой? Ворошилов? Буденный? Наша доктрина известна – воевать на чужой территории малой кровью.

– Закрой рот, Никитин. Время сейчас такое, что людей ставят к стенке и не за такие слова. Придет время, вот тогда и говори, а пока молчи.

Через несколько минут они уже мчались в машине по многолюдным улицам Минска. Город жил мирной жизнью, работали фабрики и заводы, но это все была лишь ширма, за которой шла борьба с националистами.

– Слышишь, Никитин! Есть приказ откомандировать одного из сотрудников в распоряжение Госхрана. Я остановил свой выбор на тебе. Как ты на это смотришь?

– Отрицательно. Я что тебе мешаю работать, да и что я там буду делать? Деньги считать, золотишко перебирать?

– Дело не в этом, мешаешь ты мне или нет. Приказ гласит, опытного, перспективного сотрудника. Ты это понял? А ты такой и есть, опытный и перспективный. А работа твоя будет в контроле. Ты, наверное, слышал, что нам удалось захватить большие ценности в Польше. Вот сейчас это добро в Банке.

За разговором они не заметили, как выехали на окраину Минска. Весна уже вступила в свои права, и небольшие частные дома просто растворились среди цветущих яблонь. Воздух был буквально насыщен разноцветьем, отчего казался густым и вязким.

– Тормози! – приказал Волков шоферу. – Проверить оружие…

Чтобы не привлечь внимание жителей, они быстро вышли из машины и разошлись в разные стороны. По плану захва-

та, в задачу Никитина входила блокировка окон, выходящих в большой яблоневый сад. Выбрав место для засады, лейтенант вытащил пистолет и привычным движением руки передернул затвор «ТТ». Он хорошо видел своих товарищей, которые небольшой группой подошли к входной двери.

Все произошло так быстро. Из-за двери раздалось несколько выстрелов и в тот же миг, раздался звон разбиваемых стекол. В оконном проеме показалась мужская фигура, в руке которой был револьвер.

– Стой! Стрелять буду! – выкрикнул Никитин и выстрелил в воздух.

Мужчина словно призрак растворился в проеме окна, и в тот же миг из окна вылетела граната. Она упала метрах в пяти от офицера и медленно покатилась в его сторону. В какую-то долю секунды перед глазами Никитина встала картина, как его разорванное в клочья тело разлетелось по всему цветущему саду. Он выскочил из-за ствола дерева и носком ботинка отбросил гранату в сторону сарая. Он успел вовремя упасть на землю, прежде чем раздался оглушительный взрыв. По голове и спине офицера застучали комья земли, уши заложило. Он открыл глаза и увидел мужчину, который перелезал высокий забор. Никитин несколько раз выстрелил в расплывающийся перед глазами силуэт и физически ощутил, что пули настигли врага. Громко вскрикнув, тот повалился с забора. Только сейчас он понял, как намокла то ли от пота, то ли от крови его рубашка на спине.

– Как жив? – спросил подошедший к нему Волков. – Ну, ты и рисковый парень. Я уж подумал, что все с тобой, а ты ее ногой.

– Что у меня со спиной? – словно не слыша его, поинтересовался Никитин. – Помоги мне подняться на ноги.

С помощью Волкова он поднялся с земли.

– Кого-то задержали? – поинтересовался Никитин у него.

– Взяли одного, остальных положили. Никитин! Да у тебя все спина в крови. Стягивай рубашку.

Никитин не отреагировал на его слова. Тогда Волков достал из кармана брюк перочинный ножик и вспорол ему рубашку.

– Повезло тебе, Никитин, повезло. Надо же с десяток ранений и все касательные. Давай, в машину! Нужно показать тебя медикам.

Сейчас, сидя в полуторке, он снова почувствовал боль в спине, словно снова пережил подобный взрыв.

– Клим! Останови машину! – приказал Никитин водителю. – Что-то у меня со спиной.

***

Машина резко затормозила. Чтобы не вылететь из машины, лейтенант успел ухватиться за ее дверцу. Он громко выругался матом и посмотрел на растерянное лицо Клима. Прошло несколько секунд, прежде чем Никитин понял, что произошло. На бреющем полете над колонной проле-

тел немецкий самолет. Развернувшись, он снова сделал еще один заход и скрылся за кромкой леса.

«Это хорошо, – подумал лейтенант. – Значит, немцы ищут нас».

Мимо них на скорости пропылила легковая машина и несколько грузовиков с солдатами. Машины тащили за собой противотанковые орудия. Проводив их взглядом, Никитин посмотрел на сосредоточенное лицо водителя, у которого явно сдавали нервы.

– Чего молчишь? – спросил его Никитин. – Не лопни от напряжения…

– А что, говорить-то, товарищ лейтенант? – ответил Клим. – Все от войны, а мы в другую сторону. Вон и артиллеристы летят на восток, а мы…

– Вон, ты о чем, Клим. Что ж ты раньше-то не отказался от этого рейса? Сейчас бы пылил в сторону Смоленска.

– Я – не самоубийца, – злясь на лейтенанта, ответил шофер. – Да и вы, по всей вероятности, тоже здесь не доброволец. Кто из нормальных людей согласился бы на такое задание.

– Я согласился, – улыбаясь, ответил ему Никитин. – Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Или ты другого мнения, Клим? Ты же – член партии, а мыслишь…

Водитель промолчал. Лейтенант посмотрел на него и сплюнул в окно машины.

«Хорошо – ты холостой, а у меня трое детей, – подумал

Клим. – Кто их поднимет, если я погибну? Государство? Да и причем здесь партия? Я по-человечески размышляю».

Лейтенанта отвлек звук пикирующего самолета. Рев двигателя рос с каждым мгновением и в какой-то момент наполнил весь окружающий его мир. Ему показалось, что его тело, его физическая сущность просто растворилась в этом ужасном звуке пикирующего самолета с черными крестами на крыльях. Раздался треск авиационных пушек. Земля вздыбилась в метрах десяти от их автомобиля. Едва не задевая своими серыми крыльями кромок деревьев, над ними пронесся «Мессершмит». Он промчался так низко, что Никитину показалось, что он увидел улыбающееся лицо немецкого пилота. Самолет взмыл к солнцу и снова устремился к земле. Черная точка с каждой секундой все росла и росла в размере. Лейтенант почувствовал, как между его лопаток заструился предательский ручеек. Он не был трусом, но погибнуть вот так просто в кабине полуторки ему не хотелось. Он почувствовал какую-то безвыходность и практически смирился с возможной смертью. Его тело сделалось каким-то мягким, ватным и податливым. Он закрыл глаза и вжал голову в плечи, ожидая шквал огня, но его почему-то не последовало.

– Товарищ лейтенант! – закричал Клим и рукой указал куда-то влево. – Посмотрите!

Никитин посмотрел в указанную Климом сторону и увидел немецких солдат, которые группами медленно выходили из леса. Забыв про самолет, он выскочил из кабины и выхва-

тив из кобуры «ТТ».

– Направо! В лес! – закричал он водителю. – Приготовиться к бою!

Машины, натружено гудя моторами, съехали с дороги и стали втягиваться в небольшую посадку из берез. Громкий треск пулемета броневика отвлек Никитина от самолета, который продолжал парить в небе. Бронированная машина развернулась на месте и двинулась в сторону немецкой пехоты, поливая гитлеровцев из крупнокалиберного пулемета. Затрещали десятки автоматов и пулеметов. Откуда-то слева по грузовикам ударил немецкий пулемет. Пули, словно шило, легко прошивали деревянные борта полуторок, разбрасывая в сторону белую щепу.

Танк развернулся на месте и двинулся в сторону немецких пулеметчиков.

– Маркелов! – закричал Никитин, заметив того недалеко от себя. – Отводи людей с машинами, я прикрою!

Лейтенант вскочил и бросился к станковому пулемету.

– Отходи! – приказал он пулеметчику. – Я прикрою!

Пулеметчик поднялся с земли и, сделав несколько неуверенных шагов, упал в траву. В ту же секунду около Никитина оказалась Лаврова.

– В лес! – закричал он ей прямо в лицо. – Я сказал – в лес!

Но девушка, словно не слыша приказа офицера, открыла коробку и протянула ему пулеметную ленту. Никитин машинально вставил ленту в пулемет и длинной очередью при-

жал атакующего противника к земле. Краем глаза он увидел, как одна из машин вспыхнула и запылала ярким чадящим пламенем. Не выдержав плотного огня красноармейцев, немцы короткими перебежками стали отходить обратно в лес. Неожиданно броневик исчез в облаке огня и пыли. Поле, по которому маневрировала бронированная машина, оказалось заминированным. Кто и когда успел заминировать его, Никитин не знал. Машина словно лист фанеры, в порыве сильного ветра медленно оторвалась от земли и повисла в воздухе. В следующую секунду броневик разорвало на две половины. Из-за облака пыли, поднятого взрывом, ничего не было видно. Пробежав вперед метров двадцать вперед, лейтенант натолкнулся на труп водителя броневика, одетого в черный комбинезон, которого выбросило взрывом из развороченной машины. Недалеко, ухнула мина, затем другая. Взрывной волной Никитина прижало к земле. Он почувствовал, что кто-то настойчиво тянул его за сапог. Он обернулся, это была Ольга и младший лейтенант Маркелов.

– Нужно отходить, лейтенант! – кричал он. – Давай, назад, им уже не поможешь, мы прикроем!

Иван вскочил на ноги и метнулся к машинам, которые уже втянулись в посадку. Раздался пронзительный свист, и мина угодила в горящий грузовик, разорвав его буквально на части. Неожиданно стало тихо. Тихо так, что она буквально оглушила их.

– Маркелов отводи людей и направь ко мне Клима. Мы

вас догоним….

Оторвавшись от немцев, колонна, а вернее, все, что от нее осталось, скрылась в лесу.

***

Гауптштурмфюрер СС Вагнер смотрел на остов сгоревшего грузовика. Сегодня ночью он получил радиограмму от командира роты саперов, который сообщил ему о стычке с русской механизированной группой, об уничтожении в результате минометного обстрела одного из грузовиков. Рано утром гауптштурмфюрер прибыл на указанное в радиограмме место. Рассматривая место боя, он невольно обратил свое внимание на обрывки сожженных советских купюр, которыми играл легкий летний ветерок. Вот он подхватил одну из них и, повернув в воздухе, бросил к его ногам. Вагнер нагнулся и поднял обрывок купюры.

– Что еще было обнаружено на месте боя? – спросил он унтер-офицера. – Вы внимательно отработали местность?

Унтер-офицер вздрогнул, словно его прострелил электрический разряд. Он растерянно посмотрел на эсесовца. Вагнер сразу все понял, глядя на стоявшего перед ним подчиненного.

– Сдайте все, что подобрали ваши солдаты. Не заставляйте меня принимать к вам исключительные меры военного времени.

– Яволь, господин гауптштурмфюрер, – громко произнес унтер-офицер и вытянулся в струнку перед ним.

Вагнер отошел в сторону и, достав из портсигара сигарету, закурил. Он был зол и на себя, и на этого толстого унтер-офицера, который в стороне от него что-то объяснял своим подчиненным. Гауптштурмфюрер СС снова стал рассматривать остатки автомобиля, воронки от мин, которые буквально перепахали всю поляну. Вдруг его взгляд выхватил из серой золы какой-то металлический предмет. Он как маленький бриллиант блеснул в лучах яркого летнего солнца. Офицер стеком разгреб золу и, нагнувшись, поднял из золы монету. Это был золотой царский червонец.

«Выходит, они успели перегрузить из машины ящики с золотом, – мелькнуло у него в голове. – Как же так, почему солдаты вермахта дали эту возможность русским».

Пошарив глазами по кустам, он заметил винтовочную гильзу, надетую на сломанную ветку. Он вытряхнул из нее записку.

«Никитин и его водитель перегрузили часть ящиков в одну из машин. Разбитый автомобиль и мешки с деньгами сожгли».

Заметив пенек, Вагнер присел на него.

«Выходит, что золото они перегрузили, а вот бумажные деньги – сожгли. Но, это не может происходить бесконечно. В конечном итоге, машины развалятся под тяжестью золота. Значит, Никитин будет искать места складирования золота».

– Господин гауптштурмфюрер, вот все, что собрали здесь мои солдаты, – доложил ему унтер-офицер.

Он протянул ему в ладони носовой платок, на котором лежало несколько серебряных и золотых монет. Капитан взял одну из них и, подкинув ее в воздух, ловко поймал ее в ладонь.

– Это все?

– Так точно, господин гауптштурмфюрер, – отчеканил унтер-офицер.

«Похоже, русские здесь ночью все собрали, что не сгорело вместе с грузовиком, – подумал Вагнер. – Еще ничего не потеряно. Они все здесь в этих лесах и этот Никитин, и его ящики с золотом».

Гауптштурмфюрер СС взглянул на унтер-офицера. По толстым щекам мужчины струился пот. Он был на грани обморока. Вагнер улыбнулся, ему всегда нравилось быть хозяином положения. Он рукой подозвал к себе адъютанта.

– Передайте во все части вермахта, что Главным управлением СД группы армий «Центр» разыскиваются русские грузовые автомобили, на бортах которых имеются надписи «Почта». В случае обнаружения, захватить машины. Ящики, которые находятся в кузовах грузовиков, не вскрывать.

– За чьей подписью, пойдет эта радиограмма, господин гауптштурмфюрер?

– За моей….

– Разрешите исполнять?

Вагнер махнул рукой и направился к своему «Майбаху», который стоял в тени могучего дуба. Он снял с головы фу-

ражку и, вытерев вспотевший лоб носовым платком, сел в машину. Взревев мощным мотором, «Майбах» тронулся с места. Вслед за ним двинулся и бронетранспортер, набитый солдатами. Эта была охрана гауптштурмфюрера СС.

***

Лес спал. Небо на востоке сначала посерело, а затем заалело зорей. Первые солнечные лучи словно пробудили природу. Запели птицы. Никитин открыл глаза и почувствовал, что форма на нем пропиталась влагой. По низине плыл густой белесый туман, пряча в себе деревья, кусты, автомашины. Иван быстро вскочил на ноги и сделал несколько упражнений, стараясь как можно быстрее согреться. Он нагнулся над спящим младшим лейтенантом и потряс его за плечо.

– Вставай, Маркелов! Поднимай людей! – приказал ему Никитин.

Недалеко от них, свернувшись калачиком, спасла Ольга, укрывшись плащ-палаткой.

– Лаврова! – обратился он к ней. – Нужно вставать, пора ехать…

Она открыла глаза и, подняв вверх руки, сладко потянулась.

– Уже? – спросила она Никитина. – Мне бы еще с часок…. Товарищ лейтенант! Мне нужно с вами переговорить.

– О чем, Ольга?

– Вы знаете, я вчера вечером, перед сном, случайно за-

метила, что Лихачев саперной лопаткой сделал отметину на сосне около дороги, а затем, повесил на сучок винтовочную гильзу. Когда он ушел, я сняла с сучка гильзу. В ней оказалась записка. Вот она, прочтите…

Девушка протянула Никитину маленький клочок бумаги. Он осторожно развернул его и начал читать

«В каждой машине по шесть ящиков и по нескольку мешков с какими-то бумагами».

Лейтенант пристально посмотрел на Лаврову.

– Надеюсь, ты никому об этом не говорила?

– Нет, товарищ лейтенант, только вам.

– Он не заметил тебя?

– Нет. Вернуть эту записку на место? Но он, же враг, товарищ лейтенант! – горячо произнесла девушка.

– Так надо, Ольга. Это хорошо, что ты его вычислила. Посмотри за ним. Только будь осторожна.

– Хорошо, товарищ лейтенант. Я бы на вашем месте…

– Я на своем месте, а ты на своем, Лаврова. За груз несу ответственность я!

Через полчаса машины снова тронулись в путь. Они проехали всего около десяти километров, как наткнулись на разъезд немецких мотоциклистов. Похоже, немцы блокировали все лесные дороги.

– Поворачивай! Давай, назад! Назад! – закричал Никитин водителю.

Машины снова стали съезжать с дороги. Немцы, дав

несколько пулеметных очередей, развернулись и скрылись в утреннем тумане.

– Маркелов! Нужно срочно уходить отсюда. Сейчас они вернутся обратно! Дай, команду, пусть саперы заминируют дорогу!

Машины вновь стали выезжать на дорогу. Саперы, спрыгнув с машины, стали быстро устанавливать противотанковые и противопехотные мины, маскируя их ветками и пылью. На все это ушло минут двадцать.

– По машинам! – скомандовал Никитин, и колонна тронулась на восток, откуда доносилась канонада.

Машины двигались на пределе своих возможностей. Вскоре из-под капота одной из машин повалил белый пар. Она медленно съехала в кювет и остановилась.

– Клим! – обратился Никитин к водителю. – Посмотри, что там с двигателем. Может машина двигаться дальше или нет?

Водитель вернулся быстро.

– Товарищ лейтенант! Каюк движку, накрылся из-за перегрева. Придется машину бросить.

Никитин выругался матом, словно виноват в этом был его водитель и направился к Маркелову.

– Перебросьте ящики на другие машины! – приказал Никитин. – Быстрее, быстрее!

– Товарищ лейтенант, скажите, что в ящиках? – спросил его Маркелов. – В них что, камни?

– Груз, – коротко ответил Никитин. – Не нужно вопросов, Маркелов. Придет время….

– Слушайте, товарищ лейтенант, мы загубим машины, потеряем людей. Может, все не стоит этого? – обратился к лейтенанту офицер.

– Не ваше дело, Маркелов! Вам приказано сопровождать и охранять груз, вот и выполняйте приказ. Придет время, все узнаете. Прикажите приготовиться к маршу. Поврежденную машину – сжечь. Впрочем, я сам это сделаю, – произнес чекист. – Через десять минут начинаем движение. Мешки верните обратно в машину, из которой забрали их ваши бойцы.

– А что, раньше нельзя было сказать, чтобы люди не трогали мешки?

– Не ваше дело, товарищ младший лейтенант! – с нескрываемой злостью ответил Никитин. – Вопросы еще есть?

Маркелов удивленно посмотрел на командира. Ему было не совсем понятны решения Никитина, то разгружать машину, то снова загружать ее мешками. Однако спорить с лейтенантом он не стал. Отдав команду бойцам, он направился к своей автомашине, около которой стояла Лаврова.

– Он что, не с той ноги, что ли встал? Рычит, как пес на цепи, – произнес Маркелов, обращаясь к Ольге. – Скажите, может, вы знаете, что это за груз?

– Не знаю, – коротко ответила девушка и, развернувшись, направилась к своей полуторке.

«Побрил меня лейтенант, – сплевывая на землю, подумал

младший лейтенант. – Я то, думал, что мы пусть не друзья, но, по крайней мере, выполняем один и тот же приказ, а выходит, что нет. Интересно, что же в этих ящиках? Может в них золото или серебро?»

Эта мысль заставила его улыбнуться. Маркелов закурил и стал внимательно наблюдать за тем, что делает около машины Никитин. Тот, словно почувствовав, что попал под наблюдение Маркелова, посмотрел в его сторону, а затем скрылся за кузовом машины.

– Трогайте, мы вас догоним, – приказал он Маркелову. – Сейчас запалим машину и за вами…

Автомобили снова двинулись в сторону Смоленска. Где-то недалеко позади колонны раздался взрыв, затем другой, третий. Вспыхнуло пламя. Из леса выехала автомашина с Никитиным и, набрав скорость, устремилась вслед за колонной.

***

Лейтенант Никитин сидел на ступеньке автомашины и, сняв с себя гимнастерку, штопал надорванный рукав. К нему подошла Ольга. Взглянув на его неловкие движения, она улыбнулась.

– Давайте, товарищ лейтенант, я помогу вам, – предложила она ему. – Я лучше вас это сделаю.

Он, молча, протянул ей иглу и гимнастерку. Освободив ей место, он сел около колеса и закурил. Он смотрел на Лав-

рову, а вернее на ее пальцы, которые так ловко владели иглой. Где-то в глуше леса пела какая-то птица. Ее песня была то веселой, то грустной и эта незамысловатая трель была сродни тому, что творилось в его душе. Никитин почему-то невольно вспомнил 1939 год, победоносный вход Советских войск на территорию Польши, нескончаемые колонны танков, автомашин, суровые и нахмуренные лица бойцов. Темные ночи, аресты поляков, эшелоны, уходящие куда-то в Сибирь, толпы насмерть перепуганных детей и женщин….

– Лейтенант! – тихо произнесла Лаврова. – Вы что, не слышите меня?

– Как будто нет войны, – тихо ответил он. – Извините, Ольга. Просто заслушался этой тишиной, пеньем птиц….

– Скажите, товарищ лейтенант, почему мы все время движемся по кругу? Может, мне это так кажется?

– По кругу, говорите. Так нужно, Оля, такая задача у нас с вами…

Девушка перекусила зубами нить и протянула гимнастерку Никитину.

– Что у вас со спиной, товарищ лейтенант?

– Со спиной? Да, так посекло немного осколками, а что?

– Нет ничего. Просто, вот сейчас увидела и спросила….

– Спасибо, Оля. Как, не устали двигаться по кругу?

– Не больше других бойцов, товарищ лейтенант.

– Как там Лихачев? Вы ему пока не мешайте, пусть пишет немцам свои записки.

Он что-то хотел ей сказать еще, но его прервал голос Маркелова, который появился из-за машины.

– Товарищ лейтенант, у нас пленный, – произнес он. – Что с ним делать?

– Какой пленный? – удивленно спросил его Никитин. – Немец? Где вы его взяли?

– Вышел на наше боевое охранение, пришлось повязать.

– Приведите ко мне, – приказал лейтенант. – Спроси, кто из твоих бойцов, может, знает немецкий.

– Откуда, товарищ лейтенант. Задержанный – русский.

– Давай, тащи его ко мне, поговорим.

Минуты через две к нему подвели молодого мужчину. Его красивое точеное лицо портили разбитые в кровь губы. Никитин сразу обратил внимание на то, что на мужчине была форма офицера Красной Армии.

– Кто такой? – спросил его Никитин. – Если будешь молчать, прикажу расстрелять.

Лицо мужчины побелело, он явно не ожидал подобного поворота событий.

– Я штурмфюрер СС. Моя фамилия Траубе, – произнес пленный на чистом русском языке.

– Почему вас форма Красной армии?

Немец молчал. Глаза его блуждали по лицам красноармейцев.

– Расстрелять! – коротко бросил Никитин. – Раз не хочет говорить, пусть отдыхает в овраге.

Немец вздрогнул.

– Погодите, господин лейтенант. Я все расскажу. Мое подразделение было направлено для перехвата вашей автоколонны. Мы случайно в лесу столкнулись с отходящей русской частью и были вынуждены принять бой. Часть нашей группы была уничтожена, а часть была рассеяна по лесу. Немецкому командованию хорошо известно, что ваши автомашины перевозят золото. Этим вопросом в штабе армий «Центр» занимается гауптштурмфюрер Вагнер.

Слова о золоте насторожили Маркелова. Он пристально посмотрел на Никитина, ожидая у того подтверждения.

– О каком золоте идет речь? – спросил Никитина Маркелов. – Неужели мы везем золото?

Никитин усмехнулся и посмотрел на младшего лейтенанта, давая ему понять, что он понятия не имеет, о каком золоте говорит этот пленный эсесовец.

– Что ты так на меня смотришь? Я перемещаю груз, а он в ящиках. Что за груз, мне неизвестно, все опечатано, что не посмотришь, – произнес Никитин. – Тебе это ясно? Скажите Траубе, что еще известно вашему командованию о колонне с золотом?

– Мы знаем, что колонна должна выйти к Смоленску. Знаем состав, численность охраны. Я даже знаю, кто вы. Вы – лейтенант Никитин. Если хотите, я вам расскажу вашу биографию?

– Неплохо работает ваша разведка, многое вам известно,

но это – ничего не меняет. Мы все равно дойдем до Смоленска.

– Я бы не стал так говорить, господин лейтенант. Вы слишком самоуверенны и это может отрицательно сказаться на вашей операции.

– Что вы его слушаете, товарищ лейтенант, – раздраженно произнес Маркелов и рукой указал на глубокий овраг. – Давайте, я его вон туда отведу!

Немец вздрогнул и посмотрел в ту сторону, куда рукой указал офицер. Никитин промолчал, он был просто сражен наповал словами этого немца. Откуда гитлеровцы могли узнать об этом, ведь формирование отряда проводилось в режиме повышенной секретности.

– Что вы собираетесь со мной делать? Расстреляете? – поинтересовался у Никитина немец. – Я предлагаю вам сдаться добровольно, в этом случае вы гарантируете себе жизнь, в отрицательном случае, вы все будете уничтожены.

Никитин снова улыбнулся над его словами. Заметив, что к ним направляется Ольга Лаврова, лейтенант посмотрел на Маркелова.

– Уведите пленного, – приказал он младшему лейтенанту.

Когда тот отвел в сторону пленного, Никитин подошел к Маркелову.

– Давай, отойдем, поговорить нужно. Вот что, Маркелов. Как ты это сделаешь, я не знаю, но этот фашист должен сбежать от нас. Не смотри на меня так, ты не ослышался – сбе-

жать. Ты меня понял?

– Но, товарищ лейтенант…..

– Ты что плохо понимаешь по-русски? Так надо, Маркелов…. Пойми ты это.

Минут через десять, проверив автомашины и не найдя больше серьезных повреждений, колонна автомашин, двинулась дальше в сторону Смоленска.

***

Гауптштурмфюрер СС Вагнер, молча, подписал рапорт о розыске и захвате русской автоколонны с золотым грузом и положил ручку на стол.

«Ох уж эти отчеты, – с неким раздражением подумал Вагнер. – Каждый день я должен отчитываться перед Кальтенбрунером о проделанной работе. Можно подумать, что я целыми днями отдыхаю. Я бы посмотрел, как он бы быстро отыскал русских в этих лесах и болотах».

Вагнер закурил и посмотрел в окно. Во дворе с шумом и гамом гоняли мяч солдаты взвода охраны. В какой-то момент ему тоже захотелось забыть все и вот, так же как и они погонять мяч. Выпустив струю голубоватого дыма, он посмотрел на стол. Перед ним лежала радиограмма командира 116 авиаполка, который сообщал ему о потере русскими второй машины. Еще раз, перечитав ее, он взял в руки ручку и поставил большой знак вопроса.

«Если это так, то возникает вполне логичный вопрос, где

ящики с золотом и драгоценностями, которые были в этих машинах? Где ящики? Перегрузить их в остальные автомашины было практически невозможно, так как машины подобной марки не выдержали бы подобной нагрузки. Выходит, что русские двигаются по заранее определенному маршруту, по пути которого находятся специальные места складирования ценностей. Если это так, то необходимо сделать все, чтобы захватить живым Никитина. Только он один знает все эти места».

Кто-то осторожно постучал в дверь его кабинета. Так осторожно мог стучать лишь один человек, его адъютант – штурмфюрер Хубе.

– Войдите! – громко крикнул Вагнер.

Штурмфюрер застыл у порога. У него было красивое лицо, которое немного портил большой и глубокий шрам, который пересекал всю его правую щеку.

– Слушаю вас, Хубе, – обратился к нему Вагнер. – Что произошло?

– Вернулся Траубе. Говорит, что оказался в русском плену, их которого ему удалось успешно бежать.

– Ну, что ж, пусть войдет, послушаем, какую сказку он расскажет.

Хубе вышел из кабинета и по старой привычке плотно закрыл за собой дверь. Вагнер достал очередную сигарету и, чиркнув зажигалкой, закурил. В кабинет вошел человек в грязной форме советского офицера и резко выкинул пра-

вую руку в нацистском приветствии. Это было так нелепо и смешно, что Вагнер невольно засмеялся.

– Что скажите, Траубе? Расскажите мне, как вы попали в плен к русским?

Траубе стал торопливо докладывать гауптштурмфюреру СС обо всех своих приключениях.

– Выходит, что не вы захватили этот конвой, а они вас, штурмфюрер? Интересно, интересно. И что было потом? Как вам удалось бежать?

– Когда меня рано утром повели на расстрел, я напал на конвоира. Мне удалось выхватить у него винтовку….

– И что? Что было потом?

– Я побежал в одну сторону, а он в другую, испугавшись меня…

– Значит, вы лично видели этот конвой?

– Да, господин гауптштурмфюрер. У них осталось еще достаточно много машин.

– Хорошо, Траубе, отдыхайте.

Когда тот вышел из кабинета, Вагнер пригласил к себе Хубе.

– Передайте все материалы в отношении Траубе в службу безопасности. Пусть они проверят его. Я что-то не доверяю ему, а если быть точнее – его побегу. Что-то в этом не так.

– Есть, господин гауптштурмфюрер.

***

Никитин сидел на пеньке и что-то записывал в школьную тетрадь. Он задумчиво посматривал то на небо, то на небольшое озерко, в котором плескалась рыбешка. Было так тихо, что невольно возникала иллюзия мирной жизни, но это продолжалось недолго. Где-то ударила дальнобойная артиллерия и тишина, словно испугавшись этого грохота, куда-то исчезла.

Лейтенант оторвался от тетради и посмотрел бойцов, которые, воспользовавшись этой часовой остановкой, мирно спали, укрывшись в тени деревьев.

– Слушай, Никитин, – обратился к нему Маркелов. – Ты мне можешь объяснить, почему мы вместо того, чтобы двигаться в сторону Смоленска, все время крутимся на месте, ведь ты говорил, что колонна должна двигаться на Смоленск?

– Так нужно, младший лейтенант. Зачем? Узнаешь потом.

– Снова потом! Почему потом, а не сейчас? Может, ты все-таки скажешь хоть мне, что за груз в ящиках? Неужели немец прав и в ящиках действительно золото?

– Неважно, младший лейтенант. Всему свое время. Пойми меня правильно, Маркелов, но не могу я пока тебе рассказать, что это за груз.

Маркелов замолчал и, резко повернувшись, направился к машинам, около которых находились его люди. Проводив его взглядом, Никитин, достав из полевой сумки карту, принялся изучать предстоящий отрезок дороги.

«Все идет по плану, – размышлял он. – Мы вторую неделю таскаем немцев за собой. Немцы, наверняка, знают о маршруте движения колонны, ведь я специально громко говорил о маршруте нашего движения Маркелову, в присутствии его бойцов».

– Позови ко мне Маркелова, – обратился Никитин к водителю.

Младший лейтенант подошел к нему и встал рядом с ним.

– Поднимай, людей! Снимаемся…

– Люди устали от перехода, может, заночуем здесь? – попытался возразить младший лейтенант, однако, взглянув на лейтенанта, моментально понял, что убеждать командира бесполезно.

Колонна тихо снялась и в темноте двинулась по дороге в сторону Смоленска. За ночь отряд преодолел пятьдесят километров и остановился на развилке дорог. Дорога на Смоленск была пустой. Лишь иногда по ней на большой скорости проносились грузовики с боеприпасами и раненными бойцами. Где-то по-прежнему гремела канонада и темноту неба разрывали вспышки ракет. Небо на востоке сначала посерело, а затем из-за леса показался край солнца. В небе натушено загудел «Юнкерс».

– Появился, – словно подытожил водитель, поглядывая в небо. – Товарищ лейтенант, что мы здесь торчим на дороге? Может, укроемся в лесочке? А то, может, он специально нас высматривает и чуть что – бомбой.

– Стой! – приказал ему Никитин. – Пусть засечет нас, вот тогда и тронемся.

Бойцы, кто со страхом, а кто с интересом наблюдали за немецким разведчиком, который, заметив русскую автоколонну, стал кружить над ней, передавая данные на свою базу.

– Вот теперь трогай! – произнес лейтенант. – Давай быстрее….

– Не понимаю я вас, товарищ лейтенант. Вы почему-то все время словно играете со смертью, – проворчал шофер. – Может, вам жизнь свою не жалко – это ваше право, но подставлять других под немецкие бомбы, это уже слишком.

– Если бы я тебя не знал, Клим, то прямо здесь бы взял и расстрелял за пораженческие разговоры, – произнес Никитин, прикуривая папиросу. – Это ты на гражданке мог рассуждать об указаниях начальника, а сейчас война, здесь нужно не обсуждать, а выполнять приказы своих командиров.

Водитель посмотрел на лейтенанта и, заметив, что тот не собирается больше с ним разговаривать, замолчал.

***

Гауптштурмфюрер СС Вагнер внимательно рассматривал топографическую карту, которая была расстелена на столе. Перечитывая донесение воздушной разведки, он красным карандашом отмечал на карте местонахождения советской колонны.

«И так, за ночь они проделали порядка пятидесяти кило-

метров. Все правильно, с таким грузом эти машины не могут быстрее двигаться по таким дорогам. Странно, но Никитин, словно специально накручивает круги? Почему они не двигаются на Смоленск? Окружение? Нет! Здесь что-то другое. Они могли влиться в состав большой армейской группы русских и в их составе попытаться перейти линию фронта, ведь многие подразделения русских малыми и большими группами пробиваются через линию наших войск, а эти действуют самостоятельно. Они даже не пытаются соединиться с такими частями. Что этому мешает, золото?»

От этих мыслей ему стало жарко, он расстегнул мундир и снова склонился над картой. Нелогическое поведение его противника, словно красная тряпка для быка, заставило его в который раз переосмысливать действия этого сотрудника НКВД. Дверь слегка скрипнула, Вагнер оторвал свой взгляд от карты.

«О, Боже, мой! – первое, что пришло ему в голову. – Неужели это Мелита Видеман?»

В кабинет тихо вошла молодая женщина лет тридцати пяти, одетая в черную форму СС. Ее светлые густые волосы в лучах заходящего солнца были окрашены в какой-то сказочный золотистый цвет. Она улыбнулась. Ее идеально белые зубы были подобны россыпи жемчуга.

– Надеюсь мне не нужно представляться? – спросила она гауптштурмфюрера.

– Не нужно. Насколько я помню, мы встречались с вами

у Кальтенбрунера. Скажите, какая проблема занесла вас ко мне, прекрасная Милита?

– Вы знаете, Вагнер, я сейчас представляю интересы антикоммунистического журнала «Аукцион», который курирует Кальтенбрунер. Мне поручено осветить вашу операцию по захвату и уничтожению советской колонны с золотом.

По лицу офицера пробежала едва заметная гримаса. Он моментально понял, для чего и связи с чем прибыла Милита в расположение его группы.

– Что ж, я готов вам предоставить всю необходимую вам информацию, – произнес Вагнер. – Что конкретно вас интересует?

– Не нужно обижаться, гауптштурмфюрер. Я, как и вы, ношу погоны и приказ начальника для меня такой же приказ, как и вам. Я не собираюсь командовать вашими доблестными солдатами, я лишь хочу посмотреть, как все это произойдет.

– Что вы имеете в виду, Милита?

– Я хочу увидеть сам захват этой колонны. Это – правда, что в машинах находится восемь тонн золота?

– Согласно получаемой информации – это так. Мы постоянно висим у них на хвосте, но загнать их в капкан никак не получается. В лесах много разрозненных русских групп, что мешает нам провести крупную войсковую операцию.

– Я в курсе ваших сложностей. Перед тем как ехать сюда я ознакомилась с вашими докладными записками. Каль-

тенбрунер недоволен. У него есть определенные сомнения в том, что конвой, за которым вы гоняетесь уже целую неделю – ложный.

– Он ошибается. Я знаю, что я иду по следу. Вот, Мелита, посмотрите, что подобрали мои солдаты на месте уничтожения одной из машин конвоя.

Он открыл ящик стола и положил на столешницу несколько золотых и серебреных монет. Женщина взяла в руки одну из них. Вагнер заметил, как в ее глазах вспыхнули искры. Она внимательно посмотрела на монету, потрогала выпуклый образ Николая второго и осторожно положила ее обратно на стол.

– Я сама хочу принять участие в захвате этой колонны и вы, господин гауптштурмфюрер, не сможете мне отказать в этом. И еще, с сегодняшнего дня, связь с Кальтенбрунером лишь через меня…

Она повернулась и вышла из кабинета. Вагнер облегченно вздохнул и вытер платком вспотевший лоб.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Никитин открыл глаза и растерянно посмотрел на Клима, который крутил баранку. Долго он дремал или нет, он не знал. Впереди колонны шел танк, выбрасывая позади себя облако удушающего серого дыма.

– Отстань от него, – произнес лейтенант. – Что ты уткнул-

ся ему в зад, можно подумать, что тебе нравится эта вонь. Как у нас с горючим?

– Плохо, товарищ лейтенант, от силы километров на пятьдесят, не больше. Все бочки пустые.

– Да, плохо. Нужно где-то искать…

– Где его в лесу найдешь то, – ответил Клим и сплюнул в открытое окно полуторки.

Водитель немного притормозил. Из-за кромки леса показался самолет. Он прошел над колонной так низко, что, едва не задел машины серыми крыльями. Впереди танка вырос столб огня и земли.

– Сворачивай! – закричал Никитин, выбираясь на подножку полуторки. – Воздух!

При следующем заходе самолет снова ударил по танку. И в этот раз «Юнкерс» промахнулся. Бомба рванула в десяти метрах от бронированной машины. Самолет еще раз прошел вдоль колонны и скрылся за лесом.

– Давай, сворачивай с дороги! – приказал водителю Никитин. – Есть еще одна дорога, попробуем прорваться по ней.

Машины съехали с дороги и укрылись в небольшом лесочке. Заметив младшего лейтенанта, Никитин окликнул его.

– Ну, как дела? Что не докладываешь, потери есть?

– А что, докладывать? У меня два человека убиты и трое раненых, повреждены три машины. Думаю, что дальше ехать не смогут. У личного состава есть вопросы, я не знаю, что им

объяснять, – ответил Маркелов. – Ты мне скажи, Никитин, что в этих запечатанных ящиках? Золото? Ради чего погибают наши товарищи, может, ты хоть мне объяснишь?

По лицу Никитина пробежала тень. Он хорошо понимал, что рано или поздно ему придется на них ответить, но только не сейчас.

– Маркелов, ты забыл приказ? Никаких вопросов! К ящикам не прикасаться! Если замечу нарушение, лично расстреляю на месте! Ты понял это!

– Да. Я все помню, товарищ лейтенант, и приказ, и присягу. Только все это как-то странно и непонятно. Сначала вы приказываете свернуть в другую сторону от Смоленска, затем отпустить этого пленного фрица, а теперь мы почему-то снова двигаемся то в сторону Минска, то в сторону Смоленска. Ребус какой-то получается. Может, стоит вам объясниться?

Никитин не успел ему ответить. Из леса вышли несколько красноармейцев и застыли на месте от неожиданности. Похоже, что они не ожидали увидеть здесь русскую автоколонну.

– Кто такие будете? Часть? – спросил лейтенант одного из бойцов.

– Мы из 417 артиллерийского полка. Отступаем из-под Минска. А вы кто?

Никитин не ответил. Сейчас, когда весь тыл Красной Армии был буквально нашпигован немецкими диверсантами,

одетыми в форму красноармейцев, он не верил никому, в том числе и этому бойцу с двумя треугольниками на черных петлицах.

– Сколько вас?

– Девять, один тяжело ранен. Товарищ лейтенант, возьмите нас с собой.

Никитин промолчал.

– Единственно чем могу помочь вам – это накормить, – ответил лейтенант. – Простите, взять вас с собой я не могу.

Красноармейцы растеряно посмотрели на офицера, его ответ просто обескуражил их.

– Товарищ лейтенант, но с нами тяжелораненый, как быть с ним?

– Ничем помочь не могу. У меня приказ…

Он не договорил. Где-то в метрах пятидесяти раздались автоматные очереди.

– Немцы! Немцы! – закричал кто-то из бойцов охраны и бросился в кусты.

Между деревьями показались гитлеровцы. Их было около взвода. Гитлеровцы перебегали от одного дерева к другому, укрываясь за их толстыми вековыми стволами.

– Приготовиться к бою! – громко выкрикнул Никитин. – Всем укрыться! Без команды не стрелять!

В воздухе повисла напряженная тишина, которая в любой момент должна была утонуть в шквале свинца.

***

Три грузовика с солдатами и два бронетранспортера медленно двигались по лесной дороге. Замыкал эту небольшую колонну «Хорх», в котором ехала Мелита Видельман и Вагнер. Женщина рассказывала гауптштурмфюреру СС последние берлинские новости, но тот ее не слушал. Густой лес из вековых сосен и берез пугал его. За каждым деревом ему виделся враг.

– Господин Вагнер, вы слышите меня? – обратилась к нему Мелита. – Тогда почему вы молчите?

– Да, я слышу вас, Мелита – коротко ответил он ей. – Извините, но меня сейчас больше интересует совсем другое, а именно – русская колонна. По данным авиаразведки, они где-то недалеко от этого места.

Вагнер посмотрел на женщину. Встречный ветерок ласкал ее светлые локоны.

«Какая красивая женщина, – подумал он, – и с такой неприятной для меня миссией. Вот надо же, увязалась».

Мелита, словно отгадав мысли гауптштурмфюрера, пристально посмотрела на него, словно делая ему вызов.

«Посмотрим, как ты поведешь себя во время боя», – подувал Вагнер. – То, что будет бой, он почему-то не сомневался.

«Болван, – размышляла Мелита. – Сидит, надулся словно индюк. Посмотрим, на что ты способен».

Вагнер привстал с места и посмотрел на дорогу, по которой мчался навстречу колонне мотоциклист. По команде

гауптштурмфирера колонна остановилась. К машине подбежал унтер-офицер и выкинул правую руку в нацистском приветствии.

– Господин гауптштурмфюрер! Впереди русская колонна. Прикажите атаковать!

Вагнер посмотрел на Видеман, словно ожидая ее согласия.

– Постарайтесь взять живыми офицеров.

Унтер-офицер щелкнул каблуками и побежал к мотоциклу.

– Хубе! Разворачивайте взвод в цепь….

Вагнер вышел из машины и, передернув затвор автомата, двинулся вслед за цепью.

– Гауптштурмфюрер! Я с вами, – выкрикнула Мелита, доставая из кобуры женский «Браунинг».

Где-то впереди гулко ударил крупнокалиберный пулемет. Вагнер инстинктивно вжал в плечи голову. Шум боя то возрастал, то затихал. В моменты затишья были слышны гулкие выстрелы винтовок.

– Хубе! – закричал Вагнер. – Отсекайте их от дороги!

Наконец гауптштурмфюрер увидел русских. Они залегли и вели огонь из-за стволов деревьев. Вагнер поднял автомат и нажал на курок. В ту же секунду пуля ударила ему в предплечье. Боль была такой резкой и сильной, что он закричал и повалился на землю. Снова ударил крупнокалиберный пулемет. Гауптштурмфюрер закрыл глаза и потерял сознание.

***

Пули щелкали по деревьям, впиваясь в вековые стволы, оставляя на них своеобразные шрамы. Ветви, словно порубанные невидимым топором, валились на землю. Никитин лежал за пнем и стрелял из автомата по немецким солдатам, которые, то появлялись среди деревьев, то бесследно исчезали среди густого кустарника. Откуда взялись немцы и сколько их – никто не знал. Недалеко от него длинными очередями забил крупнокалиберный пулемет. Несмотря на грохот выстрелов, лейтенант отчетливо услышал звон латунных гильз, которые словно горох сыпались из чрева пулемета на остывшую броню. К нему подполз Маркелов и лег рядом с ним.

– Задержи их! – прокричал ему Никитин. – Нужно отводить колонну.

Последнюю фразу заглушил грохот взрыва. Из-за кустов показался бронетранспортер, на броне которого отчетливо выделялся крест, нанесенный белой краской. Бронированная машина подминала под себя молодые деревья, двигалась на красноармейцев со стороны дороги. Под прикрытием огня пулеметов немцы снова поднялись в полный рост и побежали в сторону редкой цепи залегших красноармейцев. Неожиданно бронетранспортер остановился. Из его открытого кузова вырвалось яркое пламя, а затем прогремел мощный взрыв.

– Лейтенант! Отводи людей и машины! – снова прокричал ему Маркелов. – Уходите, я задержу их!

Недалеко от него хлопнул винтовочный выстрел. Немецкий офицер взмахнул руками и с криком повалился на землю. Тук, тук, тук – стучали пули, выбивая из деревьев щепки. Немцы снова поднялись в рост и, уперев автоматы в животы, направились в сторону позиций, которые занимали русские.

– Уходите! А то будет поздно! – прокричал лейтенант.

Он швырнул две гранаты в немецких пехотинцев и припал к ручкам станкового пулемета. – Уходите же, я догоню вас!

Раздался взрыв, и жаркое пламя охватило обездвиженный танк. Черный жирный дым пополз среди зеленых деревьев. Воспользовавшись этим, лейтенант метнулся к деревьям. Немцы заметили его и прижали к земле автоматным огнем. Снова раздался одиночный выстрел и немецкий пулемет замолчал. Сквозь сетку зелени Никитин увидел Ольгу, которая вела огонь с колена.

– Отходи! – закричал он.– Уходи!

Девушка словно не слышала его приказа. Очередной выстрел и новый немец уткнулся лицом в высокую траву.

– Разворачивайся! – закричал Никитин Климу, вспомнив, что километра за полтора до этого места они минировали довольно сносную грунтовую дорогу, уходившую влево от дороги лес.

Немцы, грамотно рассыпавшись по лесу, залегли под огнем русского пулемета и теперь вели прицельный огонь по

автомашинам, которые словно неповоротливые черепахи, то, сдавая назад, то, подавая вперед, кое-как стали выползать из кюветов на дорогу.

Немецкая пулеметная очередь вспорола деревянный борт грузовика, в котором находился Никитин. Белоснежная надпись «Почта» мгновенно покрылась паутиной из черных дырок. Выскочив из машины на дорогу, лейтенант начал регулировать движение автомашин. Он стоял в полный рост, размахивая фуражкой, не обращая никакого внимания на рой пуль, которые вспарывали грунт около его ног. Наконец полуторкам удалось развернуться на узкой дороге.

– Ольга! Где Ольга! – кричал Никитин, стараясь разглядеть среди бойцов фигуру девушки.

Недалеко раздался хлесткий винтовочный выстрел. Офицер повернулся и увидел ее, она бежала в его сторону. Большие армейские ботинки, несуразный размер ее одежды уже не вызывали у него улыбки. Ольга обернулась и выстрелила в сторону немцев.

– Наконец-то! Ты где была! – радостно произнес Никитин. – Давай, в машину!

Подобрав бойцов из взвода охраны, они поехали в сторону Смоленска. Наконец колонне удалось на время оторваться от немцев. По приказу лейтенанта они снова свернули с дороги, и углубилась в ельник. Никитин остановил машину и направился к красноармейцам.

– Где Маркелов! Кто его видел?

– Он в последней машине. Ранен он, – ответил кто-то из красноармейцев.

– Что будем делать, товарищ командир, вся бронетехника сгорела, у двух машин пробиты скаты. Здесь, в лесу мы не можем их поменять, – поинтересовался у него Клим.

– Придется сжечь, – коротко ответил Никитин. – Перегрузите ящики в нашу машину. Дальше – ты сам знаешь, что нужно сделать. Они не должны попасть в руки немцев. Надеюсь, ты помнишь инструктаж капитана Наумова? И еще, ты это должен сделать на глазах Лихачева.

– Все понял, товарищ лейтенант. Пусть помогает грузить, я правильно вас понял.

– Все верно. Пока займись машинами….

Никитин замолчал, увидев, что к ним направляется Маркелов. Голова младшего лейтенанта была перевязана. Он вскинул руку для доклада, но лейтенант пресек эту попытку жестом.

– Нам не до парадов. Спасибо тебе, Маркелов.

Из-за машины вышла Ольга и посмотрела на офицеров.

– Слушай, лейтенант, тебе не кажется, что она влюбилась в тебя, – тихо произнес младший лейтенант.

– Какая любовь, Маркелов, война.

– Меня не обманешь, командир….

Девушка, словно догадавшись, о чем говорят мужчины, улыбнулась и, свернув в сторону, пропала среди зелени.

***

Лихачев поправил на голове пилотку и молча, направился к лейтенанту. Какое-то нехорошее предчувствие охватило его тело. Ноги плохо слушались, а тело стало каким-то чужим, ватным.

– Товарищ лейтенант, красноармеец Лихачев прибыл по вашему приказу, – четко произнес он, чувствуя, что на последнем слоге его голос дрогнул.

– Я наблюдал за вами во время боя, Лихачев. Могу сказать, что сражались вы храбро.

– Выходит, вы мне не доверяли до этого боя?

– Война, Лихачев, война. Доверяй, но проверяй. Считай, что ты прошел проверку.

Красноармеец облегченно вздохнул и, повернувшись, направился к машинам. Во время боя, он в который раз испытывал желание переметнуться к немцам, однако, заметив настороженный взгляд младшего лейтенанта Маркелова, не решился сделать это. Он передергивал затвор и методически вел огонь по немецким автоматчикам.

«Пусть успокоится, – глядя Лихачеву вслед, подумал Никитин. – Надеюсь, что он обязательно оставит им сообщение об исчезновении ящиков из поврежденных машин».

– Лихачев! – окликнул его водитель головной автомашины. – Помоги мне перегрузить ящики из этой машины в мою полуторку.

– Зачем? – поинтересовался у Клима Лихачев.

– Ты что, слепой? Не видишь – машины подстрелены, и не могут двигаться самостоятельно. Я сейчас подгоню свою машину, и начнем.

Работа заняла несколько минут. Клим завел двигатель машины и исчез в чаще леса.

«Интересно, куда он их повез, – размышлял Лихачев. – Наверняка где-то в лесу находится схрон, поэтому этот чекист и свернул здесь в лес».

Минут через сорок они снова загрузили машину ящиками.

– Можно я с тобой? – поинтересовался Лихачев у Клима. – Наверное, тяжело одному-то.

– Тяжело. Приказ никого с собой не брать. Груз-то секретный и очень важный.

– Ты только ничего не подумай. Я просто хотел помочь тебе.

Машина, взревев двигателем, тронулась и вскоре растворилась в темноте леса. На лесной поляне собрались пятнадцать человек, в том числе шесть водителей, которые стояли чуть в стороне.

«Маловато нас осталось», – подумал Никитин, слушая доклад Маркелова.

– Вот, что младший лейтенант. У нас осталось шесть автомашин. Думаю, что не все они дойдут до конечной точки нашего пути, да и горючего у нас уже в обрез. Предлагаю половину машин уничтожить. Распорядись снять с них ящики.

Клим знает, что нужно для этого сделать, а машины сожгите. Задача ясна?

– Так точно, – устало произнес Маркелов. – Разрешите исполнять? Люди устали, командир….

Он не договорил, так как его жестом руки остановил Никитин. К ним, насвистывая какую мелодию, направился младший сержант, которого все посчитали погибшим в последнем бою.

Это было так неожиданно для всех, что строй замер. Стало тихо.

– Что скажите, отцы командиры? Все шушукаетесь между собой? Может, все же расскажите нам, что за груз в машинах? Стоит ли ради этого погибать здесь в лесу?

– Гатцук! Откуда ты?

– Оттуда, – ответил он и махнул рукой в сторону, где совсем недавно шел бой. – Вы меня, наверное, уже похоронили, а я вот он – живой. А догнал я вас на немецком мотоцикле.

– Товарищ младший сержант! – резко остановил его Никитин. – Встаньте в строй и выполняйте свои обязанности, готовьте людей к маршу.

– Почему вы не хотите сказать нам, что в этих ящиках? Почему мы все время кружимся на одном месте? В этом бою погиб мой родной брат, понимаете – брат! Что я скажу матери, за что он погиб!

– Вот что, Гатцук! Прекратите подобные разговоры. Ты

мой подчиненный, а я – твой командир. Ты это понял?

Лицо Никитина стало красным от охватившего его гнева. Правая рука лейтенанта машинально потянулась к кобуре.

– Есть прекратить разговоры! – со злостью произнес Гатцук и направился в сторону красноармейцев, которые с нескрываемым интересом наблюдали данную сцену.

– Что-то мне не нравится этот Гатцук, – тихо произнес Маркелов. – Темный какой -то… Нужно посмотреть за ним.

– Нравится, не нравится, это не ромашка, Маркелов. Я не знаю, как бы я поступил, если бы на моих глазах погиб родной брат, – ответил Никитин. – Ты поговори с ним и еще приставь к нему своего человека, пусть посмотрит за ним. Сейчас время такое, доверяй, но проверяй.…

– Понял, товарищ лейтенант, – все также тихо ответил офицер. – Может, запалим машины сейчас, что тянуть время?

– Машины сожжем перед началом движения. Так, надо, – снова повторил лейтенант.

– Все понял, товарищ лейтенант.

– Раз понял, выполняй.

Никитин достал карту и разложил ее на пеньке. Лесная дорога, по которой должна была двигаться колонна, давала небольшой крюк в десять километров, а затем опять выходила к реке. По последним данным, полученным Никитиным еще в Минске, у моста должны были находиться части 189 стрелковой дивизии. Кто сейчас там, никто из них не знал. В

общем, ситуация складывалась пока не совсем критическая и это немного успокаивало офицера.

«Интересно, прорвала ли кольцо окружения армия или нет? Наверное, прорвала, ведь канонады почти не слышно», – размышлял Никитин, складывая карту.

Перегрузка ящиков заняла не так много времени. Лихачев таскал ящик за ящиком, стараясь отгадать, что в них, однако пристальный взгляд Клима, не позволил ему сорвать пломбу и заглянуть внутрь ящика.

Прошло около трех часов, прежде чем вернулась машина Клима с саперами. Никитин стоял в стороне, наблюдая, как водители сливают остатки бензина из полуторок.

– Маркелов! Готовь людей к движению, – приказал лейтенант.

***

На поляну вышли два бойца, которые вели мужчину, одетого в старый пиджак и непонятного цвета рубашку.

– Товарищ лейтенант! – обратился к Никитину один из бойцов, – вот поймали здесь… Я ему кричу, а он прет сквозь кусты, словно не понимает ничего по-русски.

Перед лейтенантом стоял молодой мужчина в штатском. Он мял в руках старую кепку и то и дело бросал недобрый взгляд на конвоира, чей штык, словно шило, упирался ему в спину. От наметанного взгляда чекиста не ускользнуло, что мужчина явно пытается выдать себя за простого деревенско-

го мужика, случайно оказавшегося в этом лесу.

– Да убери ты свое ружье, а то стрельнешь случайно, – произнес мужик, стараясь вести себя непринужденно.

– Кто такой будешь? – спросил его Никитин, надевая фуражку на голову. – Что ты делаешь в лесу? Ты местный?

Мужчина посмотрел исподлобья на бойца, который попрежнему стоял рядом с ним, держа винтовку наизготовку. Только сейчас, Никитин увидел под его глазом большой фиолетового цвета синяк.

– Я бы хотел поговорить с вами, товарищ лейтенант государственной безопасности, с глазу на глаз, – обратился к нему задержанный, словно не слыша заданных ему вопросов. – Пусть этот отойдет в сторону, при нем я ничего говорить не буду.

Никитин усмехнулся. Он еще раз взглянул на мужчину и попросил красноармейца отойти в сторону.

– Может, у тебя еще есть какие-то просьбы? – спросил лейтенант. – Можно подумать, что ты здесь – командир, а мы все – подчиненные.

– Вы не усмехайтесь. Какие у меня могут быть просьбы…. Проблемы, наверное, у вас, а не у меня. Кругом немцы, а вы здесь в лесу, словно и нет войны. Хотите выйти к своим? Думаю – глупая затея… До линии фронта километров сто, если не больше…

Лейтенант усмехнулся.

– А ты, выходит, уже сдался? Воевать уже не хочешь? Кто

ты? – снова спросил его Никитин.

– Моя фамилия Мусин. Я заместитель командира 657 саперного батальона, мое воинское звание капитан, – произнес мужчина, стараясь вызвать какое-то определенное сочувствие у Никитина. – Наш батальон две недели назад был разбит немцами под Минском. Практически весь личный состав батальона погиб, остался в живых только я один.

– Вон оно, что? Значит весь личный состав погиб, а ты, капитан, остался жив? Почему ты не попытался собрать оставшихся людей для продолжения сопротивления? – спросил его Никитин. – Почему, капитан, на тебе гражданский костюм? Какие-то документы, удостоверяющие личность есть? Чего молчишь? Выходит, все сжег? Скажи, капитан, как ты оказался за десятки километров от Минска?

Лицо Мусина искривила улыбка. В какой-то момент он понял, что этот молодой офицер не верит его словам. Чувство все нарастающей опасности буквально парализовало волю мужчины. Слова стоящего перед ним офицера, словно гвозди, с болью впивались в его тело. В какой-то момент он почувствовал, как между его лопаток заструился предательский ручеек пота. Мусин облокотился рукой о дерево, чувствуя, как его ноги стали какими-то ватными, не способными держать его тело.

– Вам плохо, Мусин? – спросил его лейтенант. – Что, нечего сказать? Вы же знаете, что уничтожение документов и формы приравнивается к предательству. Кстати, вы навер-

няка были членом ВКП (б)?

Тот, пересилив себя, усмехнулся.

– Почему я в гражданке, спрашиваете вы? Да, так просто – безопасней, лейтенант. Вы же знаете, что немцы на месте расстреливают командиров Красной Армии, евреев, цыган. Умереть с криком за Сталина и Родину может каждый. Я еще молод и могу принести пользу Родине. Вы спрашиваете – член ли я партии, да был до 22 июня 1941 года. Сейчас, уже нет. Нет у меня веры в партию….

– Выходит, капитан, таким образом, ты решил спасти свою шкуру? – вмешался в разговор, подошедший к ним Маркелов. – Скажи, почему ты не примкнул к другим нашим частям, которые, в отличие от вас, продолжали и продолжают вести ожесточенные бои с гитлеровцами?

Мусин снова ухмыльнулся и со злостью посмотрел в сторону бойца, который неотрывно наблюдал за ним.

– Извини, лейтенант, но и тебя там нет, я имею в виду, на передовой. Ты почему-то тоже не воюешь, а прячешься в этом лесу. Бежишь почему-то не на запад, чтобы пролить кровь, а катишь на восток под охраной бойцов.

Лицо Никитина вспыхнуло и покрылось красными пятнами. Рука его потянулась к кобуре, но Маркелов сильно сжал его руку в локте. Лейтенант посмотрел на товарища и, стараясь четко произносить слова, ответил Мусину:

– Я, капитан, выполняю приказ командования, а не драпаю, в отличие от тебя. Боец! Подойдите ко мне! – приказал

он солдату.

Красноармеец козырнул и через секунду оказался рядом с офицером.

– Расстрелять!

– Как расстрелять, товарищ лейтенант? – удивленно переспросил его боец. На его лице появилась растерянность – Он же наш, русский, тем более офицер?

– К сожалению, он не наш. Офицеры и бойцы Красной Армии сейчас сражаются с немцами, а это – трус, то есть – враг. Он сбежал с поля боя, бросив своих солдат. Он дезертир, паникер и изменник. Исполняйте приказ.

На лице бойца читалась нерешительность. Он мялся с ноги на ногу, не зная, что делать с мужчиной дальше.

– Боец! Вы поняли мой приказ? – жестко произнес лейтенант. – Может, тоже хотите встать с ним рядом, за невыполнение приказа?

– Давай, вперед! – наконец-то выдавил красноармеец из себя и толкнул штыком в спину задержанного. – Пошел, кому говорю.

Капитан резко развернулся и посмотрел на Никитина.

– Лейтенант! Ты не можешь этого сделать, – произнес он. – Где суд, где трибунал? Я требую справедливости!

– Сейчас идет война и не до формальностей, Мусин. Примете смерть, как офицер, а не как тряпка.

Неожиданно для всех, капитан схватился за ствол винтовки, стараясь, то ли отвести его от своей груди, то ли вырвать

ее из рук бойца. Вдруг раздался выстрел. Пуля пробила грудь Мусина и вонзилась в ствол дерева в десяти сантиметрах от стоявшего около него Никитина. Офицер, сначала опустился на колени, а затем повалился на землю.

– Ты, что? – тихо спросил Никитин у оторопевшего от всего этого бойца. – Ты же мог меня вот так просто убить?

У бойца, державшего винтовку, затряслись руки. Помимо того, что он впервые в своей жизни убил не врага, он еще при этом чуть не застрелил своего командира.

– Простите меня, товарищ лейтенант. Так получилось…

Вокруг их быстро собрались бойцы. Их взгляды были устремлены на труп человека, который лежал под кустом в какой-то неестественной позе, не свойственной живому человеку.

– За что убили? – спросил кто-то из красноармейцев.

Никитин поправил гимнастерку и сделал шаг вперед.

– Товарищи бойцы! Перед вами лежит тело бывшего капитана Красной Армии, который, поддавшись панике и немецкой пропаганде, дезертировал с фронта, оставив свой батальон. Он, похоже, рассчитывал, что ему удастся пересидеть это лихое время, где-то в теплом месте, пока его боевые товарищи будут драться с врагом до последней капли крови. Однако, не вышло. Советская власть покарала дезертира.

Лейтенант замолчал. Бойцы стали, молча, расходиться в разные стороны. Никто из них не пытался осудить действия своего командира. Шла война, и жизнь человека на войне

потеряла свою стоимость.

***

Никитин открыл глаза и посмотрел на Маркелова, который приближался к машине, в кабине которой дремал лейтенант.

– Товарищ лейтенант, ваше приказание выполнено, – произнес он. – Машины к движению готовы.

– Подходы заминировали?

Маркелов замялся. Никитин сразу понял, что тот что-то не договаривает.

– Что еще? Да говорите же! – произнес лейтенант

Голос Никитина был тверд, как никогда.

– Мне что вас пытать, Маркелов?

– У нас ЧП, товарищ лейтенант, пропал Гатцук.

– Как это пропал?! Я же просил тебя приставить к нему бойца! Почему вы не выполнили моего приказа?

Маркелов замялся. Лейтенант был абсолютно прав, отчитывая его, как мальчишку.

– Что молчишь? Докладывай!

– Не знаю, было темно и бойцы не заметили, когда он исчез. Думаю, что он решил дезертировать. Пробовали поискать, но разве в темноте найдешь! – словно оправдываясь, ответил Маркелов.

– Срочно жгите машины, уходим! – приказал он младшему лейтенанту. – Уходим, пока он не привел сюда немцев!

Красноармейцы стали грузиться в машины и вдруг выяснилось, что колеса одной из полуторок пробиты.

– Как же так, Клим? Ты докладывал, что у нас три машины готовы к переходу?

– Товарищ лейтенант, машина была готова, а сейчас вдруг выяснилось, что все колеса у нее пробиты.

– Плохо, Клим. Перебросьте из нее ящики в другие машины.

Переброска заняло около получаса и машины тронулись.

Гатцук шел по лесу. Ему казалось, что этому лесу не будет ни конца, ни начала. Несколько раз он чуть не натыкался в темноте на немецкие дозоры, но Бог миловал его. Наконец он вышел на дорогу, которая отчетливо была видна в свете луны. Лес дремал, погрузившись в тишину ночи. Почему он решил дезертировать, он и сам не знал. Перед его глазами до сих пор стояло разгневанное лицо лейтенанта, потный лоб, его рука, шарившая по кобуре с пистолетом.

«Сволочь! – размышлял он. – У меня брата убили, а ему хоть бы что! Он и меня бы также застрелил, как того капитана. Предатель, говорит. А какой он предатель? Он – нормальный человек, он просто захотел жить и не более».

Он сел под деревом и вытянул уставшие ноги. От сосны приятно пахло смолой. Чувство блаженства охватило его тело. Он закрыл глаза и не заметил, как провалился в сон. Ему снилась мать, отчий дом, брат, с которым он сидел на берегу небольшой речки и удил рыбу. Ласковое летнее солнце иг-

рало в воде. Блики от него, словно стайки мелкой рыбешки разбегались по глади воды.

Гатцук испуганно открыл глаза. Лес просыпался. Касаясь кромки сосны, над его головой промчалась сорока и залилась тревожной трелью. Рука Гатцука нащупала винтовку. Он прижал ее к груди и передернул затвор.

«А может, вернуться обратно? – подумал он. – Совру, что ночью сбился с дороги и заблудился в лесу. Нет, лейтенант не поверит. Там смерть и впереди – тоже смерть…. А вдруг повезет?»

Где-то рядом, среди кустов послышался мужской голос. Гатцук поднялся и затаил дыхание.

«Показалось, – с неким облегчением подумал он. – Откуда здесь люди – ночь, лес».

Он сделал еще несколько шагов и вновь услышал все тот же мужской голос. Рука его снова автоматически скользнула по ремню винтовки. Он прижался к стволу дерева, стараясь слиться с ним в одно целое. Снова предательски затрещала сорока.

«Кто это? Немцы? Русские? – промелькнуло у него в голове. – В принципе, какая разница, ничего хорошего эта встреча мне не принесет».

Сдаваться в плен ему не хотелось. Сейчас он думал лишь о матери, о том, что он расскажет ей о смерти брата.

– Хальт! – словно гром, прозвучало в рассветной тишине.

Раздалась длинная автоматная очередь. Пули прошли где-

то рядом с ним, срубая ветки и калеча молоденькие деревца. Гатцук глубоко вздохнул и сделал рывок в сторону ближайших кустов. Он успел добежать до кустов, когда новая автоматная очередь, словно швейная машина, застучала у него за спиной. Он вовремя рухнул на землю, раздирая о ветви кожу лица и ткань гимнастерки. Обернувшись назад, он увидел, как на поляне появились немецкие автоматчики. Эти серые фигуры солдат, искривляясь в утреннем тумане, двигались в его сторону, держа наизготовку свое оружие. С каждой минутой в лесу становилось все светлее и светлее. На поляну выехал бронетранспортер. Гатцук закрыл голову руками и вжался в землю, затаив дыхание.

«Пронесло, – подумал он. – Похоже, не заметили».

Что-то твердое уперлось ему в голову, а затем последовал сильный удар. Перед глазами поплыли радужные круги, и он потерял сознание.

***

Гатцук очнулся от сильной боли, которая пронизывала каждую клеточку его тела. Он открыл глаза и невольно зажмурился от яркого солнца, которое било в его лицо, словно стараясь убедить его во всех прелестях жизни. Гатцук долго не мог понять, где он и что с ним произошло. Сильно болела окровавленная голова. Он повернул голову и моментально все понял. Он лежал около бронетранспортера, на борту, которого белел белый крест в черном обрамлении.

«Неужели я в плену? – удивленно подумал он. – Руки связаны, значит – плен!»

Мимо него, громко разговаривая, прошли два немецких солдата в серо-зеленых кителях. Один из солдат остановился около него и помочился. Гатцук старался увернуться от струи, вызывая еще больше смеха у солдат и эсесовцев.

– Сволочи! Суки! – закричал он. – Если бы не связанные руки, то я бы вам показал. Суки драные!

Вокруг солдат собралась толпа полицаев, которая смеялась, тыкая в него своими пальцами.

– Что, напоили тебя немцы морсом! – произнес один из полицаев. – Еще хочешь?

Полицай засмеялся и что-то сказал своему напарнику, который громко засмеялся.

– Гады! Сволочи! Все равно вам всем конец!– с чувством отвращения к врагу, громко произнес Гатцук, чем вызвал очередной приступ смеха у немцев и полицаев.

На дороге показалась черная легковая машина, которая осторожно въехала на поляну. К автомобилю подбежал офицер и вытянувшись в «струнку», что-то стал докладывать белокурому офицеру, одетому в черный китель. У офицера было бледное лицо, которое на фоне мундира, невольно приковывало к нему взгляд. Его левая рука была на перевязи. Он иногда морщил свой лоб, видимо от приступов пульсирующей боли. Выслушав доклад, офицер направился в сторону Гатцука. Рядом с ним шагала красивая, одетая в такой

же черный мундир, женщина.

– Жить хочешь? – сразу спросил он красноармейца на чистом русском языке.

Женщина поморщила свое лицо, то ли от запаха мочи, исходившего от русского пленного, то ли от его внешнего вида. Гатцук и сам все понимал, как жалко он сейчас выглядел перед этими людьми, одетыми в черную форму.

– А кто не хочет, – ответил боец и его разбитое в кровь лицо, искривила улыбка. – Любой человек хочет жить, господин….

– Будешь жить при условии, что ты мне сейчас все расскажешь о группе Никитина, где они, сколько их осталось и где спрятаны ценности. Думаю, что это стоит твоей жизни.

Чувство обиды вновь вспыхнуло где-то внутри Гатцука. С другой стороны, он был удивлен, что этот немец в черном мундире спросил его именно о группе Никитина, ведь все сведения о ней были секретными.

«Для чего я ушел? – мысленно спросил он себя. – Наверное, для того чтобы выжить в этой войне. Сейчас передо мной стоит выбор – жить мне или нет. Судя по лицу этого эсесовца, он шутить, не намерен».

– Ну? – произнес немец. – Я жду.

Гатцук еще раз взглянул на офицера. Тот смотрел на него, не отводя глаз. Взгляд его холодных серых глаз был таким жестким, что ему вдруг захотелось стать маленьким, вроде муравья и скрыться в высокой густой траве.

– Вы ошиблись, господин офицер. Я не знаю никакого Никитина.

Офицер улыбнулся и посмотрел на женщину, которая с интересом прислушивалась к их разговору. В какой-то момент гауптштурмфюрер СС поймал себя на мысли, что она хорошо владеет русским языком.

– Расстрелять, – устало произнес Вагнер и направился обратно к машине. – Пусть он показывает свой героизм не мне, а Богу.

Женщина не удивилась решению офицера и, развернувшись, направилась вслед за ним. Несмотря на то, что слово расстрелять было произнесено на немецком языке, Гатцук моментально понял, что оно означает.

– Не нужно меня расстреливать, я готов вам все рассказать, господин офицер, – закричал вслед немцу красноармеец.

Вагнер остановился и, резко развернувшись, направился в обратную сторону.

– Ну? – коротко бросил офицер. – Говори, красная сволочь….

– Группа Никитина находится в километрах пяти от этого места. У них осталось всего две машины. Третью, что была на ходу, я вывел из строя, прорезав ей скаты.

– Зачем ты дезертировал? – спросил его Вагнер. – Ты знаешь, где они спрятали ящики с золотом?

– С золотом? Я не знал, что в этих ящиках золото. Часть

этих ящиков мы этой ночью зарыли в лесу. Могу показать…

– Оберштурмфюрер! Накормите пленного, – приказал офицер в черном кителе. – Вскоре предстоит большая работа. Готовьте своих людей.

Видеман улыбнулась и посмотрела на Вагнера. В эту минуту он был похож на павлина, который распустил свой хвост перед цесаркой.

***

Гатцук доел холодную кашу и посмотрел на солдата, который сидел на пеньке, направив на него свой автомат. Заметив его взгляд, эсесовец поправил автомат и направился к нему. Он быстро и ловко связал ему руки и, повернувшись, направился к группе солдат, которые сидели около костра и с интересом наблюдали за пленным. Неожиданно начался дождь. Крупные теплые капли застучали по листве и солдаты, забыв о военнопленном, дружно полезли под тент кузова.

«Может попытаться бежать, – мелькнуло в голове Гатцука, но он сразу отбросил эту мысль. – Если поймают, то сразу убьют, а так еще есть шанс выжить».

Дождь то усиливался, то затихал. Наконец небо посветлело. Раздалась команда и немцы, выстроившись в цепь, двинулись вглубь леса. Гатцук шел рядом с офицером в черной форме, который иногда останавливался и со скрытым недоверием смотрел на военнопленного.

– Осталось совсем недалеко, господин офицер, – то и де-

ло, словно оправдываясь, бубнил Гатцук.

Он ужасно переживал за то, что никак не может найти место ночевки отряда. Ночью эти места выглядели совершенно по-другому.

– Вон видите, господин офицер, сожженные машины. Это они сожгли, – произнес Гатцук и рукой указал остовы грузовиков, которые чернели на большой поляне. – Вот здесь они и были, господин офицер. Несмотря на прошедший дождь на поляне по-прежнему пахло гарью. Взгляд офицера упал на землю. Среди мокрой травы виднелись обгоревшие банкноты советских денег. Гауптштурмфюрер медленно обошел выгоревшую площадку. Он явно что-то искал, как показалось Гатцуку. Наконец на лице немца появилась радостная улыбка. Он взял в руки винтовочную гильзу, которая была надета на ветку. Вытащив из нее записку, он быстро прочитал ее.

«Сожгли бумажные деньги. Осталось всего две машины. Золото прятали ночью. Где, не знаю», – прочитал Вагнер.

– Где зарыто золото? – спросил гауптштурмфюрер пленного красноармейца. – Ты знаешь, где Никитин спрятал золото?

– Недалеко, господин офицер. Я сейчас покажу это место вашим солдатам.

Гатцук в сопровождении фельдфебеля ускорил шаг, и они оказались впереди немецкой цепи. Вагнер и Видеман двигались в метрах пятидесяти позади цепи. Они уже хорошо зна-

ли, что бывает с теми, кто движется в первых рядах. Гатцук обернулся и посмотрел на гауптщтурмфюрера. На его лице засияла улыбка. Он хотел что-то крикнуть офицеру в черной форме, но в этот момент из-под его ног вырвалось яркое пламя. Взрыв противопехотной мины разорвал утреннюю тишину лесу. Безжизненное тело предателя взлетело вверх и с шумом упало в кусты.

***

Немецкий истребитель «Мессершмит – 109» заходил со стороны солнца. Летчику хорошо была видно два грузовых русских автомобиля, которые медленно выезжала из леса на проселочную дорогу.

«Вот и дичь, – с ухмылкой подумал пилот. – Сейчас я вас….».

Он мысленно представил, как сейчас он накроет их огнем своих пулеметов, как побегут в разные стороны красноармейцы, скрываясь от его огненных трасс. Лейтенант положил свой самолет на правое крыло и, словно хищная птица, стремительно понесся к земле. Поймав в прицел первый грузовик, он плавно нажал на гашетку пулемета. Огненная трасса стремительно понеслась вниз. Перед полуторкой выросла стена из пыли и стали. Однако, машина стремительно развернулась и укрылась в зелени деревьев. Выйдя из пике, пилот снова лег на боевой курс. В этот раз пули легли в стороне от машины.

«Что это? Почему я не могу поразить эти автомобили?» – подумал летчик и в очередной раз бросил свой самолет в крутое пике.

Он не поверил своим глазам, дорога оказалось совершенно пустой, грузовиков на ней не было. Он сделал еще один заход, пытаясь рассмотреть машины среди деревьев, но ничего не увидел.

– Хельмут, ты не поверишь, но я потерял цель, – произнес пилот, обращаясь к дежурному диспетчеру. – Интересно, куда они исчезли?

– Не могу сказать, Курт, тебе с высоты намного видней. Вероятно, укрылись среди деревьев – ответил тот. – Ты не расстраивайся, еще найдешь свою цель.

– Тогда я полетел дальше. Таких машин сейчас на дорогах много, найду на кого израсходовать свой боезапас.

Самолет сверкнул в небе серым фюзеляжем и исчез за кромкой леса. Убедившись, что истребитель улетел, лейтенант Никитин махнул рукой. Грузовики, мирно урча моторами, медленно выехали на проселочную дорогу. Впереди, в облаке пыли двигался грузовик лейтенанта. Машины в этот раз двигались на Восток, объезжая населенные пункты, что попадались им на пути.

– Товарищ лейтенант, может, заедем…, – обратился к нему Клим и указал рукой на небольшой населенный пункт, который виднелся справа от дороги. – Скоро шесть часов как в пути. У меня перед глазами уже все плывет, да и горючки

осталось всего на час. А вдруг повезет разжиться бензином.

– Плывет, говоришь? Так недавно же отдыхали или ты это уже успел забыть? Да и рассчитывать на бензин…, – он не договорил, машина угодила в яму и с трудом выбралась из нее.

– Это другие отдыхали, а мы с мужиками занимались автомашинами, вы же сами знаете.

Никитин оставил его реплику без ответа. Он достал из полевой сумки топографическую карту и стал внимательно ее рассматривать. Он сверял заложенный кем-то маршрут, с дорожными указателями.

– Остановимся в деревне Выселки, – словно разговаривая сам с собой, произнес лейтенант. – До деревни еще километров тридцать, там и отдохнем.

– Мы же проезжали уже эти Выселки два дня назад? – произнес водитель. – Крутимся на месте. Может, сразу на Смоленск?

– То были Старые Выселки, а теперь просто Выселки. Понял?

Водитель прибавил скорость и полуторка, словно предчувствуя скорый отдых, помчалась дальше. Никитин открыл дверь и, встав на подножку машины, оглянулся назад. За ними, построившись в кильватерную колонну, двигался второй грузовик. Через час впереди показался небольшой населенный пункт. Не заезжая в деревню, колонна свернула в сторону и укрылась на опушке небольшого лесочка. Никитин по-

дозвал к себе Маркелова.

– Пошли бойцов, пусть проверят деревню.

– Что здесь проверять? Откуда здесь могут быть немцы? Они остались вон там, – произнес он и рукой указал на запад. – Здесь не может быть немцев.

– Тебе что, не понятен мой приказ Маркелов? – произнес Никитин. Его голос стал жестким и требовательным. – Идите и выполняйте.

Маркелов отдал честь и, молча, направился к бойцам, чтобы отдать распоряжение лейтенанта. Судя по его слегка сгорбленной фигуре, приказ Никитина, а если сказать точнее, тон, с которым он был произнесен, обидел офицера. Он отдал приказ и трое его людей направились в деревню. Никитин сел под дерево и, прикрыв фуражкой лицо, попытался хоть немного вздремнуть. Несмотря на усталость, сон не шел. Почему-то в голову лезли всякие мысли и воспоминания. Он хорошо помнил, как все начиналось.

***

Машина, в которой находился Никитин, въехала в Минск в момент воздушного налета. С десяток немецких бомбардировщиков вываливали на город сотни зажигательных и фугасных бомб. Улицы города были пусты, кругом полыхали пожары, некоторые улицы были в завалах от рухнувших домов.

– Стой! Ты куда! – закричал боец, выскочивший из ка-

кой-то подворотни. – Ты, что не видишь, что творится?

Машина резко остановилась перед красноармейцем, едва не сбив того с ног. Лицо бойца было серым от пыли и на лице, напоминавшем какую-то страшную маску, сверкали лишь глаза. Большая, не по размеру каска то и дело сползала ему на лицо и он, придерживая одной рукой ремень винтовки, другой все время поднимал каску.

– Где здесь городской отдел НКВД? – стараясь перекричать стрельбу зенитных пулеметов, спросил Никитин красноармейца. – Как туда проехать?

– Извините, товарищ лейтенант государственной безопасности, но я не знаю, где находится здание НКВД. Думаю, что вам нужно в центр города, а это – вон туда, – произнес боец и рукой указал вдоль улицы, которая была объята пламенем.

Никитин посмотрел вдоль улицы и молча, покачал головой.

– Есть еще дорога? Чего молчишь! Есть или нет?

– Бог знает, есть туда дорога или нет, товарищ лейтенант. Меня здесь поставили на пост, вот я и стою!

– Клим! Давай, гони в центр! – приказал Никитин водителю.

– Какой центр? Я никогда не был в этом городе, товарищ лейтенант! – ответил водитель. – Может, вы мне подскажите?

Машина сорвалась с места и, увеличив скорость, помчалась вдоль улицы. Из разрушенного бомбой дома раздалось

несколько выстрелов. Пуля, пробив лобовое стекло машины, застряла в заднем сиденье. Водитель снова увеличил скорость. Грузовик буквально вылетел на перекресток и чуть не столкнулся с горевшей машиной.

– Не гони, Клим, время еще есть, – предупредил его Никитин. – А то угробишь не только меня, но и себя.

– Что-то не пойму я вас, товарищ лейтенант. То гони, то не гони…

Клим вовремя затормозил свой автомобиль. Перед грузовиком, прямо на дорогу рухнула стена трехэтажного дома, обдав их облаком пыли и осколками кирпича.

«Повезло, – облегченно вздохнул лейтенант. – Если бы скорость была чуть больше, то точно бы накрыло стеной»

Они свернули на соседнюю улицу и водитель, подгоняемый страхом, снова погнал свой автомобиль дальше. Полуторка выскочила на площадь и, лавируя между воронками, свернула во двор большого серого здания. Двор был пуст, на земле валялись сбитые осколками ветки деревьев и пустые ящики из-под снарядов, какие-то забытые кем-то папки с бумагами, осколки стекла. Неожиданно стало тихо. Немецкая артиллерия, бившая по окраинам города, вдруг умолкла и эта внезапно возникшая тишина, еще больше давила на психику. Страх и непредсказуемость ситуации, заставляли людей, как и прежде, прятаться в подвалах домов. Заметив пробегавшего мимо них бойца, Никитин поинтересовался у него как проехать к зданию НКВД.

– Так вот же оно, товарищ лейтенант. Вы стоите во дворе нужного вам здания, – ответил красноармеец и рукой указал на вывеску, на которой крупными буквами было написано – «Городской отдел НКВД».

***

Дверь подвала здания открылась, и двор моментально наполнился военными и штатскими.

– Кто вам нужен? – обратился к Никитину офицер, на рукаве которого была нашивка политработника.

– Мне нужен майор Гудков? Где я могу найти его?

Офицер, молча, указал ему на человека, который стоял посреди двора и громко отдавал приказы о погрузке в полуторки зеленых ящиков.

– Что вы копаетесь! Что, сил не хватает? – кричал он двум бойцам, которые с трудом подняли металлический ящик с земли и кое-как забросили его в кузов грузовика.

– Товарищ майор, разрешите обратиться? – произнес лейтенант и приложил руку к козырьку фуражки.

Гудков резко повернулся и посмотрел на него, стараясь отгадать, кто этот офицер и что ему нужно в этом здании.

– Кто вы? Да, говорите же быстрее, лейтенант, разве не видите, что у меня нет времени стоять и слушать, когда вы разродитесь, наконец! Двигаетесь словно беременные бабы!

– Лейтенант Никитин прибыл в ваше распоряжение!– выпалил офицер.

– Машина твоя? – спросил его майор и, не дождавшись ответа, продолжил. – Убери ее отсюда. Не видишь что ли, идет погрузка груза, а она мешает.

Никитин заметил, что отдельные небольшие ящики были очень тяжелыми и несли их сразу по два человека. Он подошел к водителю грузовика и приказал ему убрать машину со двора.

– Куда я поеду? – спросил его шофер. – Кругом немцы, сами же видели, а города я не знаю.

– Хорошо, выгони ее из двора и жди моих дальнейших распоряжений.

Водитель быстро отогнал машину на улицу и, поставив ее в тени дома, закурил. Черный дым горевшего дома, словно черный шлейф, ложился на мостовую. Где-то тяжело ухали орудия, заставляя дрожать еще сохранившиеся в отдельных домах стекла.

Водитель был по своему рад этому решению лейтенанта. Они дважды в пригороде Минска наталкивались на немецких мотоциклистов, которые буквально шныряли по дорогам, стараясь перехватить штабные колонны, отходящих на восток воинских частей. Им тогда здорово повезло, что немцы лишь обстреляли их машину, а не погнались за ними.

– Лейтенант! – окликнул Никитина Гудков. – Подойдите. Запоминайте! Дважды объяснять некогда. Вот в этих небольших ящиках золото в слитках. Здесь его больше трех тонн. Вон в тех ящиках, с черной полосой на крышках – золотые

и серебряные монеты, а вон в тех мешках, бумажные деньги. Ты понял, какие ценности доверены тебе?

Гудков пристально посмотрел на лейтенанта. На его сером от пыли лице появилось что-то напоминающее улыбку, которая моментально исчезла с лица, словно ее и не было.

– Надеюсь, задачу ты свою знаешь, поэтому не буду останавливаться на ней. Будь внимателен, люди хоть и проверены, но сейчас война, а она, ты знаешь, меняет людей.

– Так точно, товарищ майор.

– Ты должен доставить эти ценности в Смоленск. Сейчас мы с тобой зайдем к директору Банка. Там получишь все необходимые сопроводительные документы, а также инвентаризационную опись. Поступаешь в распоряжение капитана Наумова. Он тебя и проинструктирует по всем вопросам. Ты знаком с ним? Впрочем, какая разница….

***

Отдав последние распоряжения, Наумов и Никитин вошли в здание Банка. На полу и на столе директора учреждения лежали кипы бумаг. Среди стопок различных папок Никитин не сразу увидел человека маленького роста, который сидел за столом. У него была большая голова, узкие плечи, что придавало ему определенное сходство с головастиком.

– Документы готовы? – спросил его капитан Наумов. – Чего молчите?

– Да, – коротко ответил мужчина. – Кто получатель груза?

– Лейтенант Никитин, – ответил офицер и вытянулся по стойке «смирно».

– Не напрягайся, лейтенант, проходи. Не люблю людей, которые стоят у порога, словно нищие.

Лейтенант прошел к столу и встал рядом с капитаном.

– Распишитесь здесь, здесь и вот здесь, – произнес директор банка и ткнул своим коротким пальцем в раскрытую амбарную книгу.

Никитин быстро расписался и посмотрел на капитана Наумова.

– А сейчас пойдем, лейтенант на инструктаж. Оттого, как ты усвоишь задачу, будет зависеть твоя жизнь и жизнь твоих подчиненных.

Они вышли из кабинета и прошли в соседний кабинет.

– А, теперь, слушай. Задача – смертельно опасная и требующая хорошей реакции на складывающую обстановку. Вот, возьми папку, это – особая папка. Она не должна попасть в руки немцев. В папке – конверт, вскроешь его, когда соединишься с основным конвоем. Ты, понял?! Там – инструкция, как тебе действовать дальше…

На улице завыли сирены воздушной тревоги. Служащие банка, которые еще готовили документы к эвакуации, засуетились. По коридорам послышались торопливые шаги, грохот сапог. Многие из служащих и красноармейцы устремились к выходу из здания, чтобы укрыться от налета в подвале. Никитин по-прежнему стоял перед майором, словно все

эти выворачивающие на изнанку душу звуки сирены не касались ни его, ни капитана. Где-то недалеко забили зенитки. В кабинете громко задрожали заклеенные бумажными лентами стекла.

– Все, Никитин, теперь ты хорошо знаешь, что будешь транспортировать, – устало произнес Наумов. – Теперь все в твоих руках.

– Я все понял, товарищ капитан, – произнес лейтенант. – Хотел бы доложить вам….

Он хотел рассказать ему о том, что в свое время подозревался в антигосударственной деятельности, однако тот жестом руки остановил его.

– Не нужно, лейтенант, я все знаю о вас. Мы все – люди, а им, как известно свойственно ошибаться. Мы верим в тебя, Никитин, верим! О том, что именно ты повезешь золото и ценности, знают все сотрудники банка. Так надо, лейтенант. Помни об особой папке.

– Спасибо за доверие, товарищ капитан. Я не подведу.

Они вернулись в кабинет директора банка.

– Вот, получите, – произнес директор и протянул Никитину документы. – В этом пакете опись имущества, заметьте, документы все подлинные.

В этот момент во дворе банка взорвалась бомба. Выбитые взрывной волной оконные стекла со звоном посыпались на пол. Они играли на солнце, словно кем-то небрежно рассыпанные бриллианты. Никитин смотрел на эти осколки неко-

гда целого стекла и не мог отвести от них свой взгляд.

«Вот она – жизнь, – размышлял он. – Две минуты назад все это представляло одно целое, а сейчас лишь никому не нужные осколки».

– Во дворе тебя ждет группа сопровождения, – голос капитана вернул его к жизни. – Это – два танка, броневик и около взвода солдат.

– Товарищ капитан? У меня вопрос? Они знают, какой груз будут сопровождать?

– Нет. О твоем грузе знают лишь несколько человек из руководства НКВД.

– Тогда еще один вопрос. На кого из водителей грузовиков я могу рассчитывать?

Наумов усмехнулся.

– Все водители – люди Гохрана, они проверены и им всем можно доверять. Жди приказ на движение.

– Больше у меня вопросов нет, товарищ майор.

– Давай, Никитин. Потаскай их как можно дольше…

– Постараюсь, товарищ капитан.

Гудков взял Никитина за плечи и пристально посмотрел ему в лицо.

– Удачи…

Он не договорил, так как из дома напротив злобно забил пулемет. Двор банка моментально опустел.

– Лейтенант! Уничтожь этого гада, а иначе…

***

Никитин открыл глаза, поднялся с земли и направился к полуторке, около которой, вытирая руки ветошью, стоял Клим.

– Как машина? – поинтересовался он у водителя.

– Плохо, товарищ лейтенант, горючки почти нет.

– Надо искать, Клим. Сейчас разведка вернется, может, они нашли что-то в деревне.

– Одна надежда на них.

Никитин отодвинул спинку сиденья и сунул руку в щель. Нащупав там папку, он снова задвинул сиденье на место. За все это время у него ни разу не возникло желание посмотреть, что находится внутри этой обычной канцелярской папки, на которой в углу значилась привычная для него фраза – «Совершенно секретно». Услышав за спиной легкие шаги, лейтенант обернулся.

– Ольга! Ты так тихо подошла, что я тебя не услышал. Что скажешь?

– Я хотела бы с вами поговорить, товарищ лейтенант.

– О чем?

– О Лихачеве. Он, похоже, сбежал…. Мне кажется, что он заметил, что я наблюдаю за ним.

– Плохая весть, Лаврова. Нужно срочно сниматься, пока нас не накрыли здесь немцы.

– Может, мне его поискать, товарищ лейтенант? – предложила Ольга.

– Едва ли ты его найдешь….

– Нужно было раньше с ним разбираться. Я же вам докладывала, что он не тот человек…, – словно подводя черту, произнесла девушка.

….. Разведчики, направленные Маркеловым, вернулась через час. Младший лейтенант встретил бойцов на опушке леса. В окружении разведчиков он направился к Никитину. Его лихо сбитая на затылок фуражка, улыбка на загорелом лице, явно свидетельствовали об отсутствии в деревне немцев.

– Хочу доложить, товарищ лейтенант, что в деревне нет ни немцев, ни наших частей, – доложил он лейтенанту. – И главное, ребята нашли бензин, немного, всего полбочки.

– Вот и хорошо, Маркелов, – буднично произнес Никитин. – Сейчас дам команду Климу, пусть заправит машины. У тебя все?

Маркелов развел руками.

– Сбежал Лихачев.

– Как сбежал?! Я его видел минут сорок назад, он отдыхал….

– Сбежал, он, сбежал, Маркелов! Поэтому, снимаемся и уходим.

Офицер стоял перед ним, не реагируя на его приказ. Он просто был поражен случившимся.

– Тебе что-то не понятно, Маркелов? Почему не выполняешь приказ?

– Да, товарищ лейтенант! – делая ударение на его звание, произнес младший лейтенант. – Все это так неожиданно для меня. А ведь я ему поверил после того, как он снова вернулся к нам. Я все понимаю, товарищ лейтенант. Мы все – люди, идет война, никто из нас не знает, что будет завтра.

– Вы давно в армии? – спросил его Никитин и посмотрел на Лаврову, которая с интересом наблюдала за ними, стоя в стороне.

– Давно, с тридцать девятого года, товарищ лейтенант. У меня за спиной финская компания.

– Плохо, Маркелов, плохо, что за все эти годы ты так и не научился тому, что приказы начальников не обсуждаются, а выполняются. Идите и выполняйте, что я вам приказал.

– Так точно! – произнес Маркелов и, взглянув на Ольгу, направился к бойцам.

«Красуется перед девушкой, – подумал младший лейтенант. – Корчит из себя командира. С какого года в армии, словно это имеет какое-то отношение в настоящее время».

Никитин посмотрел на стоявших около машин бойцов и рукой подозвал одного из тех, кто ходил на разведку в деревню.

– Ты ходил в деревню? – спросил он солдата.

– Так точно.

– Ты не поинтересовался случайно, заходили ли к ним сегодня наши части или нет?

– Женщина, с которой я разговаривал, рассказала мне, что

утром к ним в деревню заходили какие-то военные. Они забрали две подводы, погрузили в них раненых и ушли. И еще вчера вечером в деревню заезжали немцы на мотоциклах. Их было человек тридцать. Один из немцев спрашивал у них, не заезжали ли в деревню русские на машинах, на бортах которых были надписи – «почта».

Никитин задумался. Слушая доклад разведчика, он сразу же предположил, что немцы по-прежнему ищут их.

– Говоришь, немцы были вчера вечером? – переспросил Никитин и, получив утвердительный ответ, посмотрел на бойца. – Хорошо, спасибо. Иди, отдыхай.

Вскоре несколько бойцов направились в деревню за бензином. Никитин разложил карту и сделал на ней отметку напротив деревни Выселки.

«И так, до Смоленска осталось чуть больше сотни километров – размышлял он. – Это двое суток пути. Лишь бы выдержали машины. С другой стороны, мне приказано не отрываться от передовой и быть всегда на глазах у немцев. Ну что, пусть висят у нас на хвосте, остались еще сутки, чтобы мы навсегда исчезли с глаз немцев».

– Клим! – окликнул он водителя – Подойди ко мне.

Водитель опустил капот машины и, вытерев руки о ветошь, направился к лейтенанту.

– Как машины? Выдержат?

– Если заправимся, выдержат, товарищ лейтенант.

***

Стало смеркаться. В течение дня группа дважды нарывалась на немецкие разъезды, но им удавалось не только оторваться от преследователей, но и уйти от них. Что это было – везение или немцы просто не хотели преследовать их в лесу, Никитин не знал. Ему не хотелось думать об этом, однако, эта мысль неотступно преследовала его.

– Клим! Сворачивай с дороги, – приказал он водителю. – Здесь заночуем.

Машины съехали с дороги и углубились в лес. Вскоре стемнело.

– Костров не разводить, – приказал Никитин Маркелову.

Никитин сидел под деревом, ему не спалось. Ночь выдалась теплой, в черном, как смоль небе, светились миллионы звезд. Где-то в лесу мирно ухал филин.

– Разрешите, товарищ лейтенант?

Он обернулся и увидел Лаврову.

– Присаживайся, – ответил он и подвинулся.

Она села рядом и прижалась к его боку.

– Замерзла? – спросил он Ольгу, чувствуя дрожь в ее теле.

– Нет. Ночь теплая.

Никитин набросил на ее плечи плащ-палатку. Сейчас, как никогда ранее, он ощутил запах ее тела, которое пахло луговыми травами. Рука лейтенанта машинально легла на ее плечо, но Лаврова, словно, не замечала этого.

– Товарищ Никитин, можно вас спросить? Скажите, а у

вас есть девушка?

– Нет, Оля…, – тихо ответил он. – Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Вот и у меня никого нет на этом свете, – также тихо ответила она. – Я – детдомовская.

Она еще теснее прижалась к Никитину. Повисла долгая пауза, так как каждый думал о чем-то своем.

– Вот я сейчас подумала о жизни. Знаешь, Ваня, – переходя на ты, произнесла Ольга, – вот идет война и никто, ни ты, ни я не знает, что будет завтра – останешься живым или сложишь свою голову в этом лесу. Тебе, Никитин, не страшно?

– Не знаю, я не думаю о смерти, ведь я ничего не могу изменить в этом мире, так проще жить.

– А я, вот думаю. Я не хочу умирать, ведь я – молодая и нигде еще не была. Я так хочу посмотреть мир – увидеть море, подняться в горы.

Никитин улыбнулся. Ему хотелось сказать Ольге что-то ласковое, но, как назло, ему ничего не приходило в голову.

– Вот закончится война и тогда все, о чем ты сейчас мечтаешь, непременно сбудется, ведь не зря же люди погибают в этой войне.

– Посмотри, Никитин, какое красивое небо, сколько на нем звезд… Ты видел, как упала звезда? Я успела загадать желание.

– И какое?

– Не скажу, а иначе не сбудется.

Он еще хотел о чем-то спросить Ольгу, но в это время с земли поднялся один из бойцов и, посмотрев на них, направился за машины.

– Ты давай, отдыхай, а я посижу, – предложил он Ольге. – Ложись, как тебе удобнее.

Он укрыл ее плащ-палаткой и, встав с земли, направился к машинам.

***

Ночь прошла спокойно. Никитин не заметил, как задремал. Проснулся он от холода и сырости. Его форма была влажной от утренней росы. Над поляной висел туман, который словно белое одеяло укрыл деревья и кустарник. Где-то еле слышно грохотала канонада, и трудно было отгадать, кто стреляет – наши или немцы. Достав из мешка банку консервов, Никитин ловким движением ножа вспорол металлическую крышку и, отставив ее в сторону, стал нарезать хлеб толстыми неровными ломтями.

– Оля! Поднимайся! – произнес он, тронув ее за плечо. – Садись, поешь…

Девушка открыла глаза и посмотрела на Никитина. Ей все больше и больше нравился этот молодой офицер.

– Спасибо, – коротко ответила она. – Можно умыться? Вы не польете мне на руки?

Девушка протянула ему фляжку с водой и сложила свои

маленькие ладошки.

– Товарищ Никитин! Да лейте же…, – произнесла Ольга и посмотрела на него.

Девушка уже умыла лицо, а он все продолжал лить воду в эти маленькие ладони.

– Вот и все, – произнес он и улыбнулся, тряся уже пустой флягой.

Ольга вытерла лицо белой тканью, которую достала из кабины машины. Только сейчас Никитин заметил красноармейцев, которых уже успел разбудить Маркелов. Они под шутки и смех стали готовить себе завтрак. Иллюзия мира так и парила над поляной, и Никитину в очередной раз показалось, что нет войны. Отложив в сторону банку с недоеденной тушенкой, к нему направился Маркелов.

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться? – произнес младший лейтенант и посмотрел на девушку.

Никитин поднялся с земли.

– Что у вас, Маркелов? – спросил его лейтенант.

– Ты наконец-то можешь мне сказать, что за груз в машинах и почему мы не заходим в населенные пункты? – спросил его Маркелов. – Ты извини меня, но мне хотелось бы знать, за что мы кладем свои головы.

Никитин не ответил. Впервые за все это время, он пропустил мимо ушей неуставное обращение к нему младшего лейтенанта.

– Давай, отойдем в сторону, – произнес Никитин. – Здесь

не место для этого разговора.

Они отошли в сторону и встали в сторонке от бойцов.

– Извини, Маркелов, время еще не пришло. Ты не обижайся на меня, но это – приказ Наркома внутренних дел СССР. Вопросы еще ко мне есть?

– Вон, ты как, – с ухмылкой произнес младший лейтенант. – А, я то, подумал, что сейчас все стало проще, под одним Богом ходим, а выходит, что нет. Ты только посмотри, сколько техники мы потеряли, сколько в лесу осталось молодых и здоровых ребят!

На лице лейтенанта заиграли желваки.

– Может, ты в этом и прав, Маркелов, но дисциплина, есть дисциплина. Я не могу нарушить приказ. Пока у нас есть машины, мы продолжаем бой. Неважно, что за груз, важно другое, мы не сложили оружие, мы воюем!

Лейтенант замолчал, его явно тяготили вопросы Маркелова.

– Скажи, Никитин, может, этот груз не стоит того, чтобы за него класть наши жизни? – снова сделав акцент на потери, спросил его младший лейтенант. – Это – не мои вопросы, это – вопросы красноармейцев. Мне не хотелось бы, чтобы они самостоятельно вскрыли ящики.

Никитин посмотрел на Маркелова так, что тот все понял сам.

– Вот что, младший лейтенант! Запомни сам и доведи до личного состава, если кто-то из них сорвет пломбу, расстре-

ляю лично, – произнес жестко лейтенант слегка осипшим от волнения голосом. – Могу тебя заверить, Маркелов, то, что делаем сейчас мы с тобой, стоит многого. А теперь, иди, готовь машины к маршу.

Маркелов развернулся и направился к красноармейцам, которые с нескрываемым интересом наблюдали за их разговором.

***

Лихачев бежал по лесу довольно быстро. Неожиданно он споткнулся об торчавшую из земли корягу и, хватая руками воздух, повалился на землю.

– Больше не могу! – произнес он вслух, словно жалуясь на ноги, которые несли его все дальше и дальше от ночной стояки колонны. – Нужно отдохнуть минут пять.

Он поднялся с земли и обнял белый ствол березы. Он вслушивался в шум леса, стараясь услышать за спиной шум погони. О том, что за ним следят, он понял сразу, как вернулся обратно в отряд. Он старался ничем не выделяться из бойцов, но эта девушка не сводила с него глаз. С кем бы он ни говорил, он постоянно ощущал ее взгляд на своей спине.

– Мы тебе верим, – вспомнил он слова лейтенанта, но он не верил в эти слова.

Лихачев прислушался, ему показалось, что он услышал шум погони. Однако, лес молчал и тогда, немного успокоив-

шись, он снова направился в сторону дороги. По его расчетам, там должны находиться немецкие солдаты, которые все время висели у них на хвосте.

«А может на все плюнуть, затаиться где-нибудь, отсидеть это лихое время, – подумал Лихачев. – Нет, ничего не получится, я же дал письменное согласие на сотрудничество с немцами».

Он моментально вспомнил надменное лицо гауптштурмфюрера Вагнера, его улыбку, после того как он поставил свою подпись.

«А что мне оставалось делать, – словно оправдываясь перед собой, подумал он. – Ну, не подписал бы, сейчас гнил бы где-нибудь в лесу, кому от этого легче. Нужно идти, времени отдыхать нет. Если они меня перехватят, то точно убьют».

Лихачев забросил винтовку за спину и быстро зашагал к дороге.

«Что он расскажет немцам о золоте? Они, наверное, и так все знают. Гауптштурмфюреру все это мог рассказать и Гатцук».

О том, что Гатцук мог оказаться у немцев, Лихачев не сомневался. Над головой пролетела сорока и взгромоздилась на березе. Птица громко затрещала, вызвав у него чувство непонятного ему страха. Он вытер внезапно вспотевший лоб и, выругавшись матом, сплюнул на землю. Поправив ремень винтовки, он снова двинулся вперед. Лихачев шел и мысленно представлял, как встретится с немцами, как будет докла-

дывать гауптштурмфюреру СС Вагнеру результаты выполненного им задания. Солнце, мелькавшее между деревьев, пение птиц, все это настраивало его на его лирический лад. Неожиданно для него, ему вдруг очень захотелось запеть. Откуда появилось это желание, он объяснить не мог. Где-то впереди раздались еле слышные мужские голоса. Лихачев замер, стараясь расслышать, кому они принадлежат – русским или немцам.

Из кустов показалась белобрысая голова мальчишки.

– Дед! Ну, где ты?

Вслед за ним появился и дед – мужчина в возрасте семидесяти-семидесяти пяти лет, одетый в синею выгоревшую на солнце рубашку. Лихачев облегченно вздохнул и выбрался из ельника.

– Здорово, дед! – произнес он, держа винтовку наизготовку. – Ты что здесь делаешь?

– Я то? Да вот с внучонком домой идем.

– Ты немцев случайно не видел?

– Да полно их в лесу. Кто на машинах, кто на этих самых мотоциклетках… Ты это от кого хочешь обороняться винтовкой то? От танков, что ли? Не смеши, сынок. Немцы, говорят, уже под Смоленском, а может, уже и взяли город. А ты все здесь бродишь. Кто воевать то будет, кто нас-то защищать будет?

– Значит, полный лес немцев? – переспросил он.

– Да. Больше чем грибов….

– Спасибо, дед, – поблагодарил его Лихачев и, забросив винтовку за плечо, направился дальше.

– Сынок! Да там немцы! – крикнул ему вслед старик, но он его уже не слышал.

Он шагал, уже не прислушиваясь к тишине леса. Теперь он знал, что его уже никто не догонит, ни лейтенант, ни эта девка. Где-то недалеко прозвучало несколько выстрелов и снова стало тихо. Впереди, среди густой заросли кустов что-то мелькнуло. Он не успел упасть на землю. Струя свинца, словно коса, подравняла куст орешника. Лихачев вскрикнул и, раскинув руки в разные стороны, повалился навзничь в зелень кустов.

***

Группа Маркелова появилась как-то неожиданно. Запыхавшийся от бега офицер подошел к Никитину и буквально выпалил:

– Уходим, товарищ лейтенант, на хвосте немцы!

– Ты нашел Лихачева?

– Нет! Похоже, что он убит. Мы слышали стрельбу….

– А если, нет?

– Сейчас, это уже не важно, товарищ лейтенант! Нужно уходить!

Через пять минут машины тронулась в путь. Проселочная дорога, проходящая через лес, постоянно петляла и те, пятнадцать километров, отмеченные лейтенантом Никитиным

на карте, оказались значительно длиннее, чем он предполагал. Наконец автомашины миновали лес и выкатились на поле.

– Воздух! Воздух! – закричал Клим, остановив грузовик.

Два «Ю-87» прошли так низко над машинами, что можно было легко разглядеть лица пилотов. Бойцы бросились прочь от машин, и повалились на землю, ожидая бомбежки. Самолеты совершили боевой разворот и с ревом понеслись к земле. Рев двигателей пикирующего самолета, вой включенной сирены заставили Никитина вжаться в землю. Впервые ему вдруг захотелось стать таким маленьким и незаметным, чтобы его не мог разглядеть ни один немецкий пилот. Он ждал треска пулеметов и разрывов бомб, но их не было. Этого непонятного поведения немцев, он испугался не меньше, чем их возможной бомбежки.

«Почему они не бомбят? – промелькнуло у него в голове. – Неужели впереди нас немецкая засада?»

Самолеты сделали еще пару заходов и, покачивая крыльями, скрылись за лесом. Лейтенант поднялся с земли и стал отряхивать форму от пыли. За этим занятием он не заметил, как к нему подошел Маркелов.

– Никитин! Может, ты мне хоть объяснишь, что это было? Почему они не стали нас бомбить?

– Им нужен наш груз и нужен целым и невредимым. Разве ты не понял этого?

– Груз? Скажи, тогда что будем делать дальше? Они явно

наведут на нас свои части.

– Пока не знаю, нужно подумать.

– А если попытаться переправиться через речку не в этом месте, а ниже по течению, – предложил Маркелов. – Наверняка, они рассчитывают прижать нас к реке.

Никитин достал карту и разложил ее на подножке полуторки.

– Так там, по всей вероятности, тоже немцы, – возразил ему Никитин. – Впрочем, о чем я. Сейчас везде немцы.

– Но впереди гитлеровцы, которые нас ждут, – пытаясь возразить лейтенанту, ответил Маркелов. – Что же сделаешь – мы в окружении. Предлагаю, закопать прямо здесь эти долбанные ящики и двигаться налегке. Пусть немцы считают, что мы по-прежнему возим их с собой.

Маркелов замолчал и посмотрел на Никитина, ожидая от него окончательного решения.

– Хорошо, я согласен с тобой. Давай вон в тот лесок, там и зароем.

Машины направились к лесочку.

– Разгружаем все, кроме канистр с бензином! – приказал лейтенант. – Всем взять лопаты и рыть ямы.

Красноармейцы приступили к работе. Вскоре ямы были выкопаны и бойцы стали таскать ящики. Засыпав их землей и, замаскировав их дерном, они погрузились в машины.

***

Гауптштурмфюрер Вагнер сидел за столом и тупо смотрел на документ, который он получил сегодня утром. Это была директива Кальтенбрунера, в которой тот приказывал ему доложить о результатах операции по захвату русского «золотого конвоя». Рядом с этим документом лежал еще один документ из канцелярии министерства Розенберга, в котором тот упрекал Вагнера в нерешительности и высказывал сомнения в его компетенции.

Гауптштурмфюрер поднялся из-за стола и подошел к окну.

«Им легко сидеть в Берлине и рассуждать о компетенции, – с обидой рассуждал он. – Неужели они там не понимают, что русские просто так ценности не отдадут. Похоже, что не понимают. Неужели эта Милита Видельман не доложила Кальтенбрунеру обо всей сложности этой операции. Похоже, что не доложила, а иначе бы, не было этой директивы».

Вагнер прикрыл открытую створку окна и присел за стол.

«Что отвечать? Написать о том…. Впрочем, чтобы я не написал сейчас, все это – как мертвому припарки. Нужны результаты…».

Гауптштурмфюрер закурил. Никотин и алкоголь уже не снимали возникшего дискомфорта. Он положил сигарету в пепельницу и склонился над картой.

«Почему русские все время кружат в этом районе? – подумал он. – Почему не рвутся в Смоленск? Почему?»

Неожиданная мысль словно прострелила голову капитана.

Он вскочил с места и стал шагать по кабинету.

«Почему я раньше не подумал об этом? Русским, Смоленск не нужен! У них совершенно другая задача – схоронить ценности где-то в этом районе! А иначе, они давно бы добрались до Смоленска. Вот и мешки с деньгами они сожгли, почему? Бумага может истлеть от сырости, а металл нет! А может, они и не сожгли их? Они просто имитировали их уничтожение. Они просто укрыли их где-то в тайнике. Как я раньше об этом не додумался, ведь пепла было очень мало. Они просто разбросали часть купюр, имитируя уничтожение. Я ведь раньше уже догадывался об этом, но желание захватить весь конвой заставляло меня отбросить подобную версию – вот она моя ошибка, за которую я по всей вероятности и отвечу».

От этой мысли ему стало жарко. Он расстегнул ворот кителя и с размаха плюхнулся в кресло, которое под тяжестью его тела заскрипело, словно жалуясь на свою незавидную долю. Он снова посмотрел на документы, которые лежали на его столе.

«Что же им ответить? – подумал Вагнер. – Написать в Берлин, что русские переиграли его? Нет, ни ведомство Кальтенбрунера, ни Розенберга его не только не поймут, но и осудят. Нужно предпринять все, чтобы доказать свою правоту, то есть то, что русские оставили свои драгоценности где-то здесь. Но для того, чтобы это доказать, он должен их найти, а иначе….».

Ему не хотелось думать о последствиях. Перед глазами поплыли ряды колючей проволоки, оскаленные пасти овчарок. Он передернул плечами, стараясь отогнать от себя подобные мысли. Он достал бутылку с коньяком и попытался налить жидкость в хрустальную рюмку. Рука предательски дрожала, выдавая его сильное расстройство.

«Раскис, словно баба! Видит Бог, я все делаю ради господства рейха, – подумал он, решив сохранить втайне от начальника Главного управления имперской безопасности Кальтенбрунера и Розенберга свои размышления. – Если я сейчас доложу о своих соображениях, то невольно стану их заложником. Удастся ли найти это золото или нет, знает лишь один Бог».

Выпив коньяк, он пододвинул к себе лист чистой бумаги и стал быстро писать на нем своим мелким каллиграфическим подчерком. Прочитав письмо, он немного задумался. Поймет ли его Кальтенбрунер, он не знал. Закончив писать, он принялся писать письмо Розенбергу. Положив ручку на стол, он ощутил внутри себя полную пустоту. Его рука непроизвольно потянулась за бутылкой, но внезапная сильная боль прострелила его тело.

«Нужно было залечь в госпиталь, – подумал он, – кому нужна его жертва – Кальтенбрунеру, Розенбергу… Кто оценит все это».

Боль была такой сильной, что он побоялся даже пошевелиться. На лбу выступил липкий и неприятный пот. Он от-

кинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Впервые за эти несколько недель погони он вдруг поймал себя на мысли, что он обязательно должен отыскать эти ценности и передать их рейху. Где-то за окном зазвучала губная гармошка. Боль стала стихать. Он запечатал донесения в конверты и вызвал к себе адъютанта.

– Отто, срочно, – произнес Вагнер и протянул ему конверты. – Проследи, чтобы письма ушли сегодня.

– Есть, господин гауптштурмфюрер, – бодро ответил адъютант. – Из авиаполка передали, что заметили остатки этой русской колонны. В их составе всего два грузовика.

– Где заметили? – оживился Вагнер.

– Около населенного пункта Выселки.

Адъютант вскинул руку в приветствии и вышел из кабинета. Вагнер подошел к карте и отметил красным карандашом данный населенный пункт.

«Вот он – треугольник, – подумал он, соединив населенные пункты красным карандашом. – Где-то здесь, в этом районе русские и устроили основной тайник, в котором они складируют свои ценности».

Он закурил и, подняв рюмку с коньяком, выпил ее.

– Отто! Срочно поднимай взвод! Выступаем через двадцать минут.

«Вот она фортуна, – подумал он. – Главное – не спугнуть ее».

Надев фуражку, он направился во двор, где уже грузились

в машину эсесовцы.

***

Проехав километра три, колонна столкнулась с толпой беженцев. Сотни измученных дорогой и страхом людей возвращались обратно домой. Они несли на себе то, что могли сохранить за это время. Кто нес чемодан, кто мешок, а многие вообще шли налегке, не имея в руках ничего. Они еще не знали, что вместо их домов остались лишь пепелища, что жизнь раскололась пополам на две половинки – до того как и настоящее, где за каждое нарушение требований оккупационных властей их ожидала смерть.

Клим отчаянно давил клаксон автомобиля, пытаясь пробиться сквозь нескончаемый людской поток, но уставшие от дороги люди не обращали на все его гудки никакого внимания. Никитин выбрался на подножку полуторки и дважды выстрелил вверх, стараясь привлечь к себе внимание.

– Чего пуляешь то, Аника – воин? – спросил его старик, удерживая рвущуюся от страха козу. – Ты, что слепой что ли? Не видишь, что творится на дороге?

– У меня груз, отец, государственной важности! – закричал лейтенант, по-прежнему, размахивая пистолетом перед лицом старика. – Пропустите машины! Нам нужно к переправе!

– Вот видишь, командир, у тебя груз, а как же люди? Ты о них хоть подумал? Ты вон сидишь в машине и пистолети-

ком размахиваешь передо мной. Если ты такой храбрый, то, что бежишь на восток? Иди, воюй, Аника-воин. Да и что там сейчас делать? Кругом немцы, в том числе и на мосту. Кругом враг, а ты на машине катаешься…. Все мосты или взорваны, или захвачены немцами.

Никитин удивленно посмотрел на старика, словно не веря в его слова.

– Ты ничего не путаешь, старик? Там же должны быть еще наши войска!

– Должны, говоришь, но нет их там, утекали наши соколы, – ответил старик. – Все убежали, бросили нас и убежали.

Вступать в спор со стариком Никитину не хотелось, так как тот прав. Он сел обратно в машину и закрыл дверь.

– Давай, налево, Клим. Попробуем обогнуть беженцев по полю.

Грузовая машина свернула с дороги и затряслась по полю, поднимая за собой столб серой пыли. Вскоре встала вторая машин.

– В чем дело? – закричал Никитин, выскакивая из машины.

– В чем, в чем? Горючее закончилось! – произнес водитель, вытирая руки ветошью. – Что будем делать командир?

– Жгите, – коротко бросил Никитин, – не тащить же ее за собой.

Пересадив людей в полуторку, они двинулись дальше. Проехав еще пять километров, они наткнулись на немцев. Те

явно не ожидали увидеть в своем тылу русских, которые свободно разъезжают по дорогам на машине. Не останавливаясь, красноармейцы ударили по опешившим немцам из двух ручных пулеметов. Кто-то из бойцов бросил противотанковую гранату в бронетранспортер, который стоял у дороги. Мощный взрыв и бронированная машина запылала, как факел. Несколько мотоциклистов бросились в погоню за полуторкой, но были буквально скошены свинцовым дождем. В сутолоке боя никто не заметил, как из кузова автомашины выпал раненный в грудь боец.

…. Боец открыл глаза и не сразу понял, где находится. Белый потолок, воздух пропитан карболкой и какими-то ему неизвестными запахами.

– Как твоя фамилия, боец? – спросил его светловолосый мужчина в набросанном на плечи халате, под которым виднелась черная немецкая форма.

– Фомин, – тихо ответил боец.

– Ты из отряда лейтенанта Никитина?

Он, молча, кивнул головой. На лице немца появилась радостная улыбка.

– Господин гауптштурмфюрер, больной очень слаб, ему сложно отвечать на ваши вопросы, – произнес другой мужчина на немецком языке. – Я боюсь за последствия от вашей беседы.

– Запомните, Гюнтер, этот раненный должен выжить. От этого зависит ваше будущее. Это вам понятно?

– Я – не Бог, господин гауптштурмфюрер…

– Так станьте им, ради своего будущего.

Офицер резко развернулся и вышел из палаты госпиталя.

***

С большим трудом они кое-как добрались до переправы. Никитин и Маркелов залегли в прибрежных кустах и стали изучать систему охраны моста.

– Марелов! Посмотри влево, ты видишь, там за кустами стоят два бронетранспортера и около десятка мотоциклов.

– А справа – пулеметная точка, – подсказал ему младший лейтенант.

С берега потянуло запахом каши. Лейтенант сглотнул слюну, вспомнив, что пятнадцать дней не ел горячей пищи. Повернувшись лицом к Маркелову, он тихо спросил его

– Что скажешь? Соображения есть?

– Есть, – коротко ответил младший лейтенант. – У нас есть автомашина, это раз. Днем появляться у моста нельзя, нас моментально немцы расстреляют из пулеметов. Если прорываться, то нужно это делать только ночью. У нас в машине десять килограммов тола. Ворвемся на мост и взорвем машину. Как ты на это смотришь, лейтенант?

– А что, неплохо, – ответил Никитин. – Можно попробовать. Вот только у меня вопрос, кто поведет машину, ведь это – верная смерть? Здесь нужен доброволец. Нужно переговорить, посылать на верную смерть человека, я не могу.

– Лейтенант! Идет война, посмотри, сколько погибло и еще сколько погибнет!

– Все равно, не могу, Маркелов. Одно дело – бой, здесь – другое дело.

– Тогда решай сам, командир. Я сейчас выставлю охранение, пусть посмотрят за мостом и дорогой.

– Хорошо, действуй.

Маркелов развернулся и направился к кучке бойцов, которая стояла около машины, ожидая командирского решения.

– Хамидуллин и ты, Гаврилов, в дозор, остальным отдыхать.

Выслушав приказ, бойцы разошлись в разные стороны.

Никитин подошел к Ольге.

– Оля! У тебя гражданская одежда осталась? – поинтересовался он у нее. – Тебе нужно переодеться.

– Да, – ответила девушка. – Хорошо, товарищ лейтенант.

– Мы ночью попытаемся прорваться через мост, – произнес Никитин. – Это очень опасно и я думаю, что не все мы переберемся на тот берег. Я тебе посоветовал бы самостоятельно попытаться перебраться на тот берег. Думаю, что это безопаснее для тебя…

– Извините меня, товарищ лейтенант, но переодеваться я не буду. Я – такой же боец, как и все.

– Какой ты боец? Ты – девушка, которая должна передать инвентаризационные ведомости. Никто тебя не представлял

мне, как бойца. Да, ты стреляешь хорошо, но это на войне – не главное. Главное – выполнить приказ. А приказ у тебя такой, доставить документы.

Никитин пристально посмотрел на нее и понял, что уговаривать ее бесполезно, она уже все решила.

– Держись рядом со мной, задачу усвоила? И еще, вот возьми портфель, там документ. Передаешь, если что… ну, ты поняла.

–Да…. А что в внутри?

– Папка. Еще вопросы есть?

– Никак нет, товарищ лейтенант.

– Тогда свободна. Держись рядом со мной….

– Товарищ лейтенант! У меня не вопрос, а предложение. Почему бы вам не переодеться? Что вы здесь сверкаете синими галифе и фуражкой? Мы все знаем кто вы, а посторонним это знать не обязательно.

– Ты что, Лаврова? Это ты серьезно?

– Серьезнее не бывает. Я уже достала для вас гимнастерку, галифе и пилотку.

– Что подумают обо мне мои подчиненные? Мне офицеру не подобает ходить в форме бойца.

Лицо Лавровой вспыхнуло.

– Это – не трусость, это – лишь военная хитрость, товарищ лейтенант.

– Хорошо, Оля, но прятать или зарывать ее я не буду. Все документы я тоже уничтожать не буду.

– Вот и хорошо. Сейчас я принесу вам одежду.

Никитин развернулся и направился к Маркелову.

***

К Никитину подошел Клим. Он присел рядом и, взглянув на командира, отрапортовал:

– Товарищ лейтенант, машина готова – взрывчатка уложена.

– Иди, отдыхай, Клим, – предложил ему Никитин. – Скоро стемнеет.

Офицер отошел от водителя и сел в тень от машины. Закрыв лицо фуражкой, он мысленно представил, что переживал сейчас этот человек, готовивший машину к взрыву. Час назад он построил личный состав и кратко доложил ситуацию.

– Мне нужны два добровольца, которые согласятся на машине прорваться к мосту и уничтожить его. Не скрою, это смертельно опасно, но другого варианта для нас просто нет. Кругом немцы и это – единственный выход громко заявить о себе.

Строй молчал, добровольцев явно не было. Маркелов стоял в стороне и, молча, наблюдал за своими бойцами.

– Что скажешь, Григорьев? – обратился он к одному из бойцов. – Может, рискнешь?

– Нет, товарищ младший лейтенант, я еще дружу с головой. Кто добровольно захочет лишить себя жизни, таких

здесь нет.

– Разрешите мне, – неожиданно для Никитина произнес Клим. – Я поведу машину.

Лейтенант удивленно посмотрел на своего водителя.

– Я все понимаю, – уже тише произнес водитель, – но ведь кто-то из нас должен это сделать.

– Разрешите и мне принять участие в этой операции.

Никитин повернулся в сторону и моментально понял, что это произнес Маркелов: – Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Хорошо. Все свободны, кроме добровольцев.

Строй моментально рассыпался, на поляне остался лишь младший лейтенант и Клим. Инструктаж был недолгим, и они разошлись. Клим занялся машиной, а Маркелов, сев на поляне, принялся чистить оружие. Все ждали вечер, одни, чтобы выжить, другие, чтобы умереть. Это ожидание, словно какой-то невидимый глазу покров, повисло над поляной. Вскоре на ней появился красноармеец. Заметив Никитина, он направился прямо к нему.

– Товарищ лейтенант, разрешите доложить?

– Валяй, – не по уставу ответил офицер.

– По мосту непрерывным потоком идут немецкие части. Мы с Гавриловым насчитали свыше сотни грузовиков с пехотой. Охрана моста состоит из двадцати пяти человек. Гаврилов насчитал три пулемета, два из которых на бронетранспортерах.

– Возвращайся обратно. В полночь мы попытаемся прорваться через мост. Ваша задача с Гавриловым – уничтожить пулеметы, а затем присоединиться к нам. Задача ясна?

– Так точно. Разрешите исполнять…

– Возьмите гранаты, они в ящике.

Никитин махнул рукой и боец, словно, растворился в мареве. Его слегка сгорбленная фигура, странно кривясь в тепловом потоке воздуха, скрылась в кустах. Лейтенант посмотрел на часы и направился к Маркелову.

– Что скажешь? – обратился он к младшему лейтенанту. – Готов?

Тот посмотрел на Никитина. На лице его появилась усмешка.

– Готов, лейтенант, не беспокойся. Если придется умереть, умру с достоинством.

– Береги себя, – тихо ответил ему Никитин. – Смерть всегда глупа… Мы сейчас, потихоньку начнем выдвигаться к реке, а вы ждите зеленой ракеты.

Лейтенант громко скомандовал, и группа тихо направилась в сторону переправы. Солнце коснулось кромки деревьев, день медленно переходил в вечер. С реки потянуло прохладой. Маркелов забросил за спину автомат и взобрался в кузов грузовика, в котором стал быстро укладывать мешки с песком. Работа оказалась не из легких. Закончив с мешками, он стал приспосабливать сошки пулемета.

«Вроде бы все, – подумал он, – пулемет, гранаты на ме-

сте».

Окинув свою огневую точку, он остался довольный.

– Клим! – окликнул он водителя, который сидел на пеньке и карандашом что-то писал на клочке бумаги. – Ты что там, роман пишешь?

– Письмо домой, товарищ младший лейтенант, – ответил водитель. – Может, сумею отправить…

– Вот переправимся, там и отправишь, – назидательно произнес Маркелов. – Машина готова?

– Да, – коротко ответил тот. – Взрывчатку я разложил …

Маркелов посмотрел на заходящее за горизонт солнце.

«Увижу ли я рассвет?» – подумал он.

– Поехали, Клим! Нужно будет или вклиниться в колонну или просто прорваться к мосту. Вот в этом и состоит наша с тобой задача.

Они крепко обнялись. Водитель сел в кабину, а офицер забрался в кузов.

– Давай, потихоньку…., – произнес Маркелов и хлопнул ладонью по крыше кабины.

***

Машина, поскрипывая рессорами, плавно покачивалась на проселочной дороге. В кабине, сняв с головы фуражку, дремал гауптштурмфюрер Вагнер. Его группа вторые сутки шла по следам группы Никитина. Он устал не только физически, но и морально. Сейчас, как никогда он ощущал свое

фиаско. Русский лейтенант явно переиграл его в тактике. Находясь в тылу немецких войск, он умудрялся не только умело уклоняться от расставленных Вагнером ловушек, но и надежно укрывать перевозимый конвоем золотой груз.

Вагнер открыл глаза и посмотрел на водителя, который от усталости клевал носом.

– Клозе! – толкнув его в бок, произнес гауптштурмфюрер. – Остановите машину!

Водитель испуганно посмотрел на офицера и нажал на тормоза. Машина несколько раз дернулась, прежде чем остановилась. Вагнер грязно выругался и выбрался из кабины.

– Всем привал! – приказал он и сделал несколько неуверенных шагов. Ноги от длительного сиденья плохо слушались, были словно деревянные. Из машин, как горох из мешка, высыпали солдаты и моментально рассыпались по кустам, справлять малую нужду.

К Вагнеру подскочил унтер-офицер и вытянулся перед ним в струнку.

– Пока мы отдыхаем, пусть ваши мотоциклисты посмотрят, что там впереди.

– Есть, господин гауптштурмфюрер! – произнес унтер-офицер и, развернувшись, побежал к мотоциклистам, которые группой стояли в стороне от дороги.

Офицер махнул рукой и его денщик быстро установил на небольшой полянке раскладной столик и покрыл его белой скатертью. Вагнер сел в раскладное кресло и вытянул ноги.

Солнце играло в его начищенных до блеска сапогах и вызывало у него невольную улыбку. Жизнь на какой-то миг снова приобрела знакомые очертания. Денщик налил в рюмку коньяк и он, подняв ее, стал наблюдать, как ломаются солнечные лучи в замысловатых гранях хрусталя. Услышав шум авиационных моторов, Вагнер поднял голову. В синем безоблачном небе прошла эскадрилья «юнкерсов». Он выпил коньяк и посмотрел на солдат, которые загорали под летним жарким солнцем. Прошло около часа, прежде чем Вагнер снова отдал приказ к движению. Машины едва тронулись с места, когда появились мотоциклисты. Вагнер взмахом руки остановил движение. К нему подбежал унтер-офицер и стал докладывать:

– Господин гауптштурмфюрер! Впереди в семи километрах – река. Мост под охраной 265 батальона фельджандармерии.

Вагнер улыбнулся. Сейчас он хорошо понимал, что загнал русских в ловушку, и теперь, у них нет из нее выхода, а это значит, что он практически достиг успеха. Офицер подозвал к себе ординарца и попросил того подготовить приказ.

– Пишите, – приказал он ординарцу, – принять все меры по захвату личного состава русского конвоя в плен. Оружие применять в исключительных целях. Эти люди нужны мне живыми. Доведите приказ до каждого солдата.

– Все ясно, господин гауптштурмфюрер.

Вагнер махнул рукой и грузовики с солдатами, медленно

двинулись к реке.

***

Ночь, словно лоскут черного бархата, легла на кроны деревьев, растворив в себе стволы сосен и берез. Где-то далеко – далеко гремела канонада, напоминающая раскаты, уходящей на восток, грозы. На черном небе светилась россыпь звезд. Вскоре стало тихо, словно ветер устал от своей беготни между деревьев. Никитин сидел под деревом, обняв за плечо Ольгу. Ни он, ни она не знали, как закончится эта ночь, доживут ли они до рассвета или останутся навечно здесь, на берегу этой реки. Где-то вдали перекликались немецкие часовые, которые еще не предполагали, что через несколько минут пули и взрывы гранат разметают их тела по берегу. Эта летняя ночь для многих была последней в этой жизни.

Никитин поднялся с земли и протянул Ольге руку.

– Пора, – тихо произнес он. – Я тебя очень прошу, держись рядом со мной.

Развязав тесемки папки, он достал из него конверт и сунул его в полевую сумку.

– Что это? – снова поинтересовалась девушка.

– Это – секретный пакет, Ольга. Он не должен попасть в руки немцев. Если со мной что случится, ты должна уничтожить его. Ты это поняла?

Девушка кивнула головой. Поправив ремень винтовки,

она направилась вслед за Никитиным.

Маркелов наблюдал за дорогой, по которой нескончаемым потоком двигались немецкие машины и бронетранспортеры. Иногда казалось, что мост не выдержит подобной тяжести и переломится пополам, но он лишь стонал под грузом тяжелой техники и продолжал пропускать через себя эту, стремящуюся на восток, людскую массу. Наконец по мосту промчалась большая группа мотоциклистов, нарушая покой спящей природы грохотом мотоциклетных моторов. Стало тихо.

Темноту июльской ночи разорвала ярко-зеленая вспышка. Ракета, проделав небольшой крюк, с шипеньем упала в воду, и тут раздалось несколько громких взрывов.

– Давай, Клим, жми! – закричал ему Маркелов. – Наши уже на мосту!

Машина словно разъяренный зверь помчалась к мосту, где с каждой минутой разгоралась стрельба. До моста оставалось около ста метров, когда Маркелов в зареве горящего бронетранспортера увидел немецкого автоматчика. Он поймал его на мушку и плавно нажал на курок. Трассирующие пули прошли над головой гитлеровца, не задев его. Немец попытался перезарядить свой автомат, но грузовик ударил его и тот с криком пропал под колесами полуторки. Пулемет Маркелова бил без остановки, прижимая живых немцев к земле. Автомобиль выехал на мост и остановился. Только сейчас младший лейтенант увидел несколько фигур, ко-

торые, отчаянно работая ногами и руками, плыли к противоположному берегу.

На правом берегу показались немецкие автоматчики. Пули застучали по деревянным бортам полуторки, увязая в мешках с речным песком. Маркелов развернул пулемет и длинной очередью буквально скосил солдат вермахта, которые сбившись в кучу, стреляли по грузовику.

– Клим! Как ты? У тебя все готово? – громко прокричал офицер, обращаясь к водителю.

– Да! – ответил тот, разматывая бикфордов шнур. – Отходим, товарищ младший лейтенант!

Маркелов спрыгнул с машины и побежал вслед за водителем. Немцы плохо видели, что творится на мосту и не сразу стали преследовать отходящих на другой берег красноармейцев. Наконец в небе вспыхнуло сразу несколько осветительных ракет, стало светло, как днем. У ног Маркелова пули немецкого пулемета вырвали несколько досок, которые с шумом полетели в воду. За спиной офицера раздался сильный взрыв. Тугая ударная волна от взрыва сбила его с ног и он, взмахнув руками, словно птица, рухнул в черную воду.

– Клим! Клим! – закричал Маркелов. – Где ты?

Водитель продолжать бежать по мосту, то и дело, оглядываясь назад. Наконец он остановился и, вытащив из кармана галифе горсть монет, швырнул их на настил моста. Монеты, сверкнув в свете ракет словно звезды, покатились по доскам. Маркелов с трудом выбрался из воды и в перерывах между

вспышками ракет устремился к прибрежным кустам.

– Маркелов! Ползи сюда, – услышал он знакомый голос лейтенанта Никитина. – Давай, быстрее….

Они крепко обнялись, словно не виделись несколько лет.

– Где остальные? – спросил Маркелов лейтенанта.

– Похоже, не доплыли… – тихо ответил Никитин. – Где Клим? Ольга?

– Где-то здесь. А вон и он, а Ольги почему-то не видно. Может, тоже…

Стрельба стихла. Они осторожно выбрались из кустов и двинулись на восток.

***

По песчаному берегу реки ветер гнал десятки бумажных денежных купюр разного достоинства. В стороне, на деревянном настиле валялся полупустой брезентовый банковский мешок. Немецкие саперы, прибывшие для восстановления моста, в спешном порядке подбирали разнесенные ветром купюры. Из подъехавшей к мосту автомашины вышел гауптштурмфюрер СС Вагнер, который, словно зачарованный стал наблюдать, как воды реки медленно пожирали остатки намокших банкнот.

– Отто! – окликнул он офицера. – Ко мне!

К нему подбежал штурмфюрер и вытянулся в струнку. Гауптштурмфюрер смерил его уничтожающим взглядом и, не обращая внимания на солдат, стал кричать ему прямо в

лицо, брызгая слюной.

– Вы – болван, штурмфюрер. Вы их отпустили, когда они были практически в ваших руках. Взмахни рукой и все ценности были бы сейчас у нас!

Штурмфюрер хотел что-то ответить, но Вагнер не дал ему сказать, ни одного слова.

– Молчать! Не пытайтесь оправдываться! Вы поняли меня! Я отдам вас под суд. Я устрою вам райскую жизнь в окопах! Вы же хорошо знали, что они предпримут попытку прорыва! Почему вы не выполнили мой приказ?

– Господин гауптштурмфюрер! Дайте мне еще один шанс. Я найду их!

– Что? Я вас не понял, Хольт! – снова закричал разъяренный неудачей Вагнер. – Кого вы будете искать? Русские, по всей вероятности, уже растворились в этих лесах!

– Я найду это золото, господин гауптштурмфюрер и принесу его к вам. Дайте мне шанс!

Вагнер поморщился от боли, словно новая русской пуля пронзила его руку. Он достал из кармана кителя носовой платок и, сняв с головы фуражку, вытер им вспотевший лоб. Он еще раз взглянул на штурмфюрера и, спрятав в карман платок, произнес:

– Хорошо, Хольт! Берите взвод и вперед. Даю трое суток на поиск этих русских. Только смотрите, не убейте их. Надеюсь, вы понимаете, что вас ожидает в случае провала этой операции. Не заставляйте меня краснеть перед обергруппен-

фюрером СС Кальтенбрунером.

– Есть, господин гауптштурмфюрер! Не сомневайтесь, я разыщу этих русских.

Вагнер не ответил. Он, молча, направился к своей автомашине. Проводив взглядом отъезжавшую автомашину, Хольт дал команду, и солдаты быстро полезли в грузовики и бронетранспортеры. Через минуту немецкая колонна осторожно двинулась по восстановленному мосту, на котором были еще хорошо видны следы от взорванной автомашины.

Проселочная дорога петляла по сосновому лесу. Иногда она вырывалась на нескошенные поля, а затем снова, словно испугавшись чего-то, ныряла в лес. Напоенный запахом хвои горячий летний воздух напоминал лейтенанту Никитину южный берег Крыма, где он в прошлом году был в служебной командировке. Он хорошо помнил набережную, по которой ему нравилось беззаботно прогуливаться в свободное от работы время. Огромные звезды над головой, шум морского прибоя, звуки духового оркестра, доносившегося из городского парка…. Казалось, все это было в какой-то прошлой жизни, которая оборвалась в июне этого года. Он закрыл глаза, вспоминая свою поездку в поселок со странным названием Новый Свет.

Он сидел на нагретом солнцем камне и с интересом наблюдал за красивой молодой девушкой, которая бродила по берегу моря. Она, то заходила в воду, то возвращалась обратно на берег. Девушка периодически поднимала подол своего

пестрого сарафана и он с удовольствием взирал на ее стройные загорелые ноги. Интересно, где сейчас эта красивая девушка?

Единственная проселочная дорога, вдоль которой двигались группа, вывела их к небольшой деревне, которая удобно раскинулась на пригорке.

– Давай, в лес! – приказал Никитин. – В деревне, наверняка, немцы! Постараемся обойти ее ночью.

Они резко свернули в сторону и, пройдя еще с полкилометра, укрылись в ельнике.

– Привал! – скомандовал лейтенант и посмотрел на Маркелова. – Как ты?

– Ничего, – тихо ответил ему тот.

После взрыва грузовика на мосту, младший лейтенант, похоже, получил контузию. Маркелов плохо стал слышать, и его начали мучить головные боли. Никитин лежал на опушке лесочка и обдумывал ситуацию. В бинокль, который он то и дело прикладывал к своим глазам, было видно, что в деревне осталось лишь два не разрушенных войной дома, около которых суетились немцы.

– Посмотри! – произнес Никитин Маркелову и протянул ему бинокль.

У крайней хаты, уткнувшись передними колесами в плетень, стояли два немецких мотоцикла с колясками. В тени старой яблони матово блестела крыша штабного автомобиля. Чуть поодаль, среди уже высоких стеблей, еще зеленой

кукурузы, мирно дымила почерневшая от пожарища труба.

– Интересно, сколько их там? – тихо произнес Маркелов.

– Судя по транспорту, не так много, – ответил лейтенант. – От силы человек десять.

Откуда-то слева донеслись веселые немецкие голоса. Несколько полуголых немцев, гонялись на поляне за курами, отчего в деревне стоял такой гвалт, что было слышно даже здесь, в лесочке. Никитин достал из полевой сумки карту и разложил ее на траве. Судя по ней, обойти деревню стороной не представлялось никакой возможности. С южной и северной стороны деревня и проходящая через нее дорога были плотно зажаты непроходимыми болотами.

Услышав за спиной чьи-то осторожные шаги, лейтенант оторвал свой взгляд от карты. Маркелов посмотрел в бинокль.

– Ольга! – тихо произнес он и протянул Никитину бинокль. – Там, наша Ольга!

Никитин приложил к глазам бинокль и увидел девушку. Она была без гимнастерки, на белой нательной рубашке были видны темные пятна, то ли от крови, то ли от грязи. Около нее стоял немец и наблюдал за тем, как она чистила картошку. Лейтенант вернул ему бинокль обратно и произнес:

– Не знаю как ты, но я думаю, что ее нужно спасать. У меня приказ капитана Гудкова, чтобы я ее доставил в Смоленск, а приказы руководства нужно исполнять.

Маркелов промолчал. Он хорошо понимал, что творилось

в этот момент в душе Никитина.

***

Младший лейтенант долго рассматривал немцев в окуляры бинокля. Отложив в сторону бинокль, он повернулся к Никитину, который лежал на спине и смотрел в небо. Почувствовав на себе его взгляд, он повернулся.

– Ну, что скажешь, Маркелов? Похоже, дальше нам дороги нет, да и Ольгу бросить мы не можем. Что предлагаешь делать?

Никитин протянул руку и взял полевую сумку. Бегло взглянув через исцарапанный целлулоид полевой сумки на замызганную и протертую на углах до дыр «километровку», он положил сумку обратно на траву.

– А что, тут говорить? – ответил Маркелов и поскреб подбородок, заросший щетиной. – Думаю, остается только одно – дождаться темноты и, используя фактор внезапности, попробовать прорваться через деревню и спасти Ольгу.

– Согласен. Другого выхода у нас с тобой нет. Как стемнеет, схожу в разведку. Немцев в деревне, похоже, не так много. – Никитин замолчал, а затем, взглянув на младшего лейтенанта, произнес: – А, что если немцы уже в Смоленске, ты об этом не думал Маркелов?

– Не хочется об этом думать. Все может быть. Ты не заметил, раньше немцы каждый день летали над нами, а теперь нет. Это говорит, что они свою фронтовую авиацию перенес-

ли ближе к фронту.

Маркелов замолчал и посмотрел на лейтенанта, ожидая от него ответа.

– К чему это ты? – спросил его Никитин, переходя на «ты». – Я почему-то не верю, что наши войска оставили Смоленск. Оттуда же прямая дорога на Москву. Ты, наверное, забыл Маркелов, наш недавний разговор? Если забыл, то я тебе напомню. Ты тогда обвинил меня в том, что я не думаю о людях, что для меня груз важнее, чем люди. Вспомнил? Вот я и решил сейчас, что пойду в деревню один. Я – холостой, у меня нет семьи, следовательно, и рисковать мне с руки. Что ты так на меня смотришь? Опасно? Конечно, опасно, но кто-то должен это сделать. А, сейчас, слушай меня внимательно. Это так на всякий случай, если со мной что-то случится. В ящиках, что находились в машине, были простые камни, а конвой наш не «золотой», а «липовый». Настоящий конвой с ценностями идет совершенно другими дорогами. Наша с тобой задача заключалась в том, чтобы отвлечь внимание немцев от настоящего конвоя и это мы с тобой сделали, кажется, неплохо. Немцы устроили за нами настоящую погоню. Если я не вернусь из деревни, дальше пойдете с Климом одни. Он знает, что делать, просто не мешай ему выполнять поставленную перед ним задачу.

– Слушай, Никитин! Может, не стоило тебе рассказывать мне все это? Зачем? Ты только посмотри, я остался один. Все мои бойцы погибли ради этих камней, что были в ящи-

ках. Тебе не кажется, что это подло – смерть человека ради камней?

– Нет, Маркелов, не кажется. Они погибли ради того, чтобы настоящий конвой пробился в Смоленск. На эти ценности государство построит танки, самолеты, которые будут бить врага. Я присмотрелся к тебе, Маркелов. Ты – человек надежный и я решил передоверить тебе эту тайну. Главное, что мы дошли до реки и взорвали эту машины на мосту. Здесь в сумке лежит конверт, – произнес Никитин и достал его из полевой сумки. – Нужно каким-то образом сделать так, чтобы немцы подобрали его. Здесь опись того, что мы якобы пытались доставить в Смоленск. Подумай об этом, как это сделать.

Он замолчал и посмотрел на солнце, край которого уже касался верхушек деревьев. Стало темнеть. Наконец последние огоньки в деревне погасли. Никитин снял с петлиц знаки различия, расстегнул карман гимнастерки, достал документы и все это положил на траву перед Маркеловым.

– Может, пойдем все вместе? – спросил его младший лейтенант.

– Нет. Пойду один, – тихо ответил Никитин и, проверив свой пистолет «ТТ», сунул его за ремень.

Достав из сумки нож, он провел пальцем по лезвию и, улыбнувшись, сунул его за голенище сапога. Закинув за плечо тощий вещевой мешок, он протянул руку Маркелову.

– Если что пойдет не так, то, как говорится, «не поминай

лихом». В общем, если все в порядке, три раза мигну тебе фонарем от угла крайнего дома. На все про все – часа два. Если через это время сигнала не будет, быстро уходите назад в лес. Ну, бывай, Маркелов.

Никитин хлопнул Маркелова по плечу и зашагал в темноту.

***

Лейтенант Никитин лежал у плетня, прислушиваясь к звукам, которые доносились из открытого окна дома. Иногда тишину разрывал громкий смех, крики Ольги и звуки губной гармошки. Никитин выждал момент и, собравшись, как его учили в школе НКВД, броском преодолел открытое пространство перед домом. Он лег у сарая и буквально вжался в землю. Мимо него прошел высокий худой немец, насвистывая какую-то веселую мелодию. Сердце у лейтенанта стучало где-то у горла, и готово было выскочить из тела. Он заставил себя успокоиться, восстановил дыхание, лишь только после этого стал осторожно продвигаться к дому. Он подобрался к окну и снова затаился.

Мимо него прошел все тот же немец, продолжая насвистывать все тот же мотивчик. Гитлеровец остановился около двери дома, словно прислушиваясь к шорохам летней ночи, а затем рывком открыл дверь и скрылся в избе.

«Пронесло», – облегченно вздохнул Никитин, почувствовав, как между лопаток потек тонкий ручеек пота.

Лейтенант заглянул в тускло освещенное окно. Сквозь неплотно зашторенное каким-то платком окно, он увидел, что в комнате со стаканом в руке сидел толстый унтер-офицер, а двое прыщавых молоденьких солдат тискали зажатую в угол между старым буфетом и печкой Ольгу. Та отчаянно сопротивлялась, тем самым все больше и больше распаляя полупьяных солдат. Унтер-офицер, сидевший спиной к двери, жадно пожирал глазами происходящее, даже не пытаясь остановить своих подчиненных. Один из немцев ударил Лаврову рукой по лицу, разбив ей губу. Алая струйка потекла по подбородку и стала капать на белую нательную рубашку, оставляя на ней бурые пятна.

«Ну, погоди, гаденыш», – подумал Никитин, крепко сжимая в руке финский нож. – Этих двоих я оставлю напоследок, пусть пока развлекаются».

Он перебежал через улицу и оказался у соседней хаты. Лейтенант рывком открыл дверь и в долю секунды миновал сени. В комнате, за столом заставленным мисками с остатками еды, дремал сморенный духотой солдат. Он умер моментально от удара ножа в шею. В спальне на широкой кровати, блаженствуя на роскошной перине, спали еще два солдата. Они лежали на белой крахмаленой простыне, не сняв с себя ни обмундирование, ни грязных сапог. Зажав рот рукой, Никитин перерезал одному из них горло. Кровь упругой и горячей струей ударила в лицо другому немцу, который до этого мирно похрапывал рядом с зарезанным солдатом. Гит-

леровец вздрогнул и открыл глаза. Он удивленно посмотрел на лейтенанта, стараясь понять, откуда здесь появился этот незнакомый ему мужчина с окровавленным ножом в руке. Солдат потянулась к автомату, который лежал рядом с ним на табурете. Никитин с силой вонзил нож в его тощую длинную шею.

– О, майн гот! – прошептал немец, прежде чем умереть от полученного ранения.

Услышав за спиной сухой щелчок взводимого затвора, лейтенант резко развернулся и метнул нож в вошедшего в комнату немца. Финка со свистом пролетела через спальню и последний из солдат, пытаясь остановить бьющую фонтаном из горла кровь, повалился в дверях на пол. Никитин подошел к убитому немцу, вытащил из его шеи нож и обтер его о китель гитлеровца. Он с нескрываемым удовольствием оглядел комнату.

«Неплохо, – отметил он про себя. – Прав был инструктор в школе НКВД, что руки всегда вспомнят то, чему ты их научил».

Еще раз, оглядев комнату, он направился к выходу. Лейтенант открыл дверь и вышел в сени. Там в полной темноте он налетел на солдата, который вошел с улицы. Они упали на пол и стали кататься по полу, стараясь, схватить друг друга за горло. Немец был человеком сильным, и в какой-то момент ему удалось подмять под себя Никитина. Его руки сомкнулись на шее лейтенанта. Перед глазами офицера по-

плыли радужные круги. Нащупав рукой упавший на пол металлический ковш, он с силой ударил им по голове немца. Раз, еще раз. Пальцы солдата разжались, он громко застонал и схватился за голову. Никитин нащупал у него на ремне штык-нож и нанес ему дар в шею. Кровь, хлынувшая из раны, залила лицо лейтенанта. Сбросив с себя обмякшее тело немецкого солдата, Никитин поднялся с пола.

«Повезло», – снова подумал он, выходя из хаты.

***

Через пять минут, Никитин повторил все то, что он уже сделал в соседней хате. Он уверено прошел в спальню. Она была пуста.

– Ушел! – произнес он вслух, подходя к открытому настежь окну.

Лейтенант выглянул в него в надежде рассмотреть скрывшегося, судя по висевшему на стуле кителю, от него офицера СС. На небольшом столике, стоявшем в углу комнаты, лежал томик Гетте. Никитин усмехнулся и повернулся к Ольге, которая от страха забилась в угол комнаты. Он подошел к ней и протянул ей руку. Она не сразу узнала в залитом кровью человеке лейтенанта Никитина.

– Вставай, Оля! Что не узнала? – произнес он и улыбнулся.

На залитом кровью лице сверкнули белые зубы.

– Нет? Теперь вот узнала, а сначала нет, – дорожащим от страха голосом, произнесла девушка.

– Что же трясешься. Все уже позади. Нет больше немцев, нет – это ты понимаешь?

– Да, я уж приготовилась умереть, – чуть слышно прошептала она и протянула ему руку.

– Ничего, Оля, прорвемся! – произнес лейтенант и нежно обнял ее за плечи. – Пойдем на улицу, здесь много крови…

Он вышел из дома и трижды мигнул фонарем. Через минут двадцать он заметил в темноте Маркелова и Клима. Они крепко обнялись, словно не виделись долгие годы и вместе направились в хату.

– Да, – тихо произнес Маркелов, разглядывая трупы немцев, – здорово ты их здесь покрошил. А где Ольга?

– Вон она стоит около дома.

Никитин достал из кармана серебряную монету 1924 года и бросил ее на пол.

– Сунь под тело немца пакет, – тихо произнес Никитин, обращаясь к Маркелову. – Вот-вот, правильно все – в кровь. Пусть подумают, что им удалось захватить в плен командира «золотого конвоя».

Они вышли из дома, и Никитин снова достал из кармана несколько серебряных монет, швырнул их к порогу.

– Клим! – подозвал он водителя. – Посмотри, что с машиной. Ты сможешь ее завести?

Водитель направился к машине, которая стояла рядом с соседним домом.

– Теперь о деле, Маркелов, – произнес Никитин. – Давай,

зайдем в дом. Мне нужно умыться, я весь в крови.

Они вернулись в дом. Лейтенант, быстро умылся и вошел в комнату. Маркелов, достав из полевой сумки карту, расстелил ее на столе.

– Вот здесь, судя по карте, небольшой песчаный карьер. Можно до утра укрыться там с машиной. Есть и другой вариант, сжечь ее прямо здесь.

– А до Васильково сколько?

Маркелов внимательно посмотрел на карту.

– Километров пятнадцать – семнадцать.

– Далеко. Давай, сожжем мотоциклы и машину и пойдем пешком, так легче укрыться …

– Наверное, ты прав, – согласился Никитин с Маркеловым. – Что будем делать с Ольгой? Может, предложим ей идти отдельно от нас?

Маркелов задумался и посмотрел на девушку, которая словно догадавшись, что речь шла о ней, поднялась с завалинки.

– Товарищи командиры! – обратилась она к ним, – я сильная, я все смогу, только не бросайте меня здесь одну…. Товарищ лейтенант! Вы помните приказ капитана Наумова?

– Помню, Ольга, помню, – произнес он, обращаясь к Маркелову.

– Хорошо, пусть идет с нами – я не против этого.

Клим по-хозяйски облил машину бензином и чиркнул спичкой. Яркое и жаркое пламя стало быстро поглощать ав-

томобиль и мотоциклы. Они вышли из деревни, оставив в ней горящую немецкую технику

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Гауптштурмфюрер СС Вальтер Вагнер прислушивался к звукам, которые доносились с улицы. Теперь он понял, кто напал на его охрану этой ночью – это были люди из сопровождения «золотого конвоя».

«Интересно получилось, я неделю гоняюсь за ними, а они вдруг взяли и сами меня нашли», – размышлял он, боясь пошевелиться.

Звуки в ночи то пропадали, то снова становились четкими и ясными.

«Что я скажу Кальтенбрунеру? Что какой-то лейтенант уничтожил несколько человек из охраны и чуть не захватил меня в плен, – подумал он. – Ведь это же прямая дорога на фронт».

Где-то недалеко за его спиной ярким пламенем горели мотоциклы и его любимая автомашина «Майбах», которой он так гордился раньше, ведь этот автомобиль ему вручил сам Кальтенбрунер. Несмотря на все это, его мало интересовала судьба солдат, которых, похоже, уничтожили эти русские варвары. Вагнер до сих пор никак не мог понять, как им удалось незаметно для часовых проникнуть в деревню. Гауптштурмфюрер до сих пор не мог без содрогания вспомнить,

как проснулся от грохота падения человеческого тела на пол. То, что это упало тело, он не сомневался. Услышав у двери чьи-то легкие шаги, он привычно потянулся за кобурой. Однако, не обнаружив ее, он моментально вспомнил, что оставил ремень и кобуру в машине. Холодный испарина, покрыла его спину. Недолго думая, Вагнер открыл окно и быстро скрылся в темноте двора. Сильная боль в раненной руке заставила его вскрикнуть, но русский не услышал этого крика. На рубашке появилось темное кровавое пятно.

Прошло минут пять, прежде чем он стал осторожно выбираться из кустарника. Не останавливаясь, гауптштурмфюрер бросился бежать через поле, не обращая внимания на боль в стопах ног, ведь он совершал этот марш-бросок босиком.

«Откуда в деревне могли оказаться русские? – в который раз подумал Вагнер. – А, может, они не знали, что деревню заняли мы и двинулись через нее? Тогда почему никто из солдат не стрелял? Впрочем, что за глупые вопросы. Главное, они сумели перебить всех его людей и уйти».

Вагнеру послышался шум работающего автомобильного двигателя. Звук то затихал, то усиливался.

«Неужели это остатки русской колонны? – первое, что пришло ему в голову. – Не может быть, у них уже нет ни одной машины».

Где-то вдали мелькнул еле заметный огонек. Вагнер залег в высокой траве, от которой так приятно пахло разноцветьем. Этот запах невольно напомнил Вагнеру детство, а если

сказать вернее, хутор, на котором проживала его бабушка.

«Нет, это – не русские, – подумал он. – Они – не самоубийцы, чтобы разъезжать в тылу наших войск с включенными фарами. Это, наверняка, наши солдаты».

Из-за поворота дороги показался грузовик. Он ехал довольно медленно, аккуратно лавируя между воронок, которыми была усыпана дорога, водитель явно боялся мин, которые могли находиться на дороге. Гауптштурмфюрер поднялся с земли и вышел на дорогу. Его появление на дороге было столь неожиданным для водителя, что тот не смог справиться с управлением машины и та передним колесом залетела в глубокую яму, наполненную водой. Посреди дороги стоял мужчина в белом нижнем белье с раскинутыми в разные стороны руками. Сидевший рядом с водителем солдат передернул затвор автомата и открыл дверь грузовика.

– Не стреляйте! Не стреляйте! – закричал мужчина. – Я – гауптштурмфюрер СС Вагнер!

Солдат спрыгнул на землю и, направив в его сторону свой автомат, сделал несколько неуверенных шагов. Он явно боялся засады и поэтому с недоверием смотрел на мужчину в нательном белье.

– Кто вы и как оказались здесь на дороге в таком виде?

– Я – гауптштурмфюрер СС Вальтер Вагнер! На нас напали русские. Вон там, в деревне догорают наши машины. Мне одному удалось спастись. Кто вы?

– Я – интендант, 129 танкового полка, господин гаупт-

штурмфюрер.

Солдат повернулся лицом к водителю и попросил его принести шинель. Тот нехотя вылез из кабины и протянул гауптштурмфюреру свою шинель. Вагнер быстро накинул на плечи солдатскую шинель и направился к машине.

– Господин гауптштурмфюрер? Вам куда?

– Туда, куда и вам, – ответил он грубо.

Вагнер снова чувствовал себя настоящим офицером СС, а не человеком в белом нательном белье на забытой Богом русской дороге.

***

Никитин остановился.

– Опускаем, – произнес он и они с Маркеловым стали медленно опускать самодельные носилки, на которых лежал Клим.

– Ну, как ты? – спросил лейтенант водителя.

– Вы же сами видите, товарищ лейтенант, – ответила за него Ольга. – Плохо ему…

Ночью, когда они переходили поле, Клим наскочил на противопехотную мину. Взрыв в метрах пяти от него, опрокинул водителя на землю. Взрывом мины ему оторвало правую стопу.

– Оставьте меня, – еле шевеля губами, попросил он Никитина. – Я все равно – не жилец.

– Потерпи, Клим, вот выйдем к своим, там тебя залата-

ют….

Ольга достала из сумки жгут и в очередной раз перетянула ему культю. Боль была настолько сильной, что раненый потерял сознание.

– Никитин, что будем делать? – обратился к нему Маркелов. – Мы его не донесем. Разве ты не видишь, что он умирает!

Никитин оторвал свой взгляд от лица Клима и посмотрел на младшего лейтенанта.

– Я что-то тебя не понял, Маркелов! Ты что предлагаешь бросить нашего товарища умирать в лесу? А если бы ты оказался на его месте? Что молчишь? Жить хочется, а он, ты думаешь, не хочет! Его дома ждет жена, детишки… Ты о них подумал!?

Это было сказано так жестко, что Маркелов даже отшатнулся в сторону.

– Ты меня неправильно понял, товарищ лейтенант! Может, удастся выйти к деревне, там и оставим.

– Я тебя понял!… Пока есть силы будем нести!

Маркелов тяжело вздохнул и посмотрел на Ольгу, которая присела на поваленное дерево. Где-то вдали послышался лай собак. Все словно по чьей-то команде поднялись на ноги и, подняв носилки, двинулись вперед.

– Лейтенант! Ты слышишь? – спросил его Маркелов. – Это, наверняка, погоня за нами.

Никитин промолчал и только ускорил шаг.

– Командир! Ты слышишь меня? – еле слышно произнес очнувшийся Клим. – Оставьте меня здесь, а иначе вам не уйти!

– Мы тебя не бросим! – ответил лейтенант. – Пока можем, будем нести!

– Командир! Уходите! Я все равно не выживу. Я не хочу, чтобы вы погибли из-за меня!

– Прекрати, Клим!

Лай собак становился все отчетливей и громче.

– Командир! Оставьте мне гранату и пистолет. Живым я им не дамся!

Никитин, молча, достал из кобуры пистолет и положил его рядом с Климом.

– Вот возьми гранату…

Клим протянул ему руку и крепко сжал его ладонь.

– Прости, если что не так…

– Вот передай жене, если дойдешь, – прошептал раненый и, расстегнув карман гимнастерки, достал аккуратно сложенный листок. – Передай…

Попрощавшись с Климом, они ускорили шаг.

***

Рано утром взвод немецкий фельджандармерии на мотоциклах и машинах осторожно вошел в деревню. По приказу офицера жандармы рассыпались по деревне, а вернее, по тому, что от нее осталось, в поисках красноармейцев. Гаупт-

штурмфюрер СС Вагнер вышел из машины и в сопровождении унтер-офицера и двух солдат охраны сразу же направился к избе, из которой ночью он позорно бежал. Вагнер осторожно вошел в дом и остановился у порога. В нос ударил едкий запах крови, от которого у него слегка закружилась голова. Поперек комнаты лежал его ординарец с перерезанным горлом. На полу – лужа уже запекшейся крови, а в воздухе армада толстых зеленых мух.

« О, майн гот!» – подумал офицер.

Он взглянул на кровать и мысленно представил свое мертвое тело, кровь на подушке и простыне. Перешагнув через тело, он направился к столу, на котором лежали забытые им бумаги. Взяв их в руки, он с облегчением вздохнул. Это был его отчет перед обергруппенфюрером СС Кальтенбрунером. Около порога что-то блеснуло. Это была серебряная монета 1924 года выпуска, которая лежала под табуретом. Он нагнулся и поднял монету.

В другой комнате лежал его личный водитель, широко разбросав свои руки.

– Вынесите тело во двор! – приказал он солдатам.

Ему почему-то не хотелось перешагивать через тело водителя. Схватив убитого за ноги, солдаты волокли тело в сени.

– Погодите! Что у него в руке? – произнес гауптштурмфюрер, указав пальцем на большой пакет, скрепленный печатями, который был весь в запекшейся крови.

Солдаты перевернули труп. В закоченевших пальцах уби-

того был крепко сжат серый пакет.

– Подайте его мне! – приказал он.

Один из солдат протянул ему конверт. Гауптштурмфюрер брезгливо взял его в руки и передал унтер-офицеру.

– Вскройте!

Унтер-офицер осторожно сломал печати из сургуча. В пакете находилась ведомость перемещаемых ценностей. На лице Вагнера вновь заиграла улыбка. Теперь он уже не сомневался в том, что все эти дни он сидел на пятках именно у того самого конвоя, который перевозил ценности из Минска в Смоленск.

– Штурмфюрер! Прочешите все в радиусе десяти километров! – приказал он офицеру, командовавшему жандармами. – Транспорт с золотом где-то здесь, а это – немного не мало, около двух тонн золота. И еще, где ваши собаки?

Офицер вытянулся в струнку и, выбросив правую руку вперед, буквально вылетел из дома.

***

Никитин шел молча. Он по-прежнему думал об оставленном ими Климе. До его слуха донеслось несколько выстрелов, а затем раздался глухой взрыв, который, словно жирная точка, перечеркнул жизнь Клима. В том, что водитель погиб, Никитин не сомневался. Клим был из тех преданных Родине людей, которые, не задумываясь, готовы были погибнуть, но не сдаться врагу.

– Никитин! Ну что, ты молчишь? Ты думаешь, нам с Маркеловым легко? – неожиданно спросила его девушка.

Лейтенант вздрогнул и посмотрел на Лаврову. Его взгляд был каким-то неестественным, каким бывает взгляд мужчины после сильного похмелья.

– Никитин! Ты слышишь шум моторов? – спросил его Маркелов. – Похоже, что где-то рядом проходит дорога.

Они вовремя «нырнули» в кусты. По дороге промчались три мотоцикла и два грузовика. Сидевший в люльке переднего мотоцикла унтер-офицер клевал носом. На его груди сверкала металлическая бляха с орлом. Похоже, он плохо накануне выспался и, несмотря на ухабы проселочной дороги, дремал, покачиваясь на рытвинах. Проводив их взглядом, Никитин посмотрел на Маркелова, который лежал рядом с ним. Неожиданно для них машины с немцами остановились. Послышалась гортанная команда и из грузовиков, словно горох, посыпались солдаты. Они сгрудились около машин – кто-то пытался закурить, другие о чем-то шумно разговаривали. Снова прозвучала команда и солдаты, выстроившись в цепь, медленно двинулись в глубину леса, туда, откуда только что вышли Никитин, Маркелов и Ольга. Когда немцы скрылись в глубине леса, все перевели дыхание.

– Что скажешь? – спросил лейтенант Маркелова. – Молчишь? Это они нас разыскивают, а иначе, что им делать в этом лесу. Они сейчас как граблями будут прочесывать весь лес пока не найдут нас.

Никитин посмотрел на Ольгу, которая крепко сжимала в руках немецкий автомат. Костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Заметив его пристальный взгляд, девушка натянуто улыбнулась.

– Ты прав, лейтенант. Пусть думают, что мы передвигаемся на машине, которая до сих пор забита золотом, – ответил Маркелов и засмеялся.

– Нет, Маркелов, немцы, наверняка, уже давно знают, что у нас больше нет машин. Сейчас мы им нужны живыми, чтобы от нас узнать, где мы спрятали золото. Немцы – не дураки. Скоро они вернутся и пойдут в противоположную сторону, поэтому нам нужно как можно быстрее уходить отсюда.

– Куда уходить? – спросил его Маркелов. – Кругом немцы, до линии фронта далеко.

– Не знаю, но нужно срочно уходить.

Они поднялись с земли и направились вглубь леса. Они шли быстро, иногда переходя на легкий бег. Наконец, они выбились из сил, и устало повалились на землю.

– Отдыхай, Маркелов, – посоветовал ему Никитин. – С темнотой двинемся.

– А, ты куда, лейтенант?

– А я, пойду, «понюхаю» немного, – произнес он, засовывая за ремень две немецкие гранаты. – Пойду, поищу еду, а вдруг повезет.

Ольга взглянула на Никитина и хотела направиться вслед за ним, но он остановил ее жестом руки.

– Осторожней, лейтенант, не рискуй, – посоветовал ему Маркелов. – А почему бы нам не пойти всем вместе или ты, Никитин, решил нас бросить?

Никитин сначала покраснел словно школьник, а затем в его глазах загорелось какое-то адское пламя.

– Я думаю, что рисковать всем нам не стоит, – ответил он и в очередной раз посмотрел на Ольгу, словно ожидая от нее какой-то поддержки, но девушка молчала.

– Я тоже согласна с Маркеловым. Ты, похоже, нам не доверяешь лейтенант? Что пришло время, и сейчас каждый спасается, как может?

– Я этого не говорил и не предлагал разойтись в разные стороны, – парировал выпад Ольги Никитин. – Я не против этого, пошли все вместе.

Через минуту-другую группа Никитина исчезла среди деревьев.

***

Они прошли около километра, прежде чем Никитин поднял руку вверх. Впереди послышался натруженный шум автомобильного мотора, двигатель явно не хотел заводиться. Они моментально рассыпались по поляне и прижались к стволам деревьев. Никитин передернул затвор автомата. Впереди были немцы и сколько их, никто не знал.

«Как бы, не нарваться на засаду», – подумал Никитин и

лег на землю.

Его примеру последовали Ольга и Маркелов. Лейтенант, ловко работая локтями, пополз через поляну. В метрах тридцати впереди он увидел трех немецких солдат, которые сидели около небольшого костра. Четвертый немец копался в двигателе грузового автомобиля. Похоже, что у них что-то случилось с машиной, и они были вынуждены остановиться среди леса. Водитель грузовика периодически запускал движок, но тот упорно не хотел заводиться.

Никитин посмотрел на Маркелова и на пальцах указал тому, что он берет на себя трех немецких солдат, а тому оставляет водителя грузовика. Маркелов, молча, кивнул ему головой и, лавируя среди кустов, пополз по-пластунски вправо. Ольга лежала в высокой траве и страховала офицеров.

Вскоре Никитин увидел Маркелова, тот добрался до поваленного дерева и укрылся за его толстым стволом. Лейтенант выскочил на поляну с ножом в руке. Его появление было столь неожиданным для немцев, что они не сразу поняли, что произошло. Никитину удалось дважды нанести удар в спину, сидевшему к нему спиной гитлеровцу. Тот захрипел и повалился лицом в костер. Второй немец попытался схватить в руки винтовку, но лейтенант толчком ноги отбросил ее в сторону. Сильный удар ножа пришелся немцу в живот. Гитлеровец упал на землю и истошно завизжал от боли. Третий солдат никак не мог нащупать упавшие в траву очки. Он не оказал никакого сопротивления и умер сразу от удара но-

жом в горло.

Водитель грузовика успел схватить в руки автомат и нажал на курок. Короткая очередь разорвала тишину леса. Пули прошли над головой Никитина, срубив и швырнув под его ноги ветки дерева. Немец еще раз нажал на спусковой крючок автомата, но тот, вместо того, чтобы прошить тело лейтенанта свинцом, сухо щелкнул. В магазине автомата закончились патроны. Гитлеровец схватил автомат за ствол и, размахивая им, как дубиной, двинулся на Никитина. Неожиданно, он словно споткнулся о что-то невидимое. Голова его дернулась несколько раз и он, выронив из рук автомат, сначала встал на колени, а затем повалился лицом в траву. Его светлые волосы окрасились в алый цвет. За спиной упавшего немца стоял Маркелов, сжимая в руке окровавленную винтовку.

– Кажется, я вовремя, – произнес он и посмотрел на Никитина.

– Спасибо за помощь, – ответил Никитин. – Давай, оттащим трупы в кусты.

Они быстро перетащили трупы в кусты и снова вернулись на поляну.

– Ты что понимаешь в машинах? Посмотри. Если не сможешь отремонтировать, сожги.

Из кустов вышла Ольга и направилась к грузовику. Отстранив рукой Маркелова в сторону, она закинула за спину автомат и нагнулась над двигателем.

Пока Ольга возился с двигателем грузовика, Никитин собрал оружие и сел под дерево.

– Ну что, получается? – поинтересовался он у девушки и, увидев на лице Ольги улыбку, направился к ней.

– Вот и все, товарищ лейтенант, можно двигаться, – произнесла девушка. – Да не глядите так на меня. У моего отца была машина, и я научилась не только водить ее, но и разбираться с мотором.

Маркелов и Никитин забросили в кузов грузовика оружие.

– Погоди, я сейчас, – произнес Никитин и скрылся в кустах.

Достав из кармана гимнастерки серебряную монету, он бросил ее рядом с трупами немцев.

«Вот теперь все», – с облегчением подумал он, направляясь к машине.

***

Грузовик медленно ехал по лесной дороге. Стояла глубокая летняя ночь. Темно. Никаких огней. Небо темное, почти черное, бархатное, на нем россыпь звезд. Над деревьями взошла луна, да такая большая и яркая, словно медный таз. Вся округа: деревья, кусты и дорога залиты таинственным серебристым светом. Лес темный, немного страшный, но манит к себе какой-то волшебной таинственностью. Где-то слева, между деревьев блестит неподвижная гладь реки. А

по реке, словно по стеклу, бежит радостная лунная дорожка, словно и нет войны, нет крови и человеческого горя.

Рядом с Никитиным мирно посапывал Маркелов. Напряженность последних дней сморила младшего лейтенанта и он, подложив под голову вещевой мешок, сладко шлепал во сне губами. Никитин, стараясь не задремать, то и дело приподнимался над бортом машины и смотрел на дорогу. Придорожные кусты превратились в какую-то сплошную загадочную тень. Неожиданно машина несколько раз дернулась и остановилась. Ольга выбралась из кабины и открыла капот. Осмотрев двигатель в свете фонарика, она повернулась к офицерам и отчаянно махнула рукой.

– Все, приехали, товарищ лейтенант, – произнесла девушка. – Похоже, движок «стуканул»…

– В каком смысле «стуканул»? – спросил ее Никитин.

– Такое бывает, товарищ лейтенант, когда из мотора вытекает масло. Видно, наехали в темноте на пенек и пробили картер.

Мужчины с неохотой выбрались из кузова машины. Все они отлично понимали, что в любом случае двигаться дальше на автомобиле было нельзя.

– Поджигай машину! – приказал Никитин Маркелову.

Тот быстро облил грузовик бензином из канистры, которую обнаружил в кузове. Прикурив, он щелчком швырнул горящую спичку в кабину автомобиля. Раздался хлопок, и машина сначала окуталась черным дымом, а затем вспыхну-

ла словно свеча, потрескивая от жара.

– Уходим! – приказал Никитин и первым шагнул темноту, прислушиваясь к тишине леса.

Стало светать. По низине поплыл густой туман. Было прохладно и сыро.

– Вот возьми, – произнес лейтенант и протянул Ольге плащ-палатку.

Тропинка вывела их к опушке леса. Внезапно Никитин остановился и поднял правую руку вверх. Все застыли на месте.

– Укройтесь в кустах! – приказал он Маркелову. – По-моему впереди немцы.

Кусты были такими густыми, что они с большим трудом протиснулись сквозь ветви орешника. Минуты через две на поляну вышли трое немцев. За спиной одного из солдат болталась катушка с проводом. Это были связисты. Один из них, тот, кто шел, держа в руках телефонный провод, остановился и что-то произнес.

«Похоже, ищут обрыв», – догадался Никитин, наблюдая за тем, как немецкие связисты устраняют техническую неполадку.

Из-за кромки леса показалось солнце. Молчавший до этой минуты лес словно ожил – запели птицы. Лесную тишину разорвал гул авиационных двигателей. Над лесом прошла тройка «юнкерсов». Один из немцев снял с головы каску и направился к кустам. Он стал рвать лесные орехи и склады-

вать их в каску. Он разгрыз один орех и, поморщившись, сплюнул на землю. Орехи были неспелыми, и солдат высыпал собранные им орехи на землю. Никитин вытащил из ножен финку и замер, словно зверь перед броском.

– Курт! – окликнул солдата один из связистов.

Тот повернулся и, радостно улыбаясь, направился к своим товарищам.

«Повезло тебе, гад, – с облегчением подумал лейтенант, продолжая наблюдать за врагами. – Сейчас бы я тебя быстро отправил на беседу к Богу»

Однако, Никитин ошибся. Ольга заметила как в ее сторону, то, появляясь, то, исчезая в траве, ползла небольшая серая змея. Девушка буквально оцепенела от охватившего ее ужаса. Она мысленно просила ее повернуть в сторону, но та, уверенно ползла в ее сторону. Когда серое тело змеи коснулось ее сапога, она вскрикнула.

Курт поднял автомат и, передернув затвор, снова направился к кустам. Он двигался достаточно медленно, направляя ствол автомата то влево, то вправо. Когда до него осталось метров десять, Никитин нажал на спусковой крючок автомата. Немец дернулся и повалился на спину. Через минуту все было кончено. Оставив, на поляне трупы немецких связистов, группа исчезла в гуще леса.

***

– Все отдыхаем! – произнес устало Никитин и, сняв веще-

вой мешок, повалился на землю. – Нужно отдохнуть, днем все равно невозможно передвигаться, кругом немцы и полицаи.

Ольга присела рядом с лейтенантом и, развязав свой вещевой мешок, стала выкладывать на траву продукты. Два крупных огурца, несколько луковиц и картофелин.

«Негусто», – подумал Никитин и взглянул на Маркелова.

Лейтенант ножом разрезал огурцы, луковицы и, взяв дольку лука, сунул ее в рот. Поморщившись от горечи, он стал жевать лук с куском хлеба. Ольга, взглянув на искаженное от горечи лицо, невольно засмеялась. Маркелов сидел в стороне и, молча, наблюдал за ними.

– Слушай, Никитин! Как ты думаешь, мы сможем, перейти линию фронта или нет?

– Не знаю, я – не гадалка. Это, как карта ляжет.

– Вот и я об этом думаю. Немцы висят на хвосте. Они, наверное, давно бы нас кончили, но, похоже, хотят взять нас живыми. Мы им живые нужны.

Где-то вдали раздался взрыв. Эхо взрыва покатилось по лесу, пугая птиц.

– Что это? – обеспокоенно, спросила Ольга.

– Немцы нашли своих убитых, – ответил Никитин. – Я под одним из трупов оставил гранату, вот она и взорвалась. Так что, отдыхать нам не придется, нужно идти…

Они поднялись с земли и, поправив оружие, двинулись на восток. Маркелов шел первым. Он иногда останавливался,

прислушиваясь к шуму леса, а затем снова начинал движение.

– Товарищ лейтенант! Скажите, далеко до деревни Малые Клыки?

– Не знаю, Ольга. Нужно посмотреть по карте. Зачем тебе эта деревня?

– Мы должны зайти в эту деревню, – ответила Ольга. – Так надо, товарищ лейтенант.

Девушка достала из-под подкладки листок бумаги и, молча, протянула его офицеру.

– Что это?

– Это приказ Наркомата внутренних дел СССР. С момента предъявления этого приказа, вы переходите в мое полное подчинение, так что, читайте…

Никитин ознакомился с приказом. Вернув приказ, он посмотрел на Ольгу.

– Вон оно что, – произнес он. – А я почему-то вас считал бухгалтером, которой поручили лишь передачу учетных документов. Так что, командуйте, товарищ младший лейтенант государственной безопасности.

– А теперь, слушайте. Все остается, как и было раньше, вы – командир, а я – бухгалтер. Это – первое. Второе, нам нужно попасть в деревню Малые Клыки. Вам понятен приказ?

Никитин кивнул головой и, поправив ремень автомата, ускорил шаг.

***

Гауптштурмфюрер СС Вагнер нервно курил. Неудачи в розыске и поимке людей из группы Никитина, словно лавина, обрушились на него. Берлин требовал результатов, но их не было. То, что трое связистов были убиты группой Никитина, Вагнер не сомневался. Теперь нужно было разработать план дальнейших действий. Сейчас гауптштурмфюрер не сомневался, что они направятся на восток, так как здесь – на оккупированной территории им было делать нечего. Бросив сигарету на землю и раздавив ее носком сапога, он взмахом руки подозвал к себе командира взвода фельджандармерии.

– Сообщите всем подразделениям наших войск, расквартированных в этом районе об усилении бдительности. Пусть каждый гарнизон организует прочесывание местности. И еще, они нужны мне живыми, – произнес он уставшим голосом. – А сейчас, приступайте к преследованию…

Вчера в 15-00 Вагнера пригласил к себе фельдмаршал фон Бок. Гауптштурмфюрер не ждал ничего хорошего от этой встречи. Он хорошо представлял фельдмаршала, его покрасневшее от негодования лицо, это бесконечное его хождение из угла кабинета в другой угол, от которого начинает мельтешить в глазах.

– Поехали! – приказал он водителю.

Машина тронулась, и Вагнер невольно посмотрел на десятки солдат, готовившихся к прочесыванию леса.

«Зачем я не дал команду «юнкерсам» уничтожить эту рус-

скую колонну? – с сожалением подумал он. – Сейчас бы у него не было никаких проблем. То, что смогли бы собрать, передал бы Калтенбрунеру и получил бы за это «Железный крест», а теперь – одна морока».

Вскоре машина выехала на шоссе и водитель попытался увеличить скорость, но ему это не удалось. По дороге нескончаемым потоком шли войска. Машина промчалась мимо уставших от пути гренадеров. Они двигались ровными рядами, ранцы, обтянутые телячьей кожей, фляги на боках, каски, висящие на поясных ремнях. Многие из них с интересом рассматривали легковую автомашину, которая двигалась им навстречу, приветливо махали руками, улыбались… Вагнер хорошо знал, что многие из них скоро погибнут, но это будет потом, а сейчас они приветствовали его взмахами рук.

Вслед за гренадерами плотным потоком двигались танки. Жара и пыль делала лица танкистов неузнаваемыми, они были похожи на каких-то истопников ада. Белели лишь зубы и яблоки глаз. Вагнер невольно улыбнулся, представив себя внутри этих бронированных машин. На развилке дорог их машину остановил пост фельджандармерии. К машине подошел офицер и, заметив на черном мундире офицера эсесовские петлицы, козырнул им и приказал пропустить машину.

Штаб фельдмаршала фон Бока размещался в большом и красивом здании. Вагнер слышал, что раньше здесь размещался областной комитет партии. Он невольно посмотрел по

сторонам и ухмыльнулся. Это здание было столь помпезным среди одноэтажных домов, что гауптштурмфюрер отметил про себя искусство архитектора, который спроектировал подобное чудо в этом захолустном городе.

– Вы куда? – спросил дежурный офицер Вагнера.

– Меня вызвал фельдмаршал фон Бок, – ответил гауптштурмфюрер, – моя фамилия Вагнер.

Офицер открыл журнал и, найдя в нем фамилию эсесовца, протягивая ему пропуск, произнес:

– Вам придется подождать, господин гауптштурмфюрер. У фельдмаршала – группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски.

Сердце Вагнера екнуло. Свидание с этим человеком не сулило ему ничего хорошего.

***

«Солдаты! Перед вами Москва. За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошли по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу нашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва – это конец войне. Москва – это отдых. Вперед! Приказ Гитлера от 6 июля 1941 года.

Совещание окончилось. Генералы, штабные и командиры частей группы армий «Центр», выйдя из зала, торопливо доставали сигареты. Последним зал заседания покинул группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски – личный

представитель райхсфюрера СС при штабе группы армий «Центр».

– Ганс, – повернулся группенфюрер к своему адъютанту.

– Слушаю, экселенц, – ответил штурмфюрер СС, вытянувшись в струнку.

– Что в этом доме было раньше?

– Областной НКВД, экселенц.

– Странное сооружение, смесь казармы и средневекового замка. Кстати, найдите мне гауптштурмфюрера Вагнера, он мне нужен.

– Слушаюсь! – штурмфюрер стремительно повернулся и направился по коридору.

– Постойте, Ганс! Пригласите еще ко мне штурмбанфюрера Франца Зикса, ведь он отвечает у нас за восточное направление в разведке.

– Слушаю, экселенц!

У группенфюрера СС было плохое настроение, он плохо спал в эту ночь. Накануне у него состоялся неприятный разговор с Кальтенбрунером, который был недоволен тем, что русские под носом немецкой разведки и армии смогли вывезти из Минска золотой запас Белоруссии. Он попытался возразить обергруппенфюреру, что еще ничего не потеряно, что русское золото находится на оккупированной войсками вермахта территории. Однако, его реплика вызвала у начальника имперской безопасности лишь только новую вспышку гнева.

– Возьмите под личный контроль этот вопрос! – жестко произнес в заключение Кальтенбрунер. – Жаль, что меня на все проблемы просто не хватает.

– Я все понял, господин обергруппенфюрер. Думаю, что мне удастся придать динамику этой проблеме.

Задание было трудным, найти спрятанное русскими золото среди лесов и болот было практически невозможно, но он не привык отступать. Группенфюрер гордился тем, что именно ему Кальтенбрунер поручил это столь щепетильное дело, которое, безусловно, войдет в историю этой войны.

Бах-Залевски достал сигарету. Вернувшийся адъютант услужливо щелкнул зажигалкой.

– Унылый город, Ганс, унылый. Разве его можно сравнить с Парижем или Берлином. И небо над городом – унылое, серое.

К группенфюреру подошел штурмбанфюрер Франц Зикс и выкинул правую руку в нацистском приветствии.

– Зикс! Я сегодня получил от Кальтенбрунера приказ – разыскать здесь русское золото. Это – целых восемь тонн. Вы представляете, что это такое – сотни танков и самолетов. Оно где-то здесь, я это хорошо знаю.

Он сделал паузу и посмотрел на штурмбанфюрера.

– Нужно просеять всю эту территорию сквозь сито зондеркоманд. Я не думаю, что русские прятали эти ценности спонтанно, наверняка, были специально заготовленные для этих целей места. Если это так, то ведь кто-то их рыл? Вы

должны найти мне этих людей! Я хочу знать, где эти схроны! Задача ясна?

– Так точно, господин группенфюрер. Если рыли местные люди, то я обязательно найду их.

– Кстати, Зикс. Пора активизировать ваших людей в Москве. Задействуйте своего агента в НКВД, как его там – «Учителя». Думаю, что игра стоит свеч.

– Яволь, экселенс.

Бах-Залески вскинул руку и, молча, направился к автомашине.

***

– Посмотри! – произнес Никитин и передал бинокль Маркелову. – У меня что-то в глазах зарябило.

Они лежали на опушке небольшого лесочка, который словно, подкова, опоясывал деревню Малые Клыки. Деревня была небольшой, чуть больше трех десятков домов. Над одним из домов трепетал на ветру немецкий стяг. Маркелов приложил к глазам бинокль и стал с интересом рассматривать улочки и дома деревни. Вскоре в поле его зрения попал дом, около которого стояло несколько велосипедов. Он перевел свой взгляд на соседний двор, около которого стояло несколько немецких солдат, с интересом наблюдавших за игрой в футбол. Несколько здоровенных немцев, смеясь и что-то выкрикивая, гоняли по поляне мяч.

«Вот сволочи, – невольно подумал Маркелов, – забавля-

ются, словно дети, как будто и нет войны».

– Сколько насчитал? – спросил Никитин Маркелова.

– Чуть больше двух десятков, это тех, кто на улице. Сколько их в домах, один Бог знает. Не исключено, что кроме солдат в деревне могут находиться и полицаи.

– Днем в деревню входить нельзя, это однозначно. Нужно ждать ночи, – произнес лейтенант, обращаясь, то ли к Ольге, то ли к Маркелову.

– Я бы и ночью не решился – риск слишком большой, – и словно подводя черту, ответил Маркелов. – Вы хоть можете мне объяснить, что там нам нужно? Все понятно – молчите, если не доверяете….

Он положил бинокль на траву и демонстративно отвернулся от них в сторону.

– Ты не обижайся, Маркелов, просто так нужно, – словно извиняясь перед ним, произнес Никитин. – Давайте ждать, когда стемнеет. Вы можете отдыхать, а я – посмотрю.

Его предложение было принято всеми, молча. Лейтенант взял в руки бинокль и в очередной раз начал осматривать улицы деревни. Деревня словно вымерла, ни ребятишек, ни женщин. Но больше всего его интересовал второй дом, с начала улицы. Именно этот дом и интересовал Ольгу. Никитин отложил в сторону бинокль и посмотрел на свои наручные часы. До темноты было еще долго, очень долго….

Солнце нещадно пекло. Никитин снял с головы пилотку. Неожиданно его внимание привлек шум мотоциклетного

мотора. По дороге в сторону деревни мчался немецкий мотоциклист. Он остановил свою машину около дома с немецким флагом и, сняв с рук перчатки, вошел в дом.

«Интересно, что будет дальше», – подумал Никитин, продолжая наблюдать за немцами.

На пороге дома появился немецкий офицер и что-то крикнул играющим в футбол солдатам. Те мигом бросились одеваться и вскоре выстроились перед домом. Офицер снова что-то сказал и солдаты рассыпались в разные стороны, выгоняя из сараев мотоциклы. Не прошло и пять минут, как из деревни выехало около десяти мотоциклов и, треща моторами, они скрылись из глаз в зелени леса.

***

Солнце, словно нехотя, коснулось кромки леса. Никитин толкнул в бок лежавшего рядом с ним Маркелова. Тот вздрогнул и машинально схватился за ствол автомата.

– Что случилось? – испугано спросил он Никитина. – Немцы?

– Храпишь больно громко, всех немцев распугал…

– Да брось ты, не придумывай

– Часть немцев укатила из деревни, – произнес лейтенант. – Сейчас в деревне человек пять-шесть.

– Это хорошо. Ладно, отдыхай, а я посмотрю…

Никитин посмотрел на Ольгу, которая, свернувшись калачиком и, подложив под голову сумку от противогаза, спа-

ла. Ее красивое лицо окрасилось в какой-то сказочный цвет, на приоткрытых губах играла детская улыбка. Он лег рядом с ней и осторожно прикрыл ее ноги плащ-палаткой.

Никитин буквально провалился в сон. Ему снилась покойная мать, отец, небольшая речка, по которой он плыл на лодке. В затоне вся поверхность реки была покрыта речными лилиями. Он протянул руку…, но сильный толчок заставил его открыть глаза. В небе прямо перед ним распахнулось удивительной красоты зрелище. Полная луна, словно восточная красавица, была окутана лёгкой дымкой. А чуть выше, над луной – небольшое, изящной формы с четко очерченным темным, почти черным контуром – облако. И из-за этого облака веером струится серебристый, яркий и чистый свет. Потрясающая красота! Если бы Никитин был художником, то, наверняка, долго бы размышлял о достоинствах этой картины: о композиции, игре света и тени, о контрастах, отметил бы все тона, полутона и оттенки.

– Лейтенант! Пора идти, – тихо произнесла Ольга. – Прикройте меня. Я пойду одна!

Девушка поднялась с земли и, пригибаясь, двинулась в сторону деревни. В метрах двадцати за ней метнулись две тени, это были Никитин и Маркелов. Впереди показался нужный им дом. Они залегли около плетня и стали ждать. Где-то совсем рядом звучала немецкая губная гармошка. Напряжение нарастало с каждой минутой. Ольга по-прежнему лежала в густой траве недалеко от дома, видимо, что-то насто-

рожило ее. Наконец она встала и устремилась к сараю, а от него к дому. Никитин передернул затвор автомата и через минуту, как они договаривались ранее, последовал за ней.

В прихожей было темно, и он наткнулся рукой на какой-то предмет, который с грохотом упал на пол. Лейтенант моментально прижался к стене. Дверь немного приоткрылась и он увидел Ольгу, которая сидела за столом.

– Заходите, только тише, у меня маленький ребенок, не разбудите, – произнесла женщина, выйдя в сени.

Никитин переступил порог горницы и остановился в нерешительности. Комната была небольшой. В углу стояла большая русская печь, на которой спал ребенок лет пяти. Его русая голова виднелась из-под цветастого лоскутного одеяла.

– Несите рацию, – скорей приказала, чем попросила Ольга женщину. – Сеанс через час.

Женщина отбросила в сторону половик и рывком открыла подпол. Через минуту на полу уже стоял небольшой зеленый ящик. Ольга быстро развернула радиостанцию и, достав из противогазной сумки небольшой томик Пушкина, стала быстро шифровать сообщение. Закончив это, она пододвинула рацию и, найдя нужную ей волну, стала отстукивать радиограмму. Дождавшись ответа, девушка быстро расшифровала сообщение и свернула станцию.

– Все, – произнесла она, –уходим.

– А что, делать с этим? – спросила женщина, рукой указав на рацию.

– За ней скоро придут, – на ходу ответила Ольга. – Спрячьте.

Они вышли из дома и направились в сторону леса. Они прошли метров пятьдесят, когда увидели вспышку света ручного фонаря и услышали испуганный голос немецкого солдата:

– Хальт!

Никитин, не раздумывая, нажал на курок автомата. Очередь из трассирующих пуль ударила в грудь солдата.

– О, майн год! – прозвучало из темноты.

Никитин, Маркелов и Ольга бросились бежать. Темноту ночи разорвала вспышка ракеты, и в тот же миг по ним ударил пулемет.

***

Напоровшись ночью на немецкий патруль, они бросились к лесу, до которого было метров сто пятьдесят. Маркелов бросился бежать влево, а Ольга и Никитин побежали вправо, введя в заблуждение немцев. Однако, немецкий патруль, почему-то начал преследовать именно его. Младший лейтенант слышал шум погони и ускорил бег, но немцы не отставали.

«Хотят взять живым», – подумал он и, обернувшись, дал очередь из автомата.

На какую-то секунду стало тихо. Он сделал несколько движений, и тут же струя трассирующих пуль пронеслась над его

головой, прижимая его к влажной от росы траве.

«Неужели не смогу оторваться!» – подумал он, но стоило ему лишь поднять голову, как снова рой пуль заставил его прижаться к земле.

Маркелов поднял автомат и хотел ответить немцам, но перекосившийся в патроннике патрон заклинил оружие.

«Не уйти. Похоже, обходят. Жалко, что автомат заклинило», – размышлял Маркелов, выкладывая из вещевого мешка гранаты.

Ждать становилось невыносимо и он, работая локтями, пополз в сторону, стараясь обогнуть густой кустарник. Он остановился и перевел дыхание. До кустов было метров двадцать, не больше. Отдышавшись, он снова пополз вперед. Раздвинув кусты, он осмотрелся. В кустах никого не было, и только кучка ярких латунных гильз напомнила ему о том, что минут пять назад здесь находился немецкий автоматчик.

Он привстал и хотел сделать перебежку, однако, очередная автоматная очередь прижала его к земле. Маркелов сделал несколько выстрелов из «ТТ» в сторону вспышек. Снова стало тихо, и в этой тишине он услышал сдавленные стоны.

«Попал», – словно подводя черту, подумал младший лейтенант и пополз, в сторону, откуда раздавались стоны.

Где-то вдали послышались громкие гортанные голоса. Маркелов вздрогнул и притаился. В свете полной луны он увидел, как на поляну вышли несколько немецких автоматчиков. Они явно двигались на звук его выстрелов. Остано-

вившись около тела убитого им солдата, немецкий офицер нагнулся над трупом и коснулся его своей ладонью.

– Он еще теплый, – произнес офицер. – Наверняка, этот русский где-то рядом. Он не мог далеко уйти.

– Может, дождемся утра, господин гауптштурмфюрер? Где его искать-то, он один, а лес большой, вдобавок ночь.

– Прочешите здесь кругом, – приказал солдатам офицер. – Кто найдет и задержит русского – десять суток отпуска.

Один из солдат направился в сторону кустов, в которых затаился Маркелов. Младший лейтенант направил пистолет на солдата. В какой-то момент он почувствовал, как у него вспотела ладонь, державшая пистолет.

«Буду стрелять лишь в случае обнаружения», – приказал он сам себе.

Тишину леса разорвала сначала одна автоматная очередь, а затем к ней присоединилось еще несколько автоматов. Гауптштурмфюрер что-то крикнул, и эсесовцы стремглав бросились в чащу. Их было человек пятнадцать, все рослые, белокурые. Они дали еще несколько очередей и, остановившись, стали о чем-то громко разговаривать. Неожиданно один из немцев, словно что-то почувствовав, поднял автомат, направился к кустам.

– Хальт! Хенде хох! – громко произнес гитлеровец. – Русс сдавайся!

– Не стрелять! Не стрелять, – громко закричал немецкий офицер.

Заметив в руке Маркелова пистолет, направленный на него, немец нажал на курок. Очередь буквально перерезала младшего лейтенанта пополам. Ломая ветви обмякшим телом, он упал на спину. Последнее, что он увидел, было черное небо, усыпанное россыпью ярких звезд.

Моментально вспыхнуло несколько ручных фонариков. Гауптштурмфюрер шел медленно, придерживая раненную руку. Он подошел к телу русского офицера и, раздвинув сломанные кусты стеком, посмотрел на убитого.

– Дайте мне его документы, – приказал он солдату.

Тот нагнулся и, расстегнув карман гимнастерки, достал из него бумаги.

– О, мой Бог! – прошептал он. – За что ты меня невзлюбил!

Он понял, что стоявший перед ним солдат вермахта застрелил одного из тех, кто сопровождал золотой конвой.

– Унтер-офицер! Продолжайте преследование русских, – приказал Вагнер. – Они где-то со всем рядом.

***

Ольга и Никитин бежали по лесу, стараясь оторваться от преследующих их немцев. Где-то за их спиной слышались автоматные очереди. Похоже, что это Маркелов уводил за собой немецких автоматчиков. Они остановились, чтобы перевести дыхание.

– Слушай, Никитин, – обратилась к нему Ольга. – Ты же

говорил, что в деревне осталось пять-шесть немецких солдат?

– Да, говорил, так как сам видел, как уехало человек около двадцати. Я и сам не понимаю, откуда они там появились. Что дальше? Будем ждать Маркелова?

– У нас нет времени, нужно торопиться. Сколько километров до Плющихи?

Никитин достал из полевой сумки карту и включил фонарик.

– Трудно сказать, думаю, что километров пятьдесят будет.

– На все про все нам пять дней. Нас будут ждать в Плющихе через пять дней.

– Тогда нужно двигаться. А, может, все-таки подождем Маркелова?

– Лес большой, где ты его хочешь ждать? Если не погиб, то выйдет сам, а если попал в плен, то нам нужно, как можно быстрее выйти к нужному нам месту.

Рассвет застал их в пути. Никитин посмотрел на Ольгу, она шла рядом с лейтенантом, тяжело дыша от усталости. Похоже, что ночной переход дался ей нелегко.

– Может, остановимся и отдохнем? – обратился к ней Никитин.

Он до сих пор не хотел верить в то, что он должен беспрекословно подчиняться этой девушке.

– И давно вы в органах? – спросил он Ольгу.

– Да, с начала тридцатых. Участвовала в финской компа-

нии, воевала в Испании, так что опыт имеется.

– А почему вы сразу не взяли командование нашей колонны в свои руки?

– Зачем? Вы отлично справлялись с поставленной перед вами задачей. Вообще, не было никакой необходимости, что-либо менять. Меня все устраивало….

Никитин посмотрел на нее. От той девчонки, что он увидел во дворе банка, ничего не осталось. Сейчас перед ним сидела уверенная в себе молодая интересная женщина.

– А что делать с пакетом? – спросил он ее, доставая тонкую папку в котором лежал пакет. – Вы знаете его содержимое?

– Знаю, – ответила Ольга, – ведь я сама готовила его. Может, я вас разочарую, но пакет пуст. Да, да, он пуст. Это была проверка, вскроете вы его или нет. Вы прошли проверку, поздравляю.

Никитин бы удивлен ее ответом. Он снова посмотрел на нее, на лице Лавровой Ольги блуждала какая-то таинственная улыбка.

– Выходит, вы мне не доверяли?

– Служба, Никитин. Доверяй, но проверяй. Мы не могли сорвать запланированную операцию по перемещению ценностей. Это было главным на тот момент.

– Выходит, все эти жертвы….

– Все это учитывалось при планировании. Просто, вам Никитин, повезло. Вы все должны были погибнуть еще неде-

лю назад.

Это было сказано так обыденно, что он невольно удивился.

– Да не смотрите вы на меня так! Я такой же, как и вы лишь винтик в этой системе. А сейчас давайте, отдыхать…

Она бросила сумку от противогаза на землю и положила на нее голову. Вскоре, они задремали.

***

Маркелов открыл глаза оттого, что капля дождя упала на его лицо. Он попробовал сначала пошевелить рукой, затем ногой, но тело было, словно, чужим и не хотело ему подчиняться. Он попытался вспомнить, что произошло накануне, но у него ничего не получилось. В памяти, как на фотопленке, запечалилось лишь что-то яркое, и этот свет вызвал у него сильную боль, а затем наступила темнота.

Начавшийся с утра дождь застучал по листьям и стволам деревьев. Он посмотрел на небо, оно было серым. Свинцовые тучи, словно захватчики, заполонили все небо, не оставив синеве ни малейшего шанса. Этот теплый, еще по-летнему дождь заставил его вспомнить о детстве. Тогда он и его младший брат заблудились в лесу и промокшие до нитки, спрятались под ветвями могучей ели.

– Павел, не хнычь! Сейчас пройдет дождь, и мы непременно выйдем на дорогу.

Однако, брат словно не слышал его слов и продолжал пла-

кать. Он прижался к брату, его била мелкая дрожь, которая бывает у людей во время страха.

– Что ты дрожишь? Ты что мне не веришь?

– Верю, – сквозь слезы ответил братишка. – А когда закончится дождь?

Маркелов вздрогнул. Ему послышался детский голос, похожий на голос его братишки.

«Похоже, умираю», – подумал младший лейтенант.

Он снова потерял сознание. Маркелов очнулся оттого, что кто-то руками теребил его лицо.

– Дядя, очнись, – услышал он детский голос.

Офицер открыл глаза. Словно в тумане он увидел детский силуэт, который склонился над ним.

– Дядя, не умирай. Я сейчас приведу мамку…

Он хотел улыбнуться мальчику, но лицо его исказила гримаса боли.

– Подойди! – попросил он мальчика. – Запомни, я младший лейтенант Красной Армии Маркелов…

Он не договорил. Тело его несколько раз дернулось и застыло.

***

Никитин открыл глаза, услышав надрывный лай собак.

– Вставай! Уходим! – произнес он, чувствуя, как от волнения у него перехватило дыхание.

Ольга вскочила на ноги и, поправив платок на голове, по-

смотрела на Никитина.

– Нужно срочно уходить! Немцы!

Закинув за плечи вещмешки, они бросились бежать. Главное сейчас было – пересечь поле, прежде чем их увидят немцы. Лай собак с каждой секундой становился все громче и явственней. Ольга споткнулась и, сделав несколько неуверенных шагов, рухнула на землю. Никитин остановился и, подбежав к ней, помог ей подняться с земли.

– Идти можешь? – спросил он ее, заметив на ее лице гримасу от боли.

– Попробую, – тихо ответила Ольга.

Сделав несколько неуверенных шагов, она застонала и закусила губу от боли.

– Давай, цепляйся за шею, – обратился к ней Никитин. – Ну, что, смотришь!

Девушка схватила его за плечи. Лейтенант сделал несколько шагов и засеменил к лесу. Добежав до первых деревьев, он повалился, тяжело дыша на землю. Неожиданно раздалось два взрыва, которые оборвали лай собак.

– Что это? – спросила Никитина Ольга?

– Не знаю, но, похоже на взрывы мин.

– Слушай, Никитин! Выходит, мы ночью с тобой прошли по минному полю?

Они удивленно посмотрели друг на друга.

– Давай, пошли дальше, – произнес Никитин и, дождавшись пока Ольга поднимется на ноги, взвалил ее на плечи

и, качаясь, словно пьяный, побрел вперед. Он пронес ее на себе метров пятьдесят и снова опустил на землю.

– Снимай сапог! – приказал он девушке. – Нужно посмотреть, что у тебя с ногой.

Он осторожно стянул с нее сапог и размотал портянку. Стопа ноги была опухшей и, судя по всему, у нее был вывих сустава.

– Придется потерпеть, – тихо произнес Никитин, поглаживая стопу. – Будет немного больно, но другого выхода нет.

Он посмотрел ей в лицо, ожидая ответа.

– Хорошо, я согласна, – вполне спокойно произнесла Ольга. – Лечи, доктор Айболит…

Ему однажды приходилось вправлять вывих ноги, но это было так давно, что он уже забыл, как это он делал. Поглаживая стопу, Никитин неожиданно для нее резко дернул ногу. Ольга вскрикнула от охватившей ее боли и закатила глаза. Прошло минуты три, прежде чем она их открыла.

– Ну, как Лаврова? Попробуй встать на ноги, – обратился он девушке.

– Ну, ты и фашист, Никитин, – тихо произнесла она. – У меня от боли в глазах все потемнело.

– Попробуй встать, – настойчиво повторил лейтенант.

Девушка поднялась на ноги и осторожно сделала первый шаг. Никитин, не отрываясь, смотрел на нее.

– Больно, но идти смогу.

– Вот и хорошо. Сейчас я наложу тебе тугую повязку и

пойдем.

Он достал из мешка чистую нательную рубашку, оторвал от нее широкую полосу ткани и наложил повязку.

– Ты знаешь, Ольга, – снова переходя на «ты», произнес он, – а Бог все-таки есть. Как мы с тобой не напоролись на мины, только он один знает.

Она впервые за все эти дни улыбнулась Никитину и они медленно направились дальше.

***

Вагнер сидел в автомобиле, то и дело, прикладываясь к бутылке с коньяком. Утром он доложил об очередном провале тщательно разработанной им операции по задержанию русской группы. Как ему казалось, операция была разработана так, что пленение русских было просто неизбежно. Но опять что-то произошло не так… Штурмбанфюрер Франц Зикс, выслушав его доклад, молча, усмехнулся. Он встал из-за стола и подошел к окну. Он отодвинул штору и посмотрел на улицу, по которой, чеканя шаг, шла маршевая рота.

– Скажите, Вагнер, вы настолько глупы или вас преследует фатальное невезение? – не оборачиваясь, спросил он гауптштурмфюрера. – Однако, сейчас это все не имеет никакого практического значения. Теперь у вас, Вагнер, два решения – вы находите русских или я вас передаю в руки военно-полевого суда. Надеюсь, вы понимаете, что это означает для вас. Сейчас вас ничего не спасет от суда, кроме пле-

нения этих русских.

Вагнер моментально физически ощутил значимость сказанного. У него от нервного тика задергался правый глаз. Он попытался справиться с этим, но у него ничего не получилось.

– Вы это кому подмигиваете, Вагнер? Мне или моему адъютанту? Вы что, здесь разыгрываете комедию? – стукнув по столу ладонью, произнес штурмбанфюрер Зикс.

Гауптштурмфюрер побледнел от этого замечания. Глаз Вагнера еще чаще стал дергаться. Зикс махнул на него рукой, что означало, что он может покинуть кабинет, и стал рассматривать какие-то бумаги, что лежали перед ним на столе. Вагнер выкинул правую руку в нацистском приветствии и, щелкнув каблуками сапог, вышел из кабинета. Вернувшись в свой кабинет, он разложил на столе карту и стал тщательно изучать предполагаемый отход русской группы. В том, что группа направилась к линии фронта с намерением перейти ее, он больше не сомневался. По направлению движения русских находилось два населенных пункта – Плющиха и Вознесение. Он обвел эти две деревни красным карандашом и поставил восклицательный знак.

«Наверняка, в одной из этих русских деревень их ждет разведгруппа русских, которая должна обеспечить им переход через линию фронта. Расстояние между населенными пунктами – пятнадцать километров, – размышлял Вагнер, склонившись над картой. – Необходимо устроить в этих де-

ревнях засады. К этому вопросу нужно подойти очень серьезно, а иначе – фронт….».

Гауптштурмфюрер швырнул карандаш на стол. Тот подскочил, словно теннисный мяч, и упал на пол. Он никак не мог простить себе последней операции, когда на посту заснул один из его солдат и в результате этого он не только не узнал, к кому заходили эти русские, но их не смогли своевременно задержать.

«Сейчас подобное упущение будет грозить серьезными проблемами, от которых его не спасут даже ближайшие товарищи Гесса», – подумал Вагнер.

Он поднял с пола карандаш и посмотрел на стоявшего в дверях адъютанта Зикса.

– В чем дело, Вальтер?

– Вас вызывает к себе штурмбанфюрер.

Вагнер надел фуражку и направился вслед за адъютантом. В кабинете Зикса сидел незнакомый ему мужчина в гражданском костюме. Его редкие светлые волосы были зачесаны назад. В лацкане его пиджака он заметил золотой партийный значок.

– Вы знакомы? – спросил мужчину Зикс.

– Нет, – ответил мужчина.

– Знакомьтесь, это господин Крюгер из аппарата гауляйтера Белоруссии.

«Этого еще не хватало», – промелькнуло в голове Вагнера.

Он выбросил правую руку и громко произнес
– Хайль Гитлер!

***

Услышав шум в кустах, Никитин поднялся с земли и передернул затвор автомата.

– Стой! Кто идет! – выкрикнул он и, держа оружие наизготовку, осторожно направился к кустам. Было темно, и он не сразу заметил в темноте жующую траву козу. Никитин выругался и направился к березе, под которой спала Ольга. Посмотрев на часы, он сел под деревом и, достав из мешка кисет с табаком, свернул цигарку.

«Скоро рассвет, – подумал он. – До Плющихи еще километров двадцать осталось».

Где-то вдали что-то грохотало, и трудно было понять что это – канонада или гром. Никитин посмотрел на девушку. Первые лучи солнца лениво, словно нехотя, проблескивали из-за горизонта и пугливо блуждали по кронам деревьев, прячась в кустах. Ольга спала. Её светлые волосы были веером разбросаны по противогазной сумке, которую она положила под голову, как бы шалью накрывая зелень брезента. По её лицу блуждала умиротворённая улыбка, а носик был слегка вздёрнут. Губы девушки были приоткрыты и похожи на распустившийся утренний цветочек. Никитин смотрел на нее, как завороженный, боясь пошевелиться и тем самым разбудить девушку.

– Ты что, Никитин, так разглядываешь меня? – неожиданно спросила его Ольга. – Чего уставился?

– Да так, сижу и наблюдаю за тобой. А что? – спросил он ее, почувствовав, как краска заливает ему лицо. – Красивая, вот и смотрю.

– Я встаю, Никитин, нужно идти…

Ольга поднялась с земли и стала отряхивать свою одежду от прилипших к ней травинок. Перекусив хлебом и рыбными консервами, они двинулись в путь. Гул канонады становился все отчетливей и отчетливей. В этом гуле уже отчетливо было слышно уханье тяжелых орудий.

– Лаврова! Ты слышишь?

– Да, – коротко ответила она. – Пошли, Никитин.

Выйдя к дороге, они с час лежали в траве, ожидая разрыва между следующими к фронту немецкими колоннами. Дождавшись своего часа, они перебежали дорогу и углубились в лес. Неожиданно для них они услышали шум мотоциклетного мотора у себя за спиной.

– Бежим! – крикнул Никитин и, схватив за руку Ольгу, они бросились бежать.

Позади них раздалась пулеметная очередь. Пули защелкали по стволам деревьев. Они с размаха повалились на землю. В этот момент на поляну выкатил мотоциклист. В люльке мотоцикла седел толстый немец, на глазах которого были надеты большие мотоциклетные очки. Немец дал еще одну длинную очередь, окончательно прижав их к земле.

– Хальт! – выкрикнул водитель мотоцикла и, заглушив двигатель, медленно направился в их сторону.

Никитин попытался пододвинуть к себе автомат, который при падении вылетел из его рук, но очередная очередь немецкого пулеметчика, свела его попытку к нулю. Лейтенант поднялся с земли и поднял руки вверх. Он медленно направился в сторону мотоциклистов, то и дела перекрывая видимость немцам. Не дойдя до них пять метров, он встал на колени.

– Ложись! – раздалось у него за спиной.

Это крикнула ему Лаврова. Никитин, как подкошенный упал лицом в траву. Длинная автоматная очередь опрокинула немцев. Лейтенант вскочил на ноги и, подхватив лежащий на земле автомат, бросился в лес. За ним, не отставая от него, бежала Ольга. Выбившись из сил, они повалились в траву. Обессиленные от бега, они повалились на землю. Никитин хорошо слышал, как тяжело дышала девушка.

– Спасибо, Оля… – с трудом переводя дыхание, тихо произнес лейтенант. – Скажи, если бы я не упал на землю?

– Тогда бы ты тоже погиб, – ответила Ольга. – Ты не мог попасть в руки к немцам. Это – приказ.

Этот ответ буквально шокировал Никитина. Он приподнялся с земли и посмотрел на девушку.

– Ты это серьезно? – спросил он ее.

– Шутка, Никитин, – ответила она и улыбнулась, заметив, как по лицу лейтенанта пробежала едва заметная тень разо-

чарования.

***

– Лаврова! – обратился Никитин к девушке по фамилии. – Расскажи, как ты пришла в ОГПУ-НКВД?

– Зачем это тебе, лейтенант, – с явной неохотой ответила Ольга. – Была девчонкой, осталась сиротой. Отца и мамку повесили белые. Отец пустил под откос воинский эшелон, а мать плюнула в лицо офицеру, когда дома они проводили обыск. Я в этот момент была у соседей и это, наверное, спасло мне жизнь.

Она замолчала и посмотрела на Никитина.

– Затем работала в Иностранном отделе ОГПУ. Похоже, работала не хуже других, была награждена именным оружием. Несколько раз была за границей….

– И как там? – спросил ее лейтенант.

– Трудно сказать, – уйдя от прямого ответа, произнесла Ольга. – Живут люди.

– Скажи, где так научилась стрелять? – поинтересовался у нее Никитин.

– На войне. Воевала сначала в Испании, затем на Финской. Учителя хорошие были.

Никитин свернул цигарку, но прикуривать, почему-то не стал. Молчание затягивалось.

– Скажи, ты, правда, хотела застрелить меня? – неожиданно для Лавровой спросил ее лейтенант.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? – выдержав паузу, спросила его Ольга. – Да, был такой приказ, если немцы захватят конвой, я должна была уничтожить тебя и Маркелова.

– Вон оно как, – ухмыльнулся Никитин. – Выходит, эти камни, что мы везли, были дороже, чем наши жизни.

Они замолчали. Каждый думал о чем-то своем. Лес тихо шумел кронами сосен.

«Тебе повезло, Никитин. Лежал бы ты сейчас вот под такой сосной и вороны бы с удовольствием терзали бы твое тело, – подумал лейтенант. – Кто бы мог подумать, что вот эта красивая девушка-смерть всегда была рядом с тобой».

Легкий ветерок трепал светлые волосы Ольги, которые выбились из-под ее платка.

«Как в этой девушке могут уживаться две сущности: красота и жестокость», – снова подумал Никитин, глядя на нее.

– Лаврова! Вы замужем?

– Сейчас уже нет, – ответила Ольга, повернувшись к нему. – Муж был арестован в 1937 году. Ты сам, наверное, помнишь, что творилось тогда в НКВД. Его обвинили в участии в заговоре против Сталина. Я чудом осталась на свободе, но пережить пришлось многое.

Она замолчала. Ее глаза наполнились слезами, но она быстро взяла себя в руки.

– Его расстреляли через две недели после ареста….

Никитин выдержал паузу и задал ей вопрос.

– Оля! Почему ты им служишь?

Лицо Ольги моментально поменялось. Черты вновь приобрели решимость и непоколебимость.

– Провоцируешь, лейтенант, – произнесла она, поднимаясь с земли. – Не нужно, я верна партии и товарищу Сталину. Нужно идти….

***

Старший лейтенант Сергей Воронин, командир полковой разведгруппы, замер на месте. Он был небольшого роста с раскосыми монгольскими глазами, широк в плечах, что делало его похожим на большой платяной шкаф. Большие сильные руки крепко сжимали в руках немецкий автомат. Большой опыт охотника заставил его насторожиться. Там, в метрах пятидесяти от его группы, среди густого орешника что-то скрывалось. Что именно, он не знал, и это заставило его лечь на землю.

– Каримов! – подозвал к себе сержанта Воронин. – Вон видишь те кусты?

Старший лейтенант рукой указал ему на орешник. Тот, молча, кивнул в ответ.

– Возьми двух человек, обойдите их слева. Посмотри, что там.

Пока группа Каримова обходила кусты, Воронин с напряжением вглядывался в зелень, стараясь разглядеть среди всей этой зелени притаившегося врага. Разведчикам не вез-

ло с самого начала рейда. При переходе линии фронта подорвался на мине один из разведчиков. Это вызвало большой переполох у немцев. Они более часа швыряли в небо гроздья ракет и стреляли по каждому бугорку. Все это заставило разведчиков залечь на нейтральной полосе и более двух часов ждать, когда стихнет стрельба.

В дальнейшем во время движения группы к Плющихе, где они должны были встретить группу сотрудников НКВД и вернуться с ними обратно, Воронина ни на минуту не покидало чувство опасности. Ему все время казалось, что они находятся под постоянным наблюдением. Вот и сейчас ему в очередной раз показалось, что за ними наблюдают из кустов. Время тянулось столь медленно, что от напряжения на лбу Воронина появилась испарина. Наконец в кустах показалась улыбающаяся физиономия Каримова. Он махнул рукой. Этот жест свидетельствовал об отсутствии опасности.

Воронин подошел к кустам и посмотрел сначала на землю, а затем на ветви кустарника. Одна из веточек была сломана.

«Значит, не показалось, – подумал Воронин. – Похоже, здесь размещался наблюдательный пост. Интересно чей? Если это были немцы, то почему они ушли, не вступив в бой? А если это были наши, то есть окруженцы, то снова вопрос, почему ушли? Одни вопросы…..».

Старший лейтенант достал карту и стал ее изучать. До назначенного места встречи оставалось около десяти километров. Взгляд его снова упал на сломанную веточку.

«А если немцы знают о разведгруппе, о ее задаче? – задал он себе вопрос. – Похоже, немцев интересует не их группа, а эти сотрудники НКВД, которых приказано доставить им через линию фронта. Наверное, ты прав, Воронин. Если бы немцев интересовала твоя группа, то они бы давно ее уничтожили».

– Каримов! Выстави охранение, мне что-то все это не по душе, – приказал Воронин.

– Что именно, товарищ старший лейтенант?

– Все это, – ответил Воронин и показал рукой на сломанную веточку. – Вот что, Каримов. Давай, разделимся на две группы? Со мной пойдут двое, а трое с тобой. Встретимся вот здесь, это в двух километрах от нужной нам точки. Если немцы идут по нашим следам, то пусть подумают за какой группой им идти.

– Как прикажите, товарищ старший лейтенант.

Воронин проводил взглядом спину Каримова, который замыкал свою группу и когда те исчезли среди зелени, повел свою группу.

***

Гауптштурмфюрер Вагнер был доволен. Он ходил по небольшой горнице, бросая взгляд на разложенную на столе карту. План пленения группы советских разведчиков, разработанный им три дня назад, осуществлялся без единой помарки. Оберштурмфюрер СС Бут безукоризненно выполнял

все пункты намеченных мероприятий – принял разведгруппу советских разведчиков и скрыто вел наблюдение за ней. Вагнеру через командование группы армий «Центр» удалось вывести гарнизоны войск с пути вероятного продвижения русской группы. Сейчас гауптштурмфюрер был озадачен, почему-то русские разделились на две группы.

«Что это? Они заметили наблюдение или ими двигают какие-то другие соображения? Как тогда поступить мне, за кем двигаться, – размышлял он. – А вдруг это очередная русская хитрость? Я пойду за одной группой, а это окажется пустышкой. Тогда это точно – конец. Кальтендрунер мне не простит очередной мой прокол. А это – штрафной батальон, фронт – в лучшем случае, в худшем – суд, концлагерь или расстрел».

От этих мыслей ему стало грустно. Он посмотрел на солдат, что с удовольствием поедали пищу из котелков, которым было глубоко плевать, что творилось у него на душе.

– Соедините меня с оберштурфюрером, – приказал он связисту и когда тот выполнил его приказ, Вагнер стал отдавать указания:

– Разделитесь на две группы и продолжайте преследование. Приказ прежний, всех брать живыми.

Он положил трубку и сел на стул, почувствовав какую – то нечеловеческую усталость. Единственным желанием, которое он сейчас испытывал, было напиться и забыться от всего, происходящего вокруг него. От этих веселых лиц солдат, от необходимости продолжать преследовать этих русских….

– Фельдфебель! Прекратить прием пищи, нужно двигаться, – отдал приказ Вагнер.

Через десять минут механизированная колонна двинулась в путь. До деревни Плющиха осталось километров пять, когда гауптштурмфюрер снова остановил колонну. Минут через десять с ним снова связался Бут.

– Господин гауптштурмфюрер, русские остановились, похоже, они чего-то заметили или кого-то ждут. Какие будут приказания?

– Ждать! – немного подумав, ответил Вагнер. – Смотреть и ждать, Бут.

Вагнер махнул рукой, подзывая к себе фельдфебеля.

– Перекрыть все выходы из деревни. Задерживать всех, независимо от того – живут они в деревне или нет.

– А как быть с нашими солдатами и офицерами, господин гауптштурмфюрер?

– Вам что не ясно? Я сказал всех!

Фельдфебель щелкнул каблуками и побежал к солдатам, которые спешились и ждали дальнейшей команды. Разбитые на группы, они стали расходиться по ранее намеченным постам. Проводив их взглядом, Вагнер достал сигарету и закурил. Теперь нужно было только ждать, когда в расставленную им ловушку попадут русские разведчики.

***

Никитин уверено шел по лесу, словно ему были знакомы

эти места. Эта уверенность не могла остаться незамеченной со стороны Ольги.

– Лейтенант! Тебе приходилось бывать в этих местах? – поинтересовалась она у Никитина.

– Почему ты меня спрашиваешь об этом, Лаврова?

– Уж больно ты шагаешь уверенно, – ответила Ольга, разглядывая пропитанную потом гимнастерку лейтенанта.

– Я раньше любил побродить по лесу с ружьем, а почему ты меня об этом спрашиваешь, – остановившись, спросил он Ольгу.

– Просто ты шагаешь так, словно проходил тренировки.

Никитин посмотрел на девушку. Правая рука ее находилась в кармане.

«Наверняка, там пистолет, – подумал он. – Не доверяет она мне».

– Я не буду возражать, если первой пойдешь ты.

Это предложение осталось незамеченным со стороны Лавровой. Она присела у березы и, сняв с плеча вещевой мешок, достала из него несколько сухарей.

– Вот возьми, – примирительно произнесла она и протянула ему четыре сухаря. – Завтра придется попоститься.

– Интересная ты женщина, Ольга. Я даже чуть не влюбился в тебя, думал, вот встретил, наконец, девушку…

– И что? – произнесла она.

На ее лице промелькнула едва заметная ухмылка.

– Да ничего. Видимо, Бог помог, отвел меня от тебя.

Лаврова громко засмеялась.

– Говоришь, Бог помог… Сейчас война, не до любви, Никитин. Притом, приказ есть приказ. После того что я пережила, я поняла одно, никому нельзя верить… Я читала показания своего арестованного мужа. Ты знаешь, он обвинял меня в измене Родине. Но Бог, как ты говоришь, отвел от меня беду. Ежова арестовали – это и спасло меня от стенки.

Она замолчала и, сунув в рот сухарь, стала его жевать. Молчал и Никитин. Он был просто поражен откровенностью сидящей перед ним женщины. Он хотел еще задать ей вопрос, но она жестом руки остановила его.

– Все, Никитин, все. Я и так тебе слишком много рассказала о себе. Не пришлось бы мне пожалеть потом об этом.

Лейтенант вынул из автомата магазин и, убедившись, что он полностью забит патронами, сунул его обратно.

– Скажи, Лаврова, ты меня тогда специально потащила в сторону, чтобы Маркелов остался один?

Она оторвала свой взгляд от цветка и посмотрела на Никитина.

– Зачем ты меня об этом спрашиваешь? Какой ответ ты ждешь?

– Правду, Лаврова, правду. В следующий раз на его месте могу оказаться и я.

– Если бы ты мне не был нужен, то ты бы тоже…

Она не договорила. Где-то послышались голоса. Никитин поднялся с земли и посмотрел на Ольгу.

– Уходим, – тихо произнесла женщина, и они стали углубляться в чащу.

***

Никитин, шедший первым, поднял руку. До места встречи оставалось буквально километра два-три. Лес, словно замер от напряжения – ни звука, дороги чисты – ни одного солдата, ни одной машины. Ольга последовала его примеру, присела за кустом и передернула затвор автомата. Лейтенант махнул рукой и они снова, осторожно ступая, двинулись вперед.

– Ты ничего не чувствуешь? – спросил Никитин Ольгу.

– Нет, а что?

– Мне показалось, пахнуло дымком. Ты побудь здесь, а я посмотрю… Только никуда без меня не уходи.

Девушка села под ель, а Никитин направился дальше. Он прошел метров триста, прежде чем увидел с десяток солдат, которые в овраге разогревали обед.

«Что они делают здесь в лесу, – подумал лейтенант. – Если развели костер, значит, находятся здесь довольно долго».

Развернувшись, он осторожно, стараясь не шуметь, направился обратно.

– Нам здесь не пройти, кругом немцы, – доложил он Ольге. – Нужно искать обходную дорогу.

Он достал карту.

– Да, ситуация, – произнес Никитин. – Как обогнуть, кругом болота. Не зная троп, там не пройти.

– Мы ждать не можем, – твердо произнесла Ольга. – Там наверняка нас уже ждут.

– Хорошо, давай попытаемся пройти правее…., – предложил ей Никитин.

Подняв с земли вещмешок, он закинул его за плечи, и они двинулись дальше, стараясь обойти немецкий заслон. Сделав большой крюк, они снова направились в сторону Плющихи, но в очередной раз напоролись на заслон немцев.

– Ольга! Тебе не кажется, что немцы кого-то ждут? – спросил он ее.

– Я тоже об этом подумала. Но откуда они знают о русской разведгруппе, которая должна встретить нас в этой Плющихе?

– Мне трудно судить о том, кто знал о нашем месте перехода. Могу сказать лишь одно, что немцы хорошо осведомлены об этом.

Где-то недалеко затрещала сорока. Никитин хорошо знал, что эта птица просто так трещать не будет, значит, ее кто-то напугал. Он и Ольга вовремя успели укрыться за деревьями. На поляну вышли два немецких солдата и, осмотревшись по сторонам, скрылись между деревьями.

– Что будем делать? – спросил ее Никитин. – Насколько я понял, немцы полностью заблокировали подходы к деревне.

– Ты думаешь, что я этого не вижу? Все вижу. Сейчас я думаю, как немцы могли узнать обо всем этом. Выходит, где-то «утекло» и это произошло там в Москве. Впрочем, какая

сейчас разница, вот выйдем, там и разберемся.

Неожиданно где-то впереди них вспыхнул ожесточенный бой. Перестрелка то затихала, то вспыхивала вновь с удвоенной силой.

– Что будем делать, командир? – спросил Никитин Ольгу.

– Вперед, если это наши, то нужно им помочь.

– Глупо, Лаврова. Ты видела сколько немцев?

– Ну и что? Мы обязаны помочь им!

Они ускорили свой шаг. Внезапно раздалось несколько взрывов и стало тихо. Никитин раздвинул ветки кустарника. Перед ними была небольшая поляна, на которой находились немцы. Они за руки оттаскивали трупы и складывали их в ряд в тени большой березы. Никитин приложил палец к губам и рукой указал Ольге, чтобы она обошла немцев справа. Немцы о чем-то громко говорили и жестикулировали руками. Без слов было ясно, что русские напоролись на немецкую засаду и были уничтожены пулеметным огнем.

Лейтенант откинул металлический приклад автомата и плотно прижал его к своему плечу. До немцев было метров тридцать и с такого небольшого расстояния, он промахнуться не мог. Поймав немца на мушку, он плавно нажал на курок. Тишину леса вспорола длинная очередь. Немец, взмахнул руками, словно пытался зацепиться за что-то невидимое в воздухе, и повалился на бок. Справа ударил автомат Ольги и немцы, словно зайцы, заметались по поляне, падая под ливнем пуль.

***

Старший лейтенант Воронин остановился и посмотрел на разведчиков. Где-то впереди шел бой. Он сразу догадался, что группа Каримова попала в засаду и, по всей вероятности, была уничтожена немцами. Однако, минут через десять вновь раздались автоматные очереди, которые внезапно оборвались, как и начались.

«Нужно уходить, – подумал он. – Рассчитывать на то, что кто-то там остался жив, не стоит».

Из глубины леса раздался шум автомобильных моторов. Сомнений не было, это были немцы.

– Товарищ старший лейтенант! Похоже, это группа Каримова, – произнес один из разведчиков. – Почему мы не помогаем им?

– Что за вопросы? Здесь я – командир и мне решать, помогать им или нет. Уходим! – приказал Воронин и первым бросился бежать в противоположенную звукам сторону.

Где-то за спиной загремели выстрелы, и послышался лай собак. Они выскочили на проселочную дорогу, и в этот момент по ним ударил пулемет. Два разведчика погибли моментально. Воронин залег за дерево и, сорвав чеку у гранаты, швырнул ее в кусты, откуда бил пулемет. Осколки, словно шмели загудели над его головой. Однако, стоило ему пошевелиться, как снова раздалась пулеметная очередь. Пули в очередной раз прижали его к земле.

– Сдавайся, ты окружен! – закричал кто-то из-за кустов на чистом русском языке. – Гарантирую жизнь!

– Кто ты такой, чтобы гарантировать мне жизнь, сволочь!

– Я – гауптштурмфюрер СС Вагнер…

Он не договорил, так его монолог оборвала очередь Воронина. Воспользовавшись секундной паузой, он вскочил на ноги и ринулся в глубину леса. Тра-та та-та- ударил ему вслед пулемет. Ноги обожгло раскаленным свинцом. Он со всего маха повалился в траву. Сквозь зелень, он увидел, как к нему направились немецкие солдаты. Воронин нажал на спуск. Автоматная очередь моментально отрезвила солдат вермахта. Они повалились на землю и залегли.

– Сдавайся! Ты окружен!

– Хрен вам! – хрипя от боли, выкрикнул Воронин. – Ну, кто из вас не хочет жить?!

Отстегнув от пояса гранату, он выдернул чеку и швырнул ее в сторону немцев. Граната упала не так далеко, как он хотел. Сильный взрыв потряс лес. Комья земли застучали по спине Воронина. Пелена поплыла перед его глазами.

«Похоже, контузило», – подумал он и снова нажал на спуск автомата.

Очередь была короткой, но снова заставила немцев припасть к земле.

«Вот и патроны закончились в автомате, – подумал он. – Из мешка достать … Едва ли они дадут».

Он взял последнюю гранату и выдернул чеку. Перевернув-

шись на спину, он стал смотреть в небо, по которому плыла большая серая туча. Туча закрыла солнце, и он моментально почувствовал холод, который исходил от нее. Немцы были рядом с ним. Он отчетливо слышал их голоса и шаги, которые приближались к нему. Воронин не был верующим, но в этот миг он почему-то вспомнил Бога.

«Отче наш, Иже есй на небесех! Да святится имя Твое…, – начал шептать он, удивляясь себе, что вдруг почему-то вспомнил молитву, которую в детстве читала его бабушка, – и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

– Не стрелять! – закричал немецкий офицер, одетый в черную форму. – Он нужен живой.

Воронин не понимал, о чем все время лопочет этот немец, но хорошо понимал, что они хотят взять его живым. Он еще раз взглянул на небо. Черная свинцовая туча освободила солнце, которое засияло, как никогда ярко. Он улыбнулся солнцу и разжал пальцы. Глухо хлопнул взрыв гранаты, разметав в разные стороны немецких солдат, которые окружили Воронина.

***

Ночь выдалась темная. Луну то и дело закрывали облака, которые ветер гнал с северо-востока. Дождь, зарядивший еще с утра, гулко стучал по листве и ветвям, поваленной взрывом яблони. Было сыро и зябко…

– Замерзла? – спросил лейтенант Ольгу.

– Не жарко, – ответила Лаврова, плотнее принимаясь к Никитину.

Он обнял ее и свободной рукой поправил сбившуюся с ее плеч плащ – палатку.

Где-то рядом звучала немецкая речь, прерываемая выстрелами из ракетницы. Яркие зеленые звезды вспыхивали в ночном небе и, шипя, словно змеи, падали на сырую землю. Они лежали в погребе разрушенного бомбой дома вот уже несколько часов, ожидая благоприятного момента для перехода линии фронта, но когда он наступит, не знали, ни Никитин, ни Ольга.

Снова где-то слева щелкнул выстрел, и в небе вспыхнула зеленая ракета. Тусклый зеленый свет слегка осветил местность. Никитин заметил, что до колючей проволоки было метров пятьдесят или чуть больше. Эти десятки метров отделяли их от позиций советских войск. Русская оборона молчала, лишь иногда где-то там, в темноте вспыхивал едва заметный огонек, и темноту ночи разрезала очередь из светлячков. Это бил трассирующими пулями станковый пулемет.

– Пора, – коротко произнес Никитин и они стали осторожно выбираться из погреба.

Они легли на землю и, медленно работая локтями, поползли в сторону русских позиций. Никитин моментально почувствовал, как предательская влага и грязь стали медлен-

но забивать все полости его формы и сапог. При очередной вспышке ракеты он оглянулся назад – Ольга ползла за ним в метрах пяти. До колючей проволоки оставалось метров десять, когда их движение заметил дежурный пулеметчик. Немец нажал на курок и вокруг Никитина и Ольги заплясали фонтанчики воды и грязи. Никитин прижался к земле, стараясь как можно плотнее вжаться в землю. Дав несколько очередей, пулемет замолк, но в небе по-прежнему беспрерывно горели ракеты, освещая все зеленым безжизненном светом.

Осмотревшись, Никитин пополз чуть левее, туда, где в «колючке» сиял довольно большой просвет, образованный взрывом крупного боеприпаса. Очередная пулеметная очередь прижала их к земле. Немецкая оборона неожиданно для него ожила, к дежурному пулеметчику подключились еще несколько. Они снова притихли, ни одного движения. Пуля обожгла щеку Никитина. Это было так неожиданно для него, что он невольно застонал.

Снова стало тихо, только по-прежнему небо разрывали вспышки ракет.

– Ты как? – спросил он Ольгу.

– Что у тебя с лицом? – спросила она.

– Зацепило, – еле слышно ответил Никитин. – Ничего, не смертельно.

Где-то недалеко ухнул миномет, затем другой. Воздух разорвал скрежет падающих мин. По спинам Никитина и Ольги застучала падающая сверху земля. Похоже, немцы би-

ли по площади, так как мины падали довольно хаотично, не причинив им каких-либо ранений. Они уже доползли до колючей проволоки, когда очереди немецкого пулемета в очередной раз прижали их к земле. Они сползли в воронку от авиабомбы и распластались на ее дне, переводя дыхание.

– Давай, я посмотрю, что с твоим лицом, – предложила ему Ольга.

Она достала из мешка бинт и, оторвав кусок, стала вытирать им сочившуюся из раны кровь.

– Может, перевязать?

– Ты что? Немцы сразу засекут и срежут первой же очередью.

Стрельба стала постепенно затихать, но небо по-прежнему было полно осветительных ракет.

– Готова? Давай, потихоньку. До наших траншей метров двести, не больше.

Дождь прекратился, и в разрывах туч показалась луна. Никитин выполз из воронки и, работая локтями, быстро пополз к «колючке». Преодолев ее, он оглянулся назад, Ольга ползла позади его. В этот раз по ним ударил уже наш пулемет. Пули прошли чуть выше их голов.

«Вот еще не хватало погибнуть от пуль своих товарищей», – подумал Никитин и прижался к земле.

Следующая пулеметная очередь выбила фонтанчики земли прямо перед его лицом. Стараясь подавить русский пулемет, немцы снова ударили по передовой из минометов. Над

их головами просвистели мины и впереди них выросли букеты из огня и земли. Выпустив несколько мин, немцы замолчали. Они снова поползли вперед, моля Бога, чтобы их не застрелили свои.

– Давай, сюда! – выкрикнул кто-то из темноты.

И они, ориентируясь на голос, поползли в ту сторону. Неожиданно раздался звук падающей мины. Никитин закрыл голову руками, ожидая взрыва. Он прогремел в метрах десяти от них, обдав их падающей землей. Лейтенант оглянулся назад, стараясь отыскать в дыму Ольгу. Чьи-то сильные руки схватили его за рукав гимнастерки и втащили в траншею.

– Там девушка, – произнес он, прежде чем рядом с ними раздался очередной взрыв мины.

***

Никитин сидел на наспех сколоченном из досок табурете и молча, смотрел в пол. Ему было сложно говорить, разбитые в кровь губы опухли и едва шевелились. Мимо него ходил сотрудник Особого отдела дивизии в звании младшего лейтенанта НКВД. Иногда он останавливался перед Никитиным и, подняв рукой его голову за окровавленный подбородок, пристально вглядывался в его лицо, словно хотел что-то прочитать в его заплывшихся от синяков глазах. Каждый раз после этого он вытирал свои пальцы грязным носовым платком и снова задавал одни и те же вопросы. Никитин вцепил-

ся в табурет руками, стараясь не упасть с табурета. Допрос шел уже четвертый час.

– Я еще раз тебя спрашиваю, сволочь, с каким заданием ваша группа перешла линию фронта? Мне нужна, правда и только, правда. Ты понял меня? – брызгая слюной, закричал ему в лицо младший лейтенант. – Молчишь, гад! Если будешь молчать, застрелю прямо здесь! Ты понял меня!

Младший лейтенант расстегнул кобуру и достал наган. Он приставил его к голове Никитина и взвел курок.

– Считаю до трех. Один….

– Я уже вам все рассказал. Свяжитесь с капитаном НКВД Наумовым, он подтвердит все, что я вам рассказал, – еле шевеля разбитыми губами, произнес Никитин. – Свяжитесь с капитаном Наумовым…

– Твой капитан Наумов давно погиб в Минске! Ты понял меня? Погиб! А мертвые рассказать ничего не могут! – опять закричал младший лейтенант прямо ему в ухо. – Мне надоело с тобой возиться, Никитин. Или ты мне все расскажешь, или я прикажу тебя расстрелять! Ты понял?!

Боец, стоявший у входа в сарай, размахнулся и ударил Никитина кулаком в лицо. Когда лейтенант, словно мешок свалился на пол, сотрудник Особого отдела криво усмехнулся.

– Кузьмин! Не так сильно. Ты убьешь его, а он мне живой нужен, – словно подводя итог разговора, произнес младший лейтенант. – Подними его. Что, не встает? Вон ведро с водой, вылей на него.

Боец, не проронив ни слова, выполнил приказ своего начальника. Когда Никитин затряс головой, сотрудник Особого отдела встал из-за стола и подошел к двери сарая, около которой затормозил мотоциклист.

«Кого еще черт принес, – подумал младший лейтенант, наблюдая за мотоциклистом. – Неужели ко мне?»

– Мне нужен Особый отдел, – обратился он к офицеру. – Где он у вас?

– Зачем, вам Особый отдел? – лениво поинтересовался младший лейтенант. – Откуда вы?

– Я, из Смоленска.

– Что у вас? – как бы, между прочим, спросил он офицера по особым поручениям.

– Пакет.

– Давай его сюда. Я из Особого отдела, младший лейтенант Кривоножкин. Еще что-то есть?

Мотоциклист протянул ему пакет. Кривоножкин взял в руки серый конверт и расписался в ведомости. Офицер козырнул и, сев на мотоцикл, покатил дальше.

– Посмотрим, что ты нам привез, – тихо произнес Кривоножкин, ломая печать из сургуча.

Он быстро пробежал глазами по тексту и посмотрел на Никитина, который по-прежнему продолжал лежать на земле.

– Кузьмин! Приведи в порядок лейтенанта, – приказал он бойцу. – Пусть умоется.

– В каком смысле в порядок, товарищ младший лейтенант? – Может, еще и побрить прикажите?

– Ты что, не понял? Его требуют доставить в Смоленск! Теперь. Так что дай ему свое лезвие, пусть и побреется.

Кузьмин плеснул в лицо Никитина остатки воды из ведра и когда тот снова замотал головой, помог ему подняться с земли и, придерживая лейтенанта за локти, повел его к кухне

***

Бои за Смоленск шли уже в пригороде. Отчетливо слышались выстрелы танковых пушек, треск крупнокалиберных пулеметов. В кабинет начальника Особого отдела армии вошла женщина и молча, положила на стол полученную шифровку из Главного управления НКВД СССР. Сделав глубокую затяжку, старший лейтенант НКВД Захарченко загасил окурок в пепельнице и взял в руки донесение. Офицер быстро пробежал глазами по шифровке. Судя по мимике его лица, он был не только удивлен сообщением, но и изрядно напуган.

– Трошин! Трошин! – громко закричал он. – Ты что, оглох!

В кабинет с испуганными глазами ворвался помощник. Он замер у двери. Судя по его виду, он был готов сделать все, чтобы спасти жизнь своему начальнику.

– Приведи ко мне лейтенанта Никитина! – распорядился Захарченко. – Ты что, не понял меня? Я же сказал доставить!

Володин и Трошин, два офицера Особого отдела, вышли из кабинета. Через несколько минут они ввели в кабинет Никитина.

– Садись! – предложил ему старший лейтенант. – Чай будешь?

– Не откажусь, – ответил Никитин. – Меня последние сутки только били и, сейчас мне как-то не верится, что вы меня угощаете чаем. Знаете, похоже, они мне что-то сломали – тяжело дышать….

– Сейчас приглашу врача, пусть посмотрит, что с тобой. Наши костоломы могут все, что угодно. Ты сам знаешь, чем ниже чин, тем больше прыти.

Офицер поднял трубку и приказал пригласить к нему в кабинет врача. Пока Никитин наслаждался вкусным чаем, в кабинет вошла женщина, на плечи которой был наброшен белый медицинский халат.

– Вызывали, товарищ старший лейтенант? – обратилась она к Захарченко.

– Вот, осмотри лейтенант. Жалуется, что тяжело дышать.

Врач долго осматривала синее от побоев тело Никитина, все цокала языком и покачивала головой

– Что головой трясешь? – грубо спросил ее Захарченко. – Сколько понадобится времени, чтобы поднять лейтенанта на ноги. Он мне живой и здоровый нужен.

– Могу сказать лишь одно, – тихо ответила врач, – что переломов у лейтенанта, нет. Это – первое, а теперь второе

– ему нужно немного полежать, полечиться. Не исключено, что у вас повреждения внутренних органов.

По лицу офицера пробежала едва заметная тень недовольства.

– Клава! Сделайте товарищу обезболивающий укол, а там посмотрим. Некогда нам долго лежать.

– Потерпите, товарищ лейтенант, сейчас боль пройдет, – произнесла врач.

– Спасибо, – прошептал Никитин разбитыми губами. – Еще раз, спасибо.

Губы у него были необычно толстыми и бесчувственными. Он попытался улыбнуться врачу, но у него ничего не получилось. В кабинет вошел мужчина средних лет с тремя шпалами в петлицах. Сидевший за столом Захарченко, вскочил на ноги и вытянулся в струнку. Капитан посмотрел на женщину, давая ей понять, чтобы она покинула кабинет. Когда врач вышла, он взял в руки стул и подсел к Никитину.

– Как здоровье, лейтенант? – поинтересовался у него капитан НКВД. – Поломали тебя эти дураки. Ты их прости – война.

– Я уже простил их, товарищ капитан. Тогда я просто думал, что убьют меня ваши люди из Особого отдела дивизии.

– Да, это ремесло они хорошо усвоили, – произнес капитан и улыбнулся. – Я здесь распорядился, чтобы они поставили тебя на ноги к завтрашнему утру. Сейчас тебя накормят, наверное, голодный…

Он посмотрел на сидевшего за столом Захарченко. Судя по поведению капитана, полномочий у него было значительно больше, чем у старшего лейтенанта. Это не осталось без внимания Никитина.

– Спасибо, товарищ капитан. Скажите, что с Ольгой? Я имею ввиду Лаврову…

Капитан промолчал, словно не услышал вопроса Никитина. Он поднялся и направился к выходу. В кабинет вошла врач.

– Поехали, Никитин, в госпиталь, там я осмотрю тебя еще раз.

Госпиталь оказался не так далеко от Особого отдела.

– Снимай с себя одежду, ее девочки из хозяйственного блока постирают.

В палату вошла медсестра. В руках у нее было что-то наподобие разноса, на котором стояла тарелка с борщом, также лежало несколько крупных кусков хлеба. Девушка поставила его на тумбу и направилась к двери.

– Сестра, ты не скажешь, кто этот капитан?

– Это заместитель начальника Особого отдела армии товарищ Гуревич.

«Что-то произошло, видимо они установили мою личность и сообщили обо мне в Особый отдел армии, а иначе бы меня просто забили или расстреляли в этом лесочке», – подумал Никитин, проводив медсестру взглядом.

Никитин с жадностью набросился на еду. Ему было стыд-

но за себя: он давился хлебом, словно боялся, что кто-то войдет в комнату и отберет у него еду.

Закончив прием пищи, он вытянулся на койке. За окном грохотала артиллерия, но это не мешало ему крепко заснуть. Впервые за последние недели он спал спокойно. Проснулся он оттого, что солнце светило ему в глаза. Никитин по привычке пытался нащупать свой автомат. Страх и ужас сковал его тело. Он открыл глаза, и не сразу понял, где находится. Услав шаркающие шаги, он повернулся на бок и посмотрел на вошедшего в палату врача.

– Как спалось, Никитин? – поинтересовалась у него врач.

– Спасибо, товарищ военврач. Давно я так сладко не спал, – ответил он.

– Все не так плохо, лейтенант. Синяки пройдут. Будем считать, что приказ капитана Гуревича мы выполнили. Конечно, было бы для тебя неплохо еще немного отдохнуть здесь, но видишь, что творится, какие идут бои. Идите, переоденьтесь в чистое белье.

Никитин вышел из палаты и, лавируя среди раненных бойцов, которые лежали вдоль стен коридора, направился к старшине госпиталя.

***

Никитин сидел рядом с капитаном Гуревичем и отрешенно смотрел в окно «Эмки», за которым беспрерывно двигались отходящие на восток колонны пехоты. Иногда его

взгляд выхватывал танки, но их было явно мало, чтобы остановить рвавшегося к Смоленску врага. Гуревич достал из нагрудного кармана гимнастерки портсигар и, открыв его, протянул Никитину.

– Кури, лейтенант, – предложил он и когда лейтенант взял в руки папиросу, взял и себе.

Он достал из кармана трофейную зажигалку.

– Прикуривай, Никитин.

– Куда мы едем, товарищ капитан, если это не секрет? – поинтересовался он у Гуревича.

Капитан не ответил, то ли, не хотел говорить, то ли, не услышав его вопроса. От этого молчания, которое как дамоклов меч висело в салоне легкового автомобиля, с каждой минутой становилось все тяжелей и тяжелей. Никитин снова захотел спросить капитана о Лавровой Ольге, но в этот момент из-за леса показалось звено немецких истребителей, которые, переливаясь серебром в лучах заходящего солнца, устремились к дороге. Машина резко затормозила и буквально уперлась радиатором в дерево. Никитин уперся рукой в сиденье водителя, открыл дверь машины и, схватив рукой вещевой мешок, буквально вывалился из нее. Пули вспороли полотно дороги, покрыв ее фонтанами поднятой пыли. Где-то в стороне от Никитина кто-то громко закричал. Самолеты, сделав разворот, снова устремились вниз.

Та, та, та, та – застучал пулемет. «Эмка» с какой-то неохотой оторвалась от земли и окуталась, словно в шаль, чер-

ным удушливым дымом. Сквозь дым пробились яркие языки пламени. Никитин перевел свой взгляд на тело водителя, который лежал недалеко от него. Ему оторвало кисть руки и из обрубка, пульсирующей струей хлестала яркая пахучая кровь. Лицо красноармейца было бледным, он, то терял память, то снова приходил в себя. Лейтенант вскочил на ноги и бросился к нему. Оказавшись около раненого бойца, он попытался перетянуть ему руку его же поясным ремнем.

– Ранен? – спросил его капитан.

– Кто, я? – переспросил он Гуревича, удивляясь, почему, тот спрашивает его об этом.

– Я о тебе? Ты что не понял?

Только сейчас Никитин заметил большое темное пятно на боку, которое становилось все больше и больше.

Лейтенант поднялся с колен и задрал гимнастерку. Пуля задела бок касательно и он, взяв из рук капитана бинт, стал перевязывать рану.

– Двигаться можешь? Давай, поймаем машину, – как-то буднично произнес капитан.

Его спокойствие в этот непростой для них ситуации просто поразило Никитина. Кругом лежали трупы людей, горела техника, а он был абсолютно спокоен и сосредоточен. Капитан выскочил на дорогу и, сжимая в руке пистолет «ТТ», начал тормозить идущие на восток автомашины. Наконец одна из машин, подняв столб пыли, притормозила около офицера.

– Ты что, охринел?! – закричал водитель, высунувшись из

кабины. – Я не посмотрю, что ты офицер, дам в морду!

Последние слова он произнес практически шепотом, заметив на рукаве гимнастерки офицера нашивку сотрудника НКВД.

– Простите, Христа ради, товарищ капитан НКВД. Не разглядел, обмишурился…

– Куда едешь?

– Туда, – замешкавшись, произнес водитель и рукой указал в сторону Москвы.

– Нам тоже туда, – ответил капитан и, махнув рукой Никитину, забрался в кабинку.

Лейтенант забросил в кузов вещевой мешок и быстро перебросил свое молодое тело в кузов грузовика. Стукнув ладонью по кабине, он сел на пол кузова. Машина дернулась и помчалась по дороге.

***

Машина, в кузове которой ехали Никитин и Гуревеч, двигалась медленно, утонув в плотном потоке отходящих на восток войск и беженцев. Полуторку бросало из стороны в сторону и им, сидящим в кузове, постоянно приходилось хвататься за борта кузова, чтобы не вылететь из него.

– Держись, Никитин! – подбадривал его капитан. – Доберемся, там и посмотрим, что с тобой.

Впереди показалась река, около которой столпилась масса народу. Жиденький мост, возведенный накануне саперами,

едва сдерживал напор техники и людей. Полуторка несколько раз дернулась и остановилась. Гуревич выбрался из кузова и, сделав несколько разминочных упражнений, посмотрел на водителя.

– Что будем делать, товарищ капитан? – спросил его Никитин. – Вы только посмотрите, сколько здесь народу…

– Не знаю, – коротко ответил Гуревич, – народу – море, все спешат переправиться на тот берег. Не дай Бог, если налетят…

Не успел он договорить, как из-за высокого берега, поросшего одинокими деревьями, показались немецкие «Юнкерсы». Они шли до того низко, что было до боли обидно, что в небе не было ни одного нашего истребителя, которые могли наказать немецких пилотов за их уверенность и наглость.

– Воздух! Воздух! – закричал кто-то из толпы, и море из человеческих тел моментально пришло в движение.

Кто бросился в кювет, кто в ближайший лесок. Никитин прижался к земле, и сейчас ему хотелось лишь одного – это втиснуться в нее так, чтобы немецкий летчик не рассмотрел его распластанную фигуру на речном песке. Взрывы, треск пулеметов, все слилось в единый гул, который давил людей, доводя отдельных из них до сумасшествия. Лежавший недалеко от него боец вскочил на ноги и, зажав голову руками, шатаясь и спотыкаясь, медленно побрел по берегу. Он прошел метров десять, прежде чем его срезала пулеметная очередь.

Неожиданно стало тихо. Где-то недалеко потрескивала горящая резина и черный удушливый дым, словно черное покрывало, повис над дорогой. Никитин поднялся с земли и стал отряхивать пыль с галифе и гимнастерки.

– Все живы? – услышал он голос капитана. – Ну и накрошил сволочь.

– Давай, в машину, нас пропустят без очереди, – приказал он водителю.

Машина тронулась и объезжая горящую технику, и разбросанные взрывами тела убитых бойцов, медленно направилась к мосту. К вечеру Никитин и Гуревич были в штабе армии. Начальник Особого отдела слушал доклад, попыхивая папироской.

– Отдыхай, лейтенант, – произнес он. – Утро вечера мудрей. Я свяжусь с Москвой и доложу по инстанции. И еще, я уже позвонил в госпиталь, так что идите, вас там ждут.

– Товарищ капитан! Разрешите вопрос?

– Что у вас Никитин?

– Меня интересует судьба моей спутницы – Ольги. Как она? Жива?

– Зачем вам это, Никитин?

– Пойдем, Никитин, – предложил капитан Гуревич и они вышли из кабинета.

– Может, вы мне объясните, товарищ капитан, что все-таки произошло? Почему мне никто не хочет ответить на мой вопрос?

Гуревич сделал загадочное лицо и, осмотревшись по сторонам, тихо произнес:

– Разве ты еще не понял? Настоящий конвой так и не вышел к Смоленску. Причина пока не ясна. Знаем только одно, что немцам не удалось захватить ценности. Ты что, так на меня смотришь, Никитин? Могу сказать тебе одно, что там люди были надежные и присвоить ценности не могли.

– Не может быть! Ведь все силы немцев были направлены на мой конвой. Как же так получилось? Наверное, были же установлены отдельные контрольные точки, в которых они должны были отмечаться? Как же так?

– Не знаю, лейтенант. В мою задачу входило лишь встретить этот конвой и отправить его в Москву, поэтому я не знаю всех тонкостей этого дела. Должны они были проходить через контрольные точки или нет, так, что не пытай меня.

Они подошли к небольшому дому, который стоял как бы особняком от остальных.

– Вот и пришли. Отдыхай. Завтра я к тебе зайду…

Капитан развернулся и направился в обратную сторону.

***

Утро выдалось теплым и безоблачным. Никитин вышел на крыльцо дома и, подняв руки вверх, попытался потянуться. Но резкая боль в раненом боку вернула его к действительности. Из-за кромки леса показался яркий краешек солнца. Природа просыпалась. Где-то тревожно прокричал петух и

в тот же миг раздался сильный взрыв, затем другой. Снаряды падали за домами, поднимая фонтаны земли и пыли. Лейтенант метнулся в дом и, схватив гимнастерку и пилотку, выскочил на улицу. Вслед за ним, по-стариковски ковыляя, устремилась хозяйка дома. Один из немецких снарядов угодил в угол дома, разметав его на бревна. Неожиданно обстрел прекратился. Стало тихо, лишь трещали горевшие бревна разрушенного дома. Из-за углового дома выехала «Эмка», которая остановилась в метрах пяти от Никитина.

– Лейтенант! – услышал он голос капитана Гуревича. – Давай, в машину. Не зацепило случайно?

– Пронесло, – ответил Никитин и, открыв заднюю дверь машины, сел в легковушку.

В салоне машины стояла тишина, молчали все: водитель, Гуревич и незнакомый Никитину мужчина средних лет, который сидел рядом с шофером. «Эмка» то увеличивала скорость, то замедляла свой бег, объезжая глубокие воронки, которые, словно оспа, украшали полотно дороги.

– Куда едем? – прервав молчание, спросил капитана Никитин.

– Приедем, увидишь, – последовал ответ. – Здесь не принято спрашивать.

В салоне автомобиля снова стало тихо. Машина свернула с дороги и, переваливаясь из стороны в сторону, словно старая больная утка, медленно двинулась по проселочной до-

роге. Неожиданно из-за кустов вышел боец с винтовкой наперевес.

– Стой! – громко скомандовал он и поднял вверх руку. – Пароль!

Машина остановилась. Капитан, чертыхаясь и ругаясь матом, выбрался из «Эмки». Он что-то сказал часовому и тот моментально исчез в зарослях кустарника.

– Выходите, товарищи, пройдемся немного пешком, – предложил им капитан.

Двигаясь по тропинке, чекисты оказались на небольшой поляне, на которой была развернута большая армейская палатка. Откинув полог палатки, первым в нее вошел капитан Гуревич. В палатке было душно и темновато, из-за чего Никитин не сразу разглядел комиссара НКВД третьего ранга. Гуревич сделал шаг навстречу комиссару и приложил руку к фуражке.

– Отставить доклад. Проходите вперед, товарищи, – произнес чекист. – Чай будете?

Все промолчали. На сколоченном из досок столе лежала карта.

– Вот посмотрите, товарищи, – произнес комиссар и рукой указал на карту. – Это обстановка на вчерашний вечер.

Все сгрудились вокруг стола. Комиссар взял в руки остро заточенный карандаш и ткнул им в карту.

– Посмотрите, вот отсюда был последний выход рации капитана Мезина. Это не так далеко, в пятидесяти километрах

от Смоленска. Сейчас в этом районе немецкие передовые части. Ваша задача лейтенант Никитин и ваша Иван Константинович, облазить весь этот район и во чтобы то не стало найти капитана Мезина, если он, конечно, еще жив. По возможности, организовать вывоз золота. Если это невозможно, то схоронить эти ценности. С вами пойдут еще несколько армейских разведчиков, именно они должны будут довести вас до этого места.

– Извините, товарищ комиссар третьего ранга, разведчики в курсе ценностей? – задал вопрос Никитин.

По лицу комиссара пробежала недовольная гримаса. Он посмотрел на лейтенанта так, что Никитин моментально понял, что совершил глупость, задав комиссару подобный вопрос.

– Конечно, нет. О вашей задаче знают всего несколько человек. Старшим группы назначается Иван Константинович. Приказом Наркома НКВД СССР он наделен неограниченными полномочиями. Задача ясна?

Все промолчали.

– Гуревич, – обратился комиссар к капитану. – Организуйте переход группы через линию фронта.

Капитан вытянулся в струнку. Комиссара вытер лоб носовым платком, надел фуражку и вышел из палатки.

***

Совещание, которое проводил Гитлер, подходило к концу.

Несмотря на открытые окна, в кабинете было жарко и душно. Неожиданно для всех из-за стола поднялся Розенберг.

– Мой фюрер! Мне не хотелось бы заострять ваше внимание, но, как член национал-социалистической партии, я не могу промолчать. Думаю, что Кальтенбрунер, наверняка, уже доложил вам о попытке большевиков переместить большие ценности из поверженного нашими войсками Минска в Смоленск. Мы не могли допустить этого, чтобы тонны золота, камней и других исторических ценностей попали в руки Советов.

Заметив неподдельный интерес в глазах фюрера, Розенберг продолжил.

– Однако, люди Кальтенбрунера, похоже, упустили этот конвой. Русской разведке удалось подсунуть ему ложный конвой, за которым и увязались его люди. В настоящее время, по имеющейся информации, «золотой конвой» не достиг конечной точки своего назначения и его местонахождение остается покрытым тайной.

В кабинете стало тихо. Взгляды присутствующих были устремлены на Кальтенбрунера. Из-за стола встал райхфюрер Гимлер.

– Мой фюрер! То, что конвой не прибыл в Смоленск, говорит о том, что наши доблестные части не позволили ему это сделать. Сейчас эти машины с золотом находятся на занятой нами территории, и я думаю, что мы обязательно найдем их и доставим в Германию.

Неожиданно для всех Гитлер посмотрел на безучастное лицо адмирала Канариса. Поймав на себе взгляд фюрера, Канарис поднялся. Его правая рука скользнула по гражданскому костюму, словно он хотел убедиться в том, что он не помят.

– Почему об этом мне не доложил абвер? Может, вы, адмирал, не в курсе всего этого?

– Мой фюрер! Абвер не может не знать об этом конвое. Два управления борются за этот конвой, забыв о разведке. Если они считают, что могут это сделать самостоятельно, то мне остается лишь наблюдать за их потугами.

По лицу Гитлера пробежала тень недовольства и сейчас все гадали, что или кто ее вызвал. О том, что между СД и абвером идет скрытая война знали практически все, присутствующие на этом совещании. Все ждали, куда качнется стрелка весов -в сторону абвера или СД.

– Мой фюрер! Я думаю, что поставленная перед СД задача вполне ей по плечу, – произнес Гимлер. – Я прошу оставить за СД эту начатую ими операцию.

Гитлер посмотрел на Канариса.

– Хорошо, Генрих. Пусть ваши люди доставят в Германию эти ценности.

Фюрер резко развернулся и вышел из кабинета.

***

Группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски сидел

за столом и внимательно слушал доклад штурмбанфюрера Франца Зикса. Неожиданно он хлопнул ладонью по столу и поднялся из кресла.

– Зикс! Я внимательно выслушал ваш доклад. Я не доволен вашей работой. Сколько вам еще нужно времени и людей, чтобы вы прочесали весь этот район. Неужели это так сложно сделать?

Бах-Залевски посмотрел на лицо Зикса, на котором читалась растерянность.

– Экселенц! Территория по размерам довольно большая, слишком много болот, лесов, – словно оправдываясь, произнес штурмбанфюрер. – Да и время….

– Что? – неожиданно для него группенфюрер повысил голос. – Франц! Если было бы так легко, я бы поручил это дело гауптштурмфюреру Вагнеру, а не вам. Из его служебной записки, русские машины крутились вот в этом районе, – произнес группенфюрер и ткнул пальцем в карту, лежавшую на столе. – Может, мне самому взять солдат и прочесать весь район, раз у вас это не получается?

Лицо Бах-Зелевски покраснело. Это говорило о том, что он крайне раздражен. Зикс втянул голову в плечи, ожидая разноса.

– Я вам даю еще две недели, штурмбанфюрер. Можете привлечь к операции батальон СС «Белорусь» и все полицейские части, которые дислоцируются в этом районе. Мне нужен результат! Вы меня поняли, Зикс!

– Спасибо за доверие, экселенц!

– Кстати, как ваш агент в НКВД? Он получил ваше указание?

– Так точно, экселенц! Он уже приступил к выполнению задания.

– Хорошо, штурмбанфюрер. Держите меня в курсе всех этих событий. Я не хочу испытать на себе гнев Кальтенбрунера.

– Я не подведу, экселенц!

Зикс выкинул руку в нацистском приветствии и, щелкнув каблуками, вышел из кабинета. Взглянув на двух рослых эсесовцев, стоявших на посту около дверей кабинета группенфюрера, он направился по коридору. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что ему удастся разыскать схроны русских, в которых они укрыли ценности.

При выходе из здания Зикс столкнулся с гауптштурмфюрером Вагнером. Тот привычно выкинул руку в приветствии и внимательно посмотрел на своего начальника, ожидая распоряжения.

– Вагнер! Мне снова пришлось выслушивать нелестные высказывания группенфюрера в наш адрес. Срочно нужен результат, а иначе – восточный фронт, это в лучшем случае, а в худшем…

Он не договорил, да и без слов было ясно, что ожидает гауптштурмфюрера в будущем. Зикс посмотрел на Вагнера и направился к ожидавшему его автомобилю.

***

Георгий Званцев всегда мечтал о погонах. В смутное время между февралем и октябрем семнадцатого года он вступил в ударный отряд, который ловил и пускал в расход дезертиров, мародеров. В те суровые дни безвластия Георгий носил на рукаве кителя белый череп и трехцветную нашивку. Знакомые ему женщины и друзья говорили, что офицерская форма очень шла ему, делала его солидным и значимым человеком в окружении знакомых и сослуживцев. Темные волосы, зачесанные назад, тонкие усики, изысканность манер лишний раз подчеркивали его дворянское происхождение.

После Отябрьской революции Званцев собрал личные вещи, которые уместились в вещевом мешке, и перебрался на Дон, к генералу Краснову. Вот там и состоялась та памятная встреча Георгия Званцева с бароном фон Мантейфилем, который руководил разведкой немецкого экспедиционного корпуса. Барон был худым, седым и совсем не привлекательным человеком, мимо которого можно было пройти, не обратив на него, никакого внимания. Он часто меня свой облик, то становился крестьянином, который прибыл в город для реализации продуктов со своего небольшого участка. Иногда он появлялся в ресторане в черном фраке и с бабочкой на шее. Что было неизменно для него – это великолепное знание русского языка и литературы, а также большие актерские таланты.

Барон не давал ему сложных или трудновыполнимых поручений, однако, платил исправно царскими золотыми червонцами. Вскоре Званцев получил внеочередное звание штабс-капитана, наградную шашку с георгиевским бантом на ножнах. Тогда Георгий не догадывался, что к этим наградам причастна немецкая разведка. Он был молод и не задумывался над этим. Никто, пожалуй, в контрразведке не догадывался о его второй жизни. Начальник контрразведки неоднократно отмечал его способность вести допросы, Званцев умело делал «маникюр», то есть загонял под ногти иголки и добивал уже не нужных ему пленных.

Особо Георгий любил принимать участие в массовых казнях, расстреливать красноармейцев и мужиков из пулемета. Разумеется, не у всех сослуживцев его рвение к расстрелам и массовым казням вызывало одобрение. Находились офицеры, что и здоровались с ним с брезгливым равнодушием, называя его за спиной «мясником», но ему было все равно. Своим трезвым, аналитическим и практическим умом Званцев не одобрял подобных интеллигентов и внутренне презирал их за слабость. Крушение Деникина он воспринял спокойно, без трагедии, не впустил в себя отчаяние, не пустил пулю в лоб, а вместе с напарником – вахмистром из юнкеров, тоже основательно «запачканного» пролетарской кровью, подался в среднюю Россию. Еще в прежние времена Званцев подготовил себе новые надежные документы, по которым он стал красноармейцем, раненным в боях за Крым.

На Тамбовщину он попал в трудное время. Интуиция подсказала ему, чтобы он не присоединялся к крестьянскому восстанию, так как шансов опрокинуть власть просто не было. По новым временам он вел себя незаметно и тихо. Однажды Званцева вызвали в ЧК. Это было так неожиданно, что он сначала решил не ходить, затаиться у своего знакомого до лучших времен. Но, просидев в доме около суток, Георгий набрался мужества и направился в ЧК. Званцев сидел в кабинете оперативника, который вот уже около часа пытался установить его личность. Чекист размахивал перед его носом револьвером, все время, угрожая ему расстрелом.

– Скажите, какая у вас настоящая фамилия? – беспрестанно задавал вопрос чекист. – Какой смысл упираться, если равно тебя завтра расстреляют. Умрешь ты Сидоровым или Ивановым, какая разница.

– Документы лежат перед вами. Я – красный командир, был ранен в боях за Перекоп, почему вы мне не верите? Да, бывший офицер, но кровь я проливал за Россию. Свяжитесь со штабом Фрунзе и вам подтвердят мою личность…

– Странный вопрос, господин штабс-капитан, почему я вам не верю. Я хорошо осведомлен, что вы – бывший сотрудник деникинской контрразведки, а не красный командир. Вот почитайте заявление, вас опознал гражданин Северцев, которого вы в свое время пытали.

«Вот он конец! – промелькнуло в голове Званцева. – Но этого не может быть, я никого не оставлял живым. Северцев?

Я не помню Северцева! Это провокация!»

Званцев взял в руки бумагу, на которой большими кривыми буквами сообщалось о нем. Георгий улыбнулся и вернул назад заявление.

– Бред. Он у вас в своем уме или нет? Может мне раздеться и показать вам свои раны, которые я получил в боях за Советскую власть?

Чекист, словно не слыша слов Георгия, продолжал что-то писать, слюнявя огрызок карандаша. Наконец он оторвал свой взгляд от листа бумаги и посмотрел на него.

– Посмотрим, что вы скажите, когда сюда войдет гражданин Северцев.

Чекист поднялся из-за стола и направился к двери.

***

Где-то на улице щелкнул выстрел, затем второй. В ту же секунду тишину разорвала длинная пулеметная очередь. Это в город входила одна из сотен атамана Антонова. Оперативник побледнел и на какой-то миг забыл о нем. Он выхватил из кобуры «Наган» и бросился к окну.

«Что делать? – промелькнуло в голове Званцева, – Убить чекиста и бежать или остаться?»

Он взял со стола в руки заявление Северцева и сунул его в карман брюк. Что-то остановило его. Пуля ударила чекиста в плечо и тот с громким стоном, упал около стола. Револьвер вылетел из его руки и оказался у ног Званцева. Георгий

подобрал оружие и выстрелил чекисту в голову. Дверь кабинета приоткрылась и в помещение, вжав голову в плечи, вошел мужчина. Званцев сразу узнал его, это был рабочий из мастерских по ремонту паровозов – Северцев. На лице вошедшего мужчины был страх. Георгий поднял револьвер и дважды выстрелил ему в лицо, а затем начал стрелять по антоновцам.

Где-то на втором этаже застучал ручной пулемет. Званцев отчетливо слышал звон латунных гильз, которые, словно танцоры, запрыгали по мраморным ступеням здания. Неожиданно пулемет замолк. В здании ЧК стало тихо. Недолго думая, Георгий метнулся наверх и, оттащив убитого чекиста от пулемета, открыл огонь по атакующим мятежникам.

Через день он уже работал в ЧК. Опыт работы в контрразведке заметно выделял его из среды других сотрудников ЧК. Через год его перевели в Тамбов, затем в Петроград. Он уже стал забывать свое прошлое, но оно само напомнило ему о себе. Он шагал по Невскому проспекту, когда к нему подошел незнакомый мужчина.

– Извините, но мне знакомо ваше лицо, – тихо произнес мужчина. – Что у вас с лицом, гражданин старший лейтенант?

Он машинально коснулся рукой щеки, где был небольшой шрам, оставленный шашкой красноармейца.

«Откуда он мог знать о нем?» – невольно подумал Зван-

цев, чувствуя, как волна страха буквально захлестнула его.

– Откуда вам известно об этом? – спросил он зараз охрипшим голосом.

«Что делать? – мелькнуло у него в голове. – Бежать?»

– Успокойтесь! Я не побегу в ОГПУ докладывать им, кто вы на самом деле. Я просто хочу передать вам привет от одного нашего общего знакомого.

– Какого знакомого? У меня много разных знакомых.

– Это ваш старый и добрый знакомый.

Мужчина загадочно улыбнулся Георгию. Он назвал имя барона. Званцев почувствовал, как земля словно колыхнулась под его ногами. Но это продолжалось лишь долю секунды.

– Что вам нужно?

– Пока ничего. Мы просто напомнили вам, что вас никто не забыл.

Мужчина передал ему довольно толстую пачку денег и бумажку, где было написано лишь одно слово: «Жди»

***

В палатке стало тихо. Никитин с интересом посмотрел на Ивана Константиновича, стараясь угадать, кто он и как он мог оказаться участником этой сложной операции. Мужчина поймал на себе взгляд лейтенанта и усмехнулся. Достав из кармана пачку папирос, он закурил. Судя по его поведению, он ждал от Никитина вопроса.

– Разрешите спросить, как к вам обращаться, я имею в виду по званию? – спросил его лейтенант?

– Зачем тебе мое звание? Вот так и называй, Иван Константинович, – произнес он. – Я не люблю, когда меня называют по званию. Это слишком, казенно. А что? Есть какие-то сложности, лейтенант.

Взглянув на них, капитан Гуревич начал свой инструктаж. Он говорил долго, в том числе о немецких частях, которые противостоят им на участке перехода. Лицо капитана было каменным, ни улыбки, ни других, свойственных человеку эмоций. Его темные, вьющиеся волосы были зачесаны назад, и в эти минуты он был больше похож на артиста, чем на офицера НКВД. Внешне он был очень спокоен, о том, что он волнуется, говорили руки, которые слегка подрагивали. Гуревич то и дело бросал свой взгляд на Ивана Константиновича, который с нескрываемым интересом слушал его инструктаж. Он иногда делал какие-то записи в своей маленькой записной книжке.

– Извините, Иван Константинович, но вести записи категорически запрещено руководством НКВД. Вы же это хорошо знаете.

– Вы правы, капитан, просто – это привычка.

Иван Константинович был невысокого роста, широк в плечах. Его руки чем-то напоминали грабли, были длинными и сильными. Его скуластое лицо было покрыто веснушками.

– Надеюсь, вы окончательно усвоили поставленную перед вами задачу? – словно подытоживая свой инструктаж, произнес Гуревич, поправляя свои волосы. – Если что-то непонятно, спрашивайте сейчас, там спрашивать будет некого.

Никитин посмотрел на Ивана Константиновича, как на своего командира. Тот, откашлявшись, ответил:

– Задача ясна, капитан, когда выход?

Оттого, что он назвал капитана Гуревича просто капитаном, Никитин сразу понял, что он был выше по званию.

– Я хотел бы лично отобрать людей, – неожиданно для Гуревича произнес Иван Константинович.

– Вы что не доверяете мне? – спросил его капитан. – Все люди проверенные, не раз ходили за линию фронта.

Иван Константинович промолчал, давая ему понять, что вопрос Гуревича он просто проигнорировал.

– Соберите людей, – распорядился он, – не забудьте про радиста.

…. Красноармейцы стояли и наблюдали за реакцией мужчины, одетого в пыльник. Иван Константинович остановился напротив одного из бойцов и ткнул в его грудь своим кривым пальцем.

– Красноармеец Добровольский, – на одном дыхании выпалил боец.

– Где воевал? – спросил его Иван Константинович.

– В финскую компанию в разведке, – отчеканил тот.

– Выйди из строя, – приказал Иван Константинович и по-

шел дальше, вдоль строя.

– Фамилия?

– Красноармеец Яковлев.

– Выйди из строя.

Наконец он остановился перед бойцом, у ног которого стоял зеленый фанерный ящик с радиостанцией. Смерив его взглядом с ног до головы, Иван Константинович, приказал ему выйти из строя.

– Остальные все свободны, – устало произнес он. – А вы, все за мной.

Они снова вошли в палатку. Он представил разведчикам лейтенанта Никитина.

– Сегодня ночью уходим, – как-то буднично произнес он. – Сейчас всем отдыхать. Об операции ни слова.

Разведчики покинули палатку и разошлись в разные стороны. Неожиданно в палатке зазвонил полевой телефон.

– Да, капитан Гуревич. Есть включить в группу еще одного человека, – произнес офицер и посмотрел на Ивана Константиновича.

– Вы, наверное, уже и так поняли. Приказ включить в вашу группу еще одного сотрудника НКВД. Этим человеком буду я.

Иван Константинович кивнул головой и вышел из палатки.

***

Званцев закрыл сейф и направился к выходу. В коридоре его остановил заместитель начальника городского отдела НКВД.

– Как идут дела? – спросил он Григория. – Кручу одну группу троцкистов. Все отрицают. Особенно Ефремов, товарищ капитан. Твердит, что вместе с Владимиром Ильичем Лениным был в эмиграции, что член партии с 1903 года…

– Прижали мы их, вот и визжат… Зайди завтра ко мне, есть серьезный разговор.

Григорий осторожно вошел в кабинет и в нерешительности остановился около дверей.

– А, это ты, проходи, – произнес капитан.

Когда Званцев сел за стол, хозяин кабинета пододвинул ему портсигар с папиросами.

– Кури, – предложил капитан Григорию. – Дело в том, что Генрих Ягода смещен с должности и арестован.

– За что?

– Сейчас не стоит об этом спрашивать, так как за подобные вопросы можно оказаться в списках заговорщиков. Ежов сейчас начнет чистить аппарат.

Капитан замолчал и посмотрел на Звягинцева.

– Главное сейчас – остаться на плаву. Я составляю списки сторонников Ягоды. Их в нашем городском управлении не мало. Вот посмотри, если у тебя есть какие-то дополнительные кандидатуры – внеси.

Григорий взял в руки списки и начал читать. В них было

чуть меньше половины сотрудников управления.

– Товарищ капитан, что и Гогидзе – враг? Он же начинал под руководством Орджоникидзе?

– Это ничего не меняет, кто и с кем начинал. Ты помнишь слова Сталина о классовой борьбе? Что сказал вождь, что борьба только усиливается с каждым годом…

Григорий задумался. Он моментально вспомнил младшего лейтенанта Голышева из отдела кадров, который обещал устроить в отношении его проверку.

– Товарищ капитан, внесите в список Голышева из отдела кадров. Я сомневаюсь в его искренней преданности пролетарской революции.

– Хорошо.

– Разрешите идти, товарищ капитан?

– Идите.

Уже вернувшись в свой кабинет, Званцев приказал ему доставить в кабинет подследственного Мехельсона, обвиняемого в организации зиновьевской ячейки.

– Присаживайся, – приказал Григорий арестованному, когда того завели к нему в кабинет.

Мехельсон сел на табурет и посмотрел на чекиста.

– Садись к столу! – приказал арестованному хозяин кабинета. – Возьми бумагу и начинай писать.

Званцев начал диктовать текст. Мехельсон несколько раз останавливался и смотрел на Григория, но тот словно не обращая внимания на арестованного, продолжал начитывать

ему текст. Когда тот закончил писать, чекист приказал отвести его обратно в камеру. Званцев хорошо знал, что завтра Мехельсон и с ним еще пятнадцать человек будут расстреляны. Когда за ним закрылась дверь, Григорий еще раз прочитал текст, в котором сообщалось, что руководил их подпольной зиновьевской группой заместитель начальника городского отдела НКВД. Именно от него они получали задания и инструкции по подрыву Советской власти. Довольно улыбаясь, он сложил лист пополам и вложил его в конверт. Написав на нем адрес, Григорий сунул его в портфель. Через неделю, капитан НКВД, заместитель начальника городского управления был арестован, а через три недели расстрелян.

Званцев получил направление в центральный аппарат НКВД. Через две недели он уже шагал по булыжной мостовой столицы.

***

Ночь выдалась темная. Луна то выныривала из облаков, то снова тонула в них. Где-то недалеко то и дело бил немецкий пулемет, словно споря с тишиной. Впереди двигались трое саперов, они снимали противопехотные мины, которые сами установили два дня назад. Немцы то и дело швыряли в небо ракеты, которые освещали не живым светом кусты и кочки. Иногда немецкие пулеметчики открывали огонь по невидимым им целям, давая тем самым понять, что они не спят.

– Товарищ командир, кажется все. Там за кустами уже чи-

сто, – произнес сержант-сапер. – Удачи вам…

– Спасибо, сержант, – ответил ему Иван Константинович. – Дальше мы сами.

Где-то в метрах сорока хлопнул выстрел и в небо, шипя, словно пчела, ушла зеленая ракета. Командир приложил палец к губам и все моментально затаились, стараясь вжаться в землю. Ракета погасла и снова стало темно.

– Давай, вправо, – тихо приказал Иван Константинович. – Обойдем охранение.

Все активно заработали локтями и, прикрываясь густыми кустами, стали огибать немецкий дозор.

– Хальт! – испуганно закричал немецкий солдат, заметив их. – Хальт!

В ту же секунду длинная пулеметная очередь разорвала тишину ночи. Огненная трасса, словно коса, срезала кустарник, за которым они находились. Пули засвистели над головами, заставив их прижаться в землю. Добровольский размахнулся и швырнул гранату в темноту, стараясь угадать место, из которого стрелял пулемет. Взрыв гранаты буквально ослепил разведчиков. Разведчики продолжали лежать неподвижно, гадая – жив пулеметчик или нет. Прошло пять минут. Они снова двинулись вперед. Пулемет молчал…

– Вперед! – громко скомандовал Иван Константинович и, вскочив с земли, устремился в темноту леса.

Они упали на землю раньше, чем в небе вспыхнула очередная немецкая ракета. Командир подполз к Добровольско-

му и схватил его за грудки.

– Ни шагу без моей команды, ты понял? – прошипел он со злостью. – Здесь я командую… Главное, чтобы немцы не догадались, что мы у них в тылу, а иначе, жить нам не больше суток. Ты понял?

– Понял, – прошептал Добровольский и со страхом посмотрел на Ивана Константиновича. – Я же, как лучше хотел…

– Раз понял, вперед, – скомандовал командир. – Чего молчишь, Никитин?

– Вы – командир…– произнес лейтенант на выдохе. – Как скажете – вперед, значит вперед.

– Не скажите, а прикажете. Усвоил?

– Да, – коротко ответил лейтенант и направился вслед за Добровольским, чья спина маячила в метрах пяти впереди него.

***

Группа разведчиков миновала лес и вышла к дороге. Несмотря на темноту, по ней, не останавливаясь, пылили грузовики с пехотой. Иван Константинович разложил карту и, укрывшись палаткой, включил фонарик. Никитин лежал рядом с ним и наблюдал, как тот изучает карту. Иван Константинович взглянул на лейтенанта и ткнул пальцем в точку на карте.

– Последний их выход рации был вот из этого района, – словно размышляя сам с собой, произнес Иван Костантинович, тыча пальцем в карту. – До этого места около семидесяти километров. Если не нарвемся на немцев, то дня за два-три сможем выйти в этот район.

– Трудно сказать, Иван Константинович. Здесь немцев больше чем грибов, – в тон ему, произнес капитан Гуревич. – Утром немцы поймут, что в тыл к ним ушла разведгруппа, вот тогда они и заблокируют район.

– А если не выйдем? – задал вопрос Никитин. – Что тогда?

– Что значит, не выйдем? Я что-то не понял тебя, лейтенант! Есть приказ, следовательно, его нужно выполнять.

Они поднялись с земли и бегом направились в глубину леса. Несмотря на то, что Никитин считал себя неплохим спортсменом, он сразу понял, что ему не угнаться за Иваном Константиновичем.

– Командир, нужно остановиться, – обратился он к нему. – Бойцы отстали, нужно их дождаться.

Они вдвоем повались на землю. Минут через пять на поляне появились Добровольский, Яковлев и радист. Замыкал группу капитан Гуревич.

–Как там? – спросил его Иван Константинович.

– Тихо! – ответил Гуревич. – Похоже, немцы пока не засекли наш переход.

– Привал десять минут, – произнес Иван Константинович. – Пока темно, нужно как можно дальше углубиться в

лес.

***

Разведгруппа шла всю ночь, еще не зная, что немецкая служба безопасности уже получила приказ о ее захвате. Оберштурмфюрер СС Вильгелм Хац уверенным шагом направлялся к грузовику, около которого его ждал унтершарфюрер СС Вальтер Штольц.

– Штольц! Срочно нужны собаки. Езжайте к Мазголю, пусть выделит мне опытных людей с собаками, начинаем охоту на русских разведчиков. И еще. Поднимите людей как его – Мельникова. Они хорошо знают эти места и должны нам помочь в их розыске. Начало операции в полдень.

– Яволь, господин оберштурмфюрер, – отчеканил Штольц и, отдав честь, побежал к мотоциклу, который стоял в тени векового дуба.

Проводив его взглядом, офицер сел в кабину грузовика. Машина выбросила из себя клуб черного едкого дыма и медленно двинулась в сторону ближайшей деревни, где размещалась районная комендатура. Оберштурмфюрер, не отрываясь, глядел на дорогу, которая петляла по лесу. Несмотря на солнечное утро, Вальтер держал свой автомат на коленях. Его подразделение фельджандармерии отвечало за безопасность тыловых коммуникаций и он хорошо знал, что этот лес скрывал еще многих красноармейцев, которые, по-прежнему не потеряли надежду перейти линию фронта. Несмотря

на то, что в кузове грузовика находилось около десятка солдат, чувство опасности не покидало его ни на минуту.

Неожиданно из глубины леса раздался одиночный выстрел и пуля, пробив лобовое стекло, обожгла его голову. Машина резко затормозила, и этот маневр спас ему жизнь. Вторая пуля, пробив деревянный борт грузовика, ранила солдата в спину.

– Шнель! Шнель! – закричал он, выпрыгивая из кабины машины.

Солдаты, повинуясь приказу офицера, быстро выстроились в цепь и медленно двинулись вглубь леса. Вильгелм Хац шел позади цепи, держа в руках «Парабеллум». Неожиданно идущий слева от него солдат открыл огонь по кустам. Цепь, словно испугавшись выстрелов, сосредоточила огонь автоматов по ближайшим от них кустам. Пули рубили ветви кустарника, срубали молоденькие березки и елки.

– Отставить! – приказал он солдатам. – Прочесать кусты!

Солдаты осторожно направились к кустам, держа оружие наизготовку.

– Господин оберштурмфюрер! Здесь – русский, он еще живой!

Офицер сунул пистолет в кобуру и направился в сторону кустов, за которым лежал раненный красноармеец. Эсесовец толчком сапога отбросил в сторону винтовку и посмотрел на офицера. Вильгелм внимательно посмотрел на красноармейца, голова и грудь которого были в крови. Он нагнулся над

ним и, встретившись взглядом с красноармейцем, отпрянул в сторону. В глазах умирающего бойца было столько ненависти, что ему показалось, что тот готов схватить его за горло. Офицер развернулся и направился в сторону машины. За спиной оберштурмфюрера хлопнул одиночный выстрел.

«Дикари, – подумал офицер, – на что он надеялся? Вот и эти фанатики, которые перешли линию фронта, наверняка, такие же – умрут, но не сдадутся».

Хац сел в кабину грузовика и достал из сумки карту.

«И так, перешли они линию фронта вот на этом участке, – размышлял он, водя по карте пальцем. – Главное определить, в каком направлении они будут двигаться».

Насколько он знал, накануне перехода русских, руководство службы безопасности уже знало о планируемой русскими операции и поэтому решило пропустить группу в тыл. Задача его роты – заблокировать русских вот в этом районе, разобщить группу и взять их в плен. Вроде бы задача проста, на первый взгляд, но это – лишь на первый взгляд.

***

Никитин лежал на спине и смотрел в ночное небо. Над ним раскинулась всепоглощающая чернота, усыпанная знакомыми и незнакомыми созвездиями. Милая, такая домашняя Большая Медведица давно скрылась за горизонтом, откуда торчал лишь короткий хвостик Малой Медведицы с Полярной звездой, а на противоположной стороне чёрного ку-

пола грозно выглядывал обломок Южного Креста. Огромный бесконечный океан был накрыт бесконечным космосом и Никитин, прикрыв глаза, представил себе, что на стыке этих бесконечностей ползёт мелкая металлическая козявка, на которой примостилась крохотная пылинка, именуемая человеком. Он повернулся в сторону и посмотрел на спящего рядом с ним Яковлева. Из открытого рта бойца вырывался могучий храп, который, то пропадал где-то в глубине его могучей груди, то вырывался, как вырывается из тоннеля локомотив, с ревущим гудком. Недалеко от него сидел на пеньке Добровольский, на коленях которого лежал немецкий автомат.

– Давай, иди, отдыхай, – тихо произнес Никитин. – Мне что-то не спится… Скоро рассвет…

– Спасибо, товарищ лейтенант, – ответил боец и направился к сосне, где совсем недавно отдыхал Никитин.

Сегодня вечером они вышли в эфир и сообщили, что приступили к выполнению задания. Ответ Центра был предельно лаконичным, он пожелал им успеха. До нужного им района было еще далеко, не менее двух суточных переходов.

Небо на востоке сначала посерело и это серая пелена, словно ластик, стерла всю красоту звездного неба. Из оврага неслышно поползла белая пелена тумана, которая быстро поглотила деревья и кусты. Стало влажно и прохладно. Никитин встал с пенька и сделал несколько разогревающих упражнений. Где-то вдали послышался шум автомобильно-

го мотора, а затем послышался треск автоматов.

«Интересно, что немцам не спится?» – успел подумать Никитин, прежде чем до него донесся лай собак.

Он толкнул в плечо Ивана Константиновича.

– Вы слышите? – спросил лейтенант его. – Похоже облава!

– Что слышите? – недовольно спросил его командир.

– Собаки, – коротко ответил ему Никитин.

Откуда-то сбоку послышался собачий лай. Иван Константинович вскочил на ноги и стал быстро будить бойцов.

– Уходим! Быстрее, быстрее! – скомандовал он и устремился по оврагу вглубь леса.

Они неслись по лесу словно ветер. Возникшее где-то внутри чувство смертельной опасности удваивало их силы. Наконец по команде Ивана Константиновича они повалились на землю. Ни у кого из них не возникло никаких сомнений, что немцы разыскивают их группу, а ни какую другую.

– Командир! Как немцы узнали о нашей группе? – спросил Никитин Ивана Константинович, задыхаясь от бега. – Ведь они ищут нас?

– Не знаю, лейтенант, не знаю. Думаю, что где-то протекло…, – ответил он и посмотрел на капитана, словно тот мог ответить на этот вопрос.

Гуревич отвернулся в сторону и промолчал, а затем, словно очнувшись от сна, тихо произнес:

– Что будем делать? Не хотелось бы самим навести немцев на золото.

Иван Константинович так посмотрел на капитана, что тот сразу понял, что реплика его просто неуместна в этой ситуации.

– Привал пять минут, – приказал командир.

Время пролетело незаметно. Бойцы с трудом поднялись с земли и медленно шагая, побрели вслед за командиром.

«Как они вышли на нашу группу? – размышлял Никитин. – Выходит, кто-то сдал нас, но о нашей группе знало лишь ограниченное количество людей, значит, кто-то из них. Интересно, Иван Константинович сообщит об этом в центр или нет?»

Он посмотрел на командира, который шел впереди группы. Широкая спина, сильная шея, мощные руки говорили о его могучей силе. Говорил он короткими фразами, четко расставляя все акценты. Обычно так говорят люди, уверенные в себе, привыкшие самостоятельно решать поставленные жизнью задачи.

«Уверенно ведет по лесу, словно бывал здесь не раз», – подумал Никитин.

Словно прочитав его мысли, Иван Константинович обернулся и посмотрел на лейтенанта, который замыкал их небольшую группу. Где-то недалеко затрещали выстрелы, которые словно допинг заставил их ускорить шаг.

***

Обертштурмфюрер СС Вильгелм Хац шел за цепью жан-

дармов и полицейских, которые, рассыпавших в цепь, прочесывали лес. Было прекрасное утро. Солнце еще не достигло зенита и поэтому было еще не очень жарко. Треск цикад, пенье птиц, полностью завладели мыслями Хаца. Он думал о родной Баварии, где проживали его родители. Там тоже был похожий лес, треск цыкат и пенье леса, но это было там, а сейчас он шел по лесу, срубая головки ромашек своим стеком.

Он хорошо знал историю гауптштурмфюрера СС Вальтера Вагнера, который более месяца гонялся за ложным «золотым» конвоем русских, упустив из вида настоящий конвой. Руководство СС не простило ему этого промаха, и вскоре он оказался сначала в окопах, а затем был переведен в аппарат гестапо. Сейчас все по-другому, сейчас он идет по следу русской разведгруппы, которая должна привести его к золоту. Брать сейчас этих русских было бы большой ошибкой, никто из них не владел нужной им информацией. Шагая по лесу, он просто играл с ними, даря им какую-то надежду оторваться от его людей. Они бежали от него, не предполагая, что сами загоняют себя в мешок, из которого нет выхода. Хац невольно вспомнил один из законов разведки – прежде чем войти, подумай, как оттуда выйти. Похоже, русские плохо знали этот закон и сейчас они стремились именно туда, откуда не было выхода.

– Господин обертштурмфюрер, вон там они отдыхали, – выпалил ему унтершарфюрер Вальтер Штольц, подбегая к

нему. – След свежий! Если спустить собак, то непременно догоним!

– Никаких собак! – приказал он подчиненному. – Вперед! Дайте команду, пусть ваши солдаты понемногу стреляют. Я хочу, чтобы эти русские всегда ощущали себя в роли дичи.

Солдаты снова ринулись вперед. Собаки рвались с поводков, оглашая лес своим надрывным лаем. Где-то в стороне от цепи полицаев раздался винтовочный выстрел, который моментально разразился в беспорядочную стрельбу.

– Кто стрелял? – громко спросил офицер переводчика. – Кто стрелял, я спрашиваю вас!

Тот быстро перевел его вопрос. Из цепи вышел молоденький полицай. Его черный мундир с белой повязкой на левом рукаве мешком сидел на его худом теле. Он что-то быстро сказал переводчику и рукой указал на кусты.

– Господин обертштурмфюрер, он говорит, что ему показалось, что в кустах находился человек, – перевел переводчик.

– Человек? Тогда сходи, посмотри…, – предложил офицер переводчику. – Чего стоишь? Иди, смотри!

– Я?– не совсем уверено переспросил он переводчика.

– Да, ты. Ты что стоишь? Не понял команды?

Переводчик достал из кобуры наган и вместе с полицаем осторожно направился к кустам.

– Здесь нет никого, – с облегчением произнес мужчина и, улыбаясь, направился к офицеру.

Оберштурмфюрер ударил кулаком в лицо полицая и когда тот, вытирая кровь из разбитого носа, поднялся с земли, приказал двигаться дальше. Цепь дрогнула и снова медленно двинулась вглубь леса.

– За что вы его, господин оберштурмфюрер, – гнусил, идущий с ним переводчик. – Вы же сами приказали стрелять….

– За отсутствие дисциплины. Следующий раз я всех вас расстреляю, если вы не научитесь выполнять мои команды. Ясно? Вы – русские как были быдлом, так ими и остаетесь. Вас свиней бей, не бей, вы не меняетесь…

Переводчик отстал от оберштурмфюрера и направился к начальнику отряда полицаев, принимавших участие в облаве.

– За что он так приласкал твоего племянника, Гриша? – спросил тот переводчика и, отвернувшись в сторону, усмехнулся.

– Ты не скалься, Прохор. Мой дурачок с испугу пульнул по кустам, вот и оказался виноват. Одно слово, немецкая сволочь!

– Это ты про кого?

– Да я об этом, немце, – тихо произнес переводчик и покосился в сторону офицера. – Ничего, придет время и с тебя спросят.

– Кто спросит-то? Ты, что ли? Да, он тебя на одну ладонь положит, другой прихлопнет…

– Это мы еще посмотрим, кто кого прихлопнет, – ответил Григорий и, заметив знак офицера, бросился бегом к нему.

***

– Кажется, оторвались, – произнес Иван Константинович, и тяжело дыша, повалился на землю. – Всем отдыхать…

Никитин присел рядом с ним и, достав из кармана папиросы, закурил. Заметив осуждающий взгляд капитана Гуревича, он загасил папиросу о влажную от росы землю. Все это время его терзал один вопрос, который почему-то всегда крутился вокруг золота. Он мучил его во время перехода линии фронта с Ольгой и невольно возник и сейчас.

– Командир! Скажи, как немцы вышли на нас? Я не верю в случайность, – словно прочитав мысли Никитина, спросил Ивана Константиновича Гуревич. – Почему немцы не вступают в огневой контакт с нашей группой? Вам не кажется, что они специально висят у нас на хвосте, ожидая, что мы сами приведем их к цели. Если это так, то они отлично знают нашу цель…

Иван Константинович отложил в сторону карту и внимательно посмотрел на Гуревича.

– Что ты хочешь услышать от меня, капитан? Правду? Если ее, то я не знаю, если одну из версий, значит, есть люди, которые сообщили об этом немцам. Поэтому, никакого эфира, выйдем на связь, когда найдем своих людей с золотом.

– Иван Константинович! Вы, думаете, что они еще жи-

вы? – поинтересовался у него Никитин.

Мужчина усмехнулся.

– Если бы немцам удалось захватить золото, то они, наверняка бы, нас уничтожили два часа назад при переходе линии фронта. Мы им нужны и поэтому – мы пока живы.

– Товарищ командир! Время выхода в эфир, – обратился радист к Ивану Константиновичу.

– Отставить выход! – зло скомандовал он. – Без моего приказа – никаких выходов!

– Слушай, лейтенант, – обратился он к Никитину, – как ты смотришь на то, чтобы разделить нашу группу на две? Это нам даст определенное преимущество. Мы сможем прочесать вот этот квадрат в два раза быстрее.

– Как прикажете, Иван Константинович, – не особо радостно ответил Никитин и посмотрел на капитана Гуревича, словно ища у него поддержки.

– Что так, лейтенант? Главное для нас – найти золото, Никитин. Вот посмотри, ты идешь в этом направлении, я и капитан Гуревич – в этом. Встречаемся через два дня вот в этой точке, – произнес командир и пальцем указал на карте.

– Все ясно, Иван Константинович. Разрешите выполнять? – ответил Никитин, сделав отметку на карте. – Тогда расходимся…

– С тобой пойдет Яковлев и радист, с нами – Добровольский.

Они пожали руки и разошлись в разные стороны. Вскоре

группы растворились в зелени леса.

***

Никитин двигался первым, за ним, тяжело дыша, шел радист, замыкал группу Яковлев.

– Устали? – поинтересовался у них лейтенант. – Впрочем, о чем я спрашиваю, все и так видно по вашим лицам.

– Похоже, я натер ногу, товарищ лейтенант, – ответил радист. – Кое-как иду.

– А ну, снимай сапог, – приказ ему Никитин, – посмотрим, что с ногой.

Радист сел на землю и стал стаскивать сапоги. На правой ноге бойца была большая кровавая потертость.

– Как же ты так? Ты что не умеешь наматывать портянки? – зло спросил его лейтенант. – Ты знаешь, что бывает за членовредительство во время войны – расстрел. Ты это понял?

Радист промолчал и посмотрел на офицера.

– Я не специально это сделал, товарищ лейтенант. Так получилось.

– Что значит, так получилось!? И что прикажешь мне теперь с тобой делать? Ты не меня подставляешь под немцев, ты всех нас подставляешь!

– Товарищ лейтенант, я же не специально, – снова заскулил, словно щенок, радист, просто так получилось…

– Я снова тебя спрашиваю, что мне с тобой делать? Идти

ты дальше не можешь, и оставить я тебя здесь просто не могу, ты же – радист. Я по приказу должен тебя застрелить…

Никитин расстегнул кобуру, но в этот момент где-то вдалеке снова послышался собачий лай. Яковлев вздрогнул и посмотрел на Никитина.

– Я смогу, товарищ лейтенант, я смогу, вы сами увидите…. – произнес радист и, поднявшись с земли, он взял сапог в руку.

– Тогда вперед, нужно двигаться! – приказал ему Никитин.

Радист поплелся вслед за Никитиным и Яковлевом. Они остановились минут через тридцать. Радист отстал от них и еле передвигал ногами.

– Привал! – произнес лейтенант и направился в сторону связиста.

Сняв с него рацию, он присел под дерево и снова посмотрел на искаженное от боли лицо бойца.

– Вот, возьми флягу и промой рану, – приказал он ему.

Когда тот промыл рану, Никитин протянул ему бинт.

– Перебинтуй рану. Перед тем как бинтовать приложи подорожник, его здесь много.

Радист посмотрел на Яковлева, ожидая от того слов сочувствия.

– Я все понимаю, товарищ лейтенант. Вы можете меня просто расстрелять, если вам от этого стает легче, – тихо произнес радист. – Простите меня, просто так получилось.

– Ты хоть понимаешь, Хрусталев, что мы в тылу у немцев! Ты слышишь, лай собак или нет? Это они идут по нашим с тобой следам. А мы из-за тебя не можем от них оторваться, плетемся, как черепахи.

Лейтенант отвернулся от радиста. Внутри его все клокотало от внезапно охватившей его злости. Чтобы окончательно не сорваться, он отошел в сторону и сел под елью.

«Странно, – неожиданно он поймал себя на мысли, – почему вдруг стало так тихо? Ни лая собак, ни уже привычных выстрелов».

– Яковлев! – подозвал он разведчика. – Ты посмотри, что там. Судя по карте, мы где-то недалеко от деревни. Если это так, то в деревню один не ходи, посмотри что там и обратно.

– Есть, товарищ лейтенант!

Красноармеец поправил висевший за спиной немецкий автомат. Через минуту он буквально растворился в зелени леса. Никитин промыл водой подорожник и приложил его к ране Хрусталева. Лейтенант покачал головой, удивляясь тому, как совсем небольшая потертость привела к подобному состоянию ноги. Рана на ноге воспалилась, покрылась зеленоватой корочкой гноя.

– Как? – спросил он радиста. – Идти сможешь?

– Спасибо, товарищ лейтенант, постараюсь. Вроде бы полегчало…

Перебинтовав ногу, Никитин отошел в сторону и снова сел под сосной. Тишина пугала лейтенанта, так как было не

совсем понятно, почему немцы прекратили преследование группы. Он посмотрел на часы и поднялся с земли.

«Почему не возвращается Яковлев? – размышлял офицер. – Неужели напоролся на засаду? Если это так, то нам нужно срочно уходить из этого района или все же еще подождать его? »

Он ходил по поляне, то и дело, посматривая в сторону, откуда должен был появиться Яковлев.

– Хрусталев! Как ты? Ты, сможешь идти?

– Да, товарищ лейтенант. А что, мы не будем ждать Яковлева?

Где-то недалеко хлопнул выстрел, затем второй. Из кустов выскочил Яковлев и, взглянув на лейтенанта, громко выкрикнул:

– Уходим, командир! В лесу полно полицаев!

Никитин, взвалив на плечо радиостанцию, махнул рукой. Группа сорвалась с места и, словно стадо сохатых, ломанулась сквозь зелень кустов.

***

Ближе к вечеру они вышли к небольшой деревне, затерянной в лесной глуши. Деревня одним концом упиралась в лес, а другим – в озеро. Никитин залег у опушки леса и стал внимательно осматривать улицы. Деревня словно вымерла – ни лая собак, ни играющих на улице ребятишек. Прошло около часа, но ничего не менялось, по-прежнему было тихо.

– Вы оставайтесь здесь, а я схожу, посмотрю, что там, – тихо произнес Никитин. – Если что, уходите.

– А если в деревне немцы, товарищ лейтенант?

– Не исключено…. Посмотрим.

Лейтенант вытащил из автомата магазин и, убедившись, что тот полон патронов, сунул его обратно.

– Если что, уходите, – повторно произнес офицер.

Никитин поднялся с земли и короткими перебежками направился к крайней избе. Он вовремя упал около плетня, так как из дома вышла женщина средних лет. Она поставила на землю таз и стала развешивать выстиранное белье.

– Гражданочка! – тихо окликнул он ее. – Не пугайтесь, я – свой!

Она вздрогнула и застыла на месте.

– Немцы в деревне есть? – спросил он ее.

Женщина подошла к плетню и увидела Никитина, которого скрывала густая высокая трава.

– Есть, – коротко ответила она, – еще с утра приехало человек тридцать. Постреляли всех собак, наловили кур, сейчас, похоже, отдыхают. А вон в той избе остановились полицаи. Их не так много, человек десять… Они уже пьяные и, наверное, спят.

– Спасибо. Скажите, у вас не найдется йода или марганцовки, у меня товарищ натер ногу…

– Йода, нет. Попробуйте к мозоли приложить подорожник. Я сейчас вам чистую тряпку принесу.

– Пробовали, не помогает. У него уже нарыв…

– Погоди, я мигом….

Где-то слева послышались голоса. Никитина прижался к плетню и передернул затвор автомата. Скрипнула дверь и во двор снова вышла женщина с узелком в руках.

– Вот возьми, сынок. Здесь белая тряпица, несколько картошек и хлеб. А сейчас,

уходи. Не дай Бог, немцы приметят, избу сожгут…

– Спасибо, – поблагодарил он ее. – Скажите, я разыскиваю нашу автомобильную колонну, в которой было несколько грузовых машин. Все они с надписью «Почта» на бортах машин. Вы, случайно их, не видели?

– Видела, сынок. Это было недели три-четыре назад. Немцев тогда еще в деревне не было. Проехали они в сторону старого заброшенного карьера.

– А где он, ваш карьер? – спросил Никитин женщину, еще не веря в удачу.

– Да не так далеко отсюда, верст десять на север. Туда еще узкоколейка ведет…

– Еще раз, спасибо, – произнес лейтенант и, прижимаясь к земле, направился к лесу.

– Хальт! – раздалось откуда-то слева.

Он вовремя упал на землю. Пули ударили в землю в метре от его головы. Он повернулся на спину и, подняв автомат, выпустил длинную очередь в сторону стрелявшего немца. Вскочив на ноги, он стрелой устремился к кустам, не об-

ращая внимание на пули, которые проносились над его головой. Немцы не рискнули преследовать его, лес был темный и незнакомый и никто из них не хотел рисковать из-за какого-то русского бойца. Дав еще несколько очередей, они направились обратно в деревню.

– Яковлев! – крикнул он негромко. – Хрусталев, где вы?

Лес молчал. Никитин направился к сломанной березе, около которой оставил бойцов.

– Яковлев! – снова крикнул он.

Ему не верилось, что они просто бросили его и ушли куда-то самостоятельно.

– Сволочи! Суки! – выругался он. – Вот они, хорошо проверенные люди капитана Гуревича.

Он выругался матом и направился вглубь леса, в котором с каждой минутой становилось все темнее и темнее.

***

Хрусталев сидел под деревом и, забросив антенну на крону дерева, пытался по рации найти нужную ему волну.

– Ты зачем включил рацию? – поинтересовался у него Яковлев. – Ты что не слышал приказ? Нам запрещено выходить в эфир!

– Да успокойся ты, я не выхожу в эфир. Просто хочу послушать сводку Информбюро.

– Лейтенанта на тебя, Хрусталев, нет. Мало того, что ты ногу натер, но еще не выполняешь его приказы.

– А что мне твой лейтенант! Кто он мне? Во-во – понял. Слушай, Яковлев! Тебе не кажется, что война проиграна, что немцы, через два месяца возьмут и Москву?

– Ну, ты не заговаривайся! Ты знаешь, что бывает за подобные разговоры, – спросил его красноармеец, – если не знаешь, могу напомнить…

Он взглянул на Хрусталева и придвинул к себе автомат. Где-то недалеко вновь послышались голоса. Радист вскочил на ноги и стал сдергивать с дерева антенну. Однако, та крепко обвила один из стволов дерева и не хотела подчиняться его усилиям.

– Что ты возишься! – крикнул ему Яковлев. – Нужно уходить!

Наконец Хрусталеву удалось сдернуть антенну. Он начал ее свертывать, когда между деревьев показалась цепь немцев. Автоматная очередь разорвала тишину леса. Пули не задев Хрусталева, угодили в радиостанцию. Яковлев дал длинную очередь и метнулся к спасительным кустам. Радист выхватил из-за пояса гранату и, сорвав чеку, швырнул ее в сторону немцев. Граната угодила в дерево и отлетела в сторону. Раздался взрыв. Осколок гранаты вспорол сапог и оторвал Хрусталеву стопу.

– А, а, а! – закричал он и повалился на землю.

Он попытался дотянуться до автомата, но боль намертво сковала его тело. Немцы медленно приближались к нему, держа его на мушке винтовок и автоматов.

– Не стрелять! – закричал офицер. – Берем живым!

Радист лежал на земле, чувствуя, как сердце толчками гонит кровь к культе. Фигуры немецких солдат стали похожи на миражи. Они изгибались в разные стороны, словно танцевали в каком-то фантастическом танце. Нащупав на ремне гранату, он сорвал с нее чеку и положил себе на грудь. Взрыв поднял уже бесчувственное тело радиста в воздух и швырнул его в сторону кустов.

Яковлев бежал по лесу, не останавливаясь и не оглядываясь назад. Эхо взрыва заставило его остановиться и повалиться на землю. Только сейчас он понял, что его никто не преследует. Он лежал на земле и старался оправдать свой поступок.

«А что я мог сделать? – размышлял он. – Немцев было много и я бы все равно не смог спасти жизнь Хрусталева. Ну, убили бы меня вместе с ним и что? Кто бы об этом узнал? Кому нужна моя смерть – никому…».

Отдышавшись, он поднялся с земли и направился вглубь леса.

***

Яковлев не сразу осознал, что с ним произошло. Он всю ночь плутал по лесу, стараясь идти на восток, где еле слышно грохотала канонада. Наконец он окончательно выбился из сил и, выбрав место посуше, присел около березы. Он сидел на мягкой, как бархат траве и смотрел на небо, в кото-

ром мерцали бесчисленные звёзды, а луна, словно громадный прожектор, освещала поляну. Яковлев не заметил, как задремал. Очнулся он от сырости. Белый густой туман медленно подползал из оврага к поляне. На востоке, разрывая полосы тумана, вставало солнце.

«Странно, почему молчат птицы? – подумал он. – Неужели война заставила и их замолчать?»

Вдруг где-то рядом затрещала сорока. Она сорвалась с ветвей березы и, треща что-то на своем сорочьем языке, пронеслась над головой Яковлева. Он передернул затвор автомата и плотнее прижался к стволу березы. Время шло, однако, поляна по-прежнему была пустой. Где-то далеко куковала кукушка.

«Ишь, разошлась, – подумал он. – Неужели так долго мне жить?»

Он закрыл глаза и словно провалился в темноту. Что-то большое и грузное навалилось на него сверху. Ему заломили руки так, что от внезапно охватившей его боли он истошно закричал. То, что это был человек, а не зверь он понял сразу – резкий запах человеческого пота, водочного перегара ударил ему в нос.

– Больно! – истошно завопил он. – Сдаюсь!

Яковлев хотел сбросить с себя человека, но тот крепко держал его руку, не давая ему возможности вытащить нож из ножен. Наконец ему удалось вырваться из объятий и он, сбросив с себя тело, попытался встать на ноги. Разведчик

вытащил нож и выставил его перед собой. Перед ним стоял крепкий мужчина, одетый в немецкую форму. Кто-то сзади ударил его по голове. Перед глазами Яковлева поплыли радужные круги. Тело стало каким-то легким, словно пушинка, и его сознание медленно растворилось в этом бесконечном черным пространстве. Сколько он был без сознания, он не знал. Очнулся он от холодной воды, от которой у него перехватило дыхание. Он открыл глаза и посмотрел по сторонам. Вокруг слышалась русская речь, и это немного обрадовало его.

«Неужели свои – русские…, – первое, о чем подумал он. – Слава Богу!»

Ужасно болела разбитая прикладом винтовки голова. Казалось, что мозг просто усох от удара по голове, и сейчас, свободно болтался в черепной коробке, вызывая сильную боль при каждом движении головы. Руки, связанные за спиной затекли и он, просто, не чувствовал их.

– Где я и кто вы? – обратился он к мужчине, который сидел около костра, спиной к нему.

– А, очнулся краснопузый, – произнес мужчина и повернулся к нему. – Сейчас придет обертштурмфюрер, он с тобой и разберется.

– Какой обертштурмфюрер? Вы же – русские?

– Да, мы – русские. Мы те, кто против коммунистов и жидов. Я, таких, как ты коммуняк, в восемнадцатом году вешал на фонарных столбах.

На поляну, в окружении трех немецких солдат вышел офицер средних лет. Его серо-зеленый мундир сидел на нем как влитой. На черных петлицах сверкали по две серебристые молнии. Он жестом руки подозвал к себе переводчика и что-то сказал ему. Переводчик был одет в серый помятый костюм. Рябое скуластое лицо было в заросшей рыжей щетине.

– Господина офицера интересует цель и состав вашей разведгруппы?

– Какой такой разведгруппы? Я – простой окруженец, – попытался соврать Яковлев. – Вы меня с кем-то спутали.

– Шутить будешь потом, на этом или том свете. Сейчас советую отвечать на вопросы господина офицера. Он не понимает шуток и может легко прострелить твою глупую голову.

Оберштурмфюрер сначала взглянул на переводчика, а затем перевел свой взгляд на разведчика.

– Переведите ему, если он не хочет отвечать на мои вопросы, я просто прикажу его повесить на этой березе.

Переводчик слово в слово перевел слова офицера. Яковлев немного подумал и, посмотрев на немца, начал говорить:

– Нас было шестеро: я, Добровольский, радист и три офицера НКВД, – тихо ответил Яковлев. – Вчера вечером по приказу командира группа поделилась пополам. Я и радист пошли с лейтенантом Никитиным, а с командиром пошел

Добровольский и капитан Гуревич.

Немецкий офицер довольно улыбнулся и снова что-то спросил его.

– Цель и задача вашей группы?

– Я не знаю, господин офицер. Нам об этом не говорили. Наша задача состояла в том, чтобы охранять этих трех офицеров.

Лицо немца потемнело. Улыбка, до этого блуждающая по его лицу, исчезла.

– Господин офицер спрашивает тебя, почему ты бросил своего офицера, и где это произошло?

– Я не знаю, где это произошло, но я могу показать на местности. Это не так далеко отсюда.

Немец ударил ногой лакового сапога в лицо Яковлева, выбив ему два передних зуба.

– Не убивайте меня, господин офицер, ведь я не убил ни одного вашего солдата, – испугано заверещал Яковлев. – Я действительно не знаю цель разведгруппы.

Немец повернулся к переводчику и в очередной раз произнес что-то. Развернувшись на месте, он направился в сторону стоящей в стороне автомашины.

– Что он сказал? – с дрожью в голосе спросил Яковлев переводчика. – Меня расстреляют?

Переводчик усмехнулся, наслаждаясь чувством явного превосходства над пленным разведчиком.

– Он приказал тебе показать эту деревню. Так что, вста-

вай, показывай.

– Пусть мне немного расслабят руки, они у меня затекли так, что я не чувствую их.

– Зачем тебе руки? Я сказал, поднимайся, – и с силой ударил Яковлева в лицо своим грязным стоптанным сапогом.

– Сука! – произнес пленный и сплюнул кровь и выбитые зубы.

Он с трудом поднялся на ноги и посмотрел по сторонам. В эти несколько секунд своей жизни он невольно пожалел о совершенной им измене.

– Давай, двигай! – произнес полицай и ударил его в спину прикладом винтовки.

***

Никитин не спал всю ночь. Он лежал на лапотнике, размышляя о том, куда девался Хрусталев и Яковлев. Он не верил в то, что они могли быть захвачены немцами. Оба бойца были физически сильны и опытны.

«А может они посчитали, что немцы захватили меня и решили вовремя покинуть точку ожидания», – размышлял он.

Под утро стало свежо. Из низины потянулся белесый туман. Никитин смотрел на клубы тумана, которые медленно поднимались из оврага.

«Овраг, как кастрюля, в которой кипит вода», – первое сравнение, которое пришло ему в голову.

Первые лучи летнего солнца коснулись верхушек сосен,

заставив клубы тумана снова отступить в глубину оврага. Он поднялся на ноги и, поправив амуницию, направился к месту сбора разведгруппы. Где-то в глубине леса куковала кукушка.

«Кукушка, кукушка, сколько мне еще жить?», – мысленно обратился он к птице.

Неожиданно для него кукушка замолчала.

«Надо же, замолчала, – усмехаясь, подумал Никитин. – Рано ты меня хоронишь, божья птаха, мы еще поживем».

Почему-то он вспомнил Ольгу. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что он обязательно встретит ее. Память в очередной раз вернула его в ту ночь, когда они переходили линию фронта под немецким пулеметным огнем.

«Интересно, где ты сейчас, Ольга, что с тобой?» – подумал он.

Обостренный опасностью слух уловил голоса, которые доносились из-за оврага. Никитин вовремя упал на землю и стал медленно отползать к кустам. Из леса появилась группа мужчин, одетая в гражданскую одежду, на рукавах которых были белые повязки.

«Полицаи, – мелькнуло у него в голове. – А это кто с ними?»

Только сейчас он заметил Яковлева, который шел рядом с мужчиной, на поясе которого висела кобура с наганом. Полицаев было от силы человек десять и первое что пришло в голову Никитина – это отбить у них пленного. Он пере-

дернул затвор автомата и поймал на мушку идущего первым мужчину.

– Сейчас я тебя, – прошептал лейтенант, ловя того в перекрестье прицела.

В этот момент из-за кустов показались немцы, которые весело обсуждали какие-то проблемы. Иногда немцы прерывали свою речь громким смехом. Они не догадывались, что за ними наблюдает тот, за кем они охотились вот уже третьи сутки. Немцы прошли по кромке оврага и направились ту сторону, откуда, только, что пришел Никитин.

«Ищут меня, – решил он. – Значит, меня выдал Яковлев. Интересно, что с Хрусталевым? Жив ли он или погиб?»

Дождавшись, когда все немцы скрылись в лесу, Никитин вышел из укрытия и, преодолев овраг, снова двинулся в сторону места сбора. Однако, пройдя метров сто, его остановил окрик:

– Стоять! Брось оружие и подними руки!

Лейтенант, выполнил команду и лишь после этого оглянулся назад. Перед ним стоял мужчина средних лет, в сером пиджаке с короткими для него рукавами. На левом рукаве мужчины была белая повязка с какой-то черной надписью на немецком языке.

– Ты кто такой, дядя, – тихо спросил его Никитин.

– Еще поговори! Пули захотел! – ответил мужчина, осторожно приближаясь к нему.

– Какую пулю? Ты же видишь, что я поднял руки.

Ствол винтовки уперся в грудь Никитина. У мужчины оказались маленькие глаза, с каким-то желтоватым отливом. Движения его были не совсем уверенными, он явно боялся его. Полицай толкнул его стволом винтовки в грудь.

– Отойди в сторону! – осипшим от волнения голосом произнес мужчина.

Никитин ловким движением руки отвел ствол винтовки в сторону от своей груди и с силой ударил своего противника в лицо. Мужчина ойкнул и как мешок повалился в траву.

***

Оттащив тело полицая в кусты, лейтенант нагнулся над ним и стал хлопать мужчину по щекам. Тот открыл глаза и, увидев над собой Никитина, шарахнулся в сторону. Однако, он быстро успокоил полицая.

– Как зовут? – спросил его лейтенант.

– Максим, – ответил мужчина, не отрывая своего взгляда от финского ножа, который держал в руках разведчик.

– Давай, рассказывай, Максим, кого вы здесь ищите? Только не ври. Если почувствую, что ты врешь, убью прямо на месте. Ты понял меня?

Полицай замотал головой в знак согласия.

– Ну? – спросил его Никитин. – Говори.

Мужчина глубоко вздохнул.

– Мы второй день прочесываем лес, ищем русских разведчиков. Нам сказали, что их шесть человек, трое из которых

– чекисты.

– Нашли кого?

– Двоих. Один подорвал себя гранатой, а второй жив. Он повел нашего начальника, чтобы показать, где они оставили своего командира.

– Много вас в лесу?

– Много. Человек сто, есть и собаки.

Никитин задумался. Сейчас он просто не знал, как ему поступить – двигаться на точку сбора или нет.

«А вдруг немцы уже ликвидировали группу Ивана Константиновича, – подумал он, – и сейчас, ждут когда он сам придет к ним в лапы».

Неожиданно мужик заскулил, словно побитая собака. Он, по все вероятности, понял, что его ожидает.

– Не убивай! У меня трое детей, – заплакал полицай. – Пожалей!

– Я не жалею предателей, нужно было думать раньше, прежде, чем вступать в полицию, – тихо произнес Никитин и с силой вонзил в грудь мужчины финский нож.

Мужчина захрипел, ноги его задергались, но это продолжалось не так долго, вскоре он затих.

«Нужно срочно идти на место сбора, – решил Никитин. – Сейчас, когда я знаю о возможном месте, где находятся машины с золотом, это становится не только необходимым, но и обязательным».

Вытерев лезвие ножа об одежду убитого полицая, лейте-

нант направился к точке сбора. Полицай был прав, все проселочные дороги были перекрыты полицейскими кордонами. Наиболее важные для вермахта дороги патрулировались нарядами фельджандармерии. До места сбора было еще далеко. Никитин посмотрел на часы, до времени сбора оставалось около тридцати часов. Чтобы не рисковать, он решил переждать световой день и двигаться лишь ночью. Выбрав укромное место, он пристроился под густыми ветвями вековой ели. День для Никитина показался вечностью. Мимо него дважды проследовали полицаи и немцы, не заметив его в ветвях ели. Наконец солнце коснулось вершин деревьев и медленно стало тонуть в зелени леса. Никитин спустился на землю и, сделав несколько физкультурных упражнений, двинулся в сторону заката солнца.

***

Обертштурмфюрер СС Вильгелм Хац устало сел на кровать. Почему он решил заночевать в этой маленькой деревне среди леса, он не знал и сам. Расстегнув верхние пуговицы мундира, он с наслаждением вытянул усталые за день ноги. В горницу вошел солдат и, щелкнув каблуками сапог, вытянулся в струнку.

– Что тебе нужно, Хельмут? – спросил его офицер.

– Господин оберштурмфюрер, на связи штурмбанфюрер Франц Зикс.

Хац взмахом руки приказал солдату выйти из комнаты.

Встав с кровати, он застегнул все пуговицы на кителе и вышел на улицу. Рядом с избой стоял штабной фургон, около которого прогуливался часовой. Заметив офицера, солдат принял стойку «смирно». Оберштурмфюрер открыл дверь фургона и вошел внутрь. Одев на голову наушники, он взял в руки микрофон.

– Хайль Гитлер! Оберштурмфюрер Вильгельм Хац на связи, господин штурмбанфюрер.

– Что у вас?

– Нам удалось захватить одного из диверсантов, господин штурмбанфюрер. Второй – подорвал себя гранатой.

– Мне такие подробности не нужны, Хац. Продолжайте операцию. Думаю, что если вы сами себя не подставите под русских, то вам удастся выйти на золотой конвой.

– Я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие, господин штурмбанфюрер.

– Я надеюсь на вас, Хац.

Оберштурмфюрер продолжал держать микрофон, несмотря на то, что сеанс связи уже закончился с минуту назад. Офицер снял наушники и, взглянув на радиста, вышел из фургона.

«Завтра нужно опять сесть русским на плечи, – подумал Хац. – Пусть помечется по лесу, а мы посмотрим, что с ними дальше делать».

– Пригласите ко мне командиров групп, – приказал он дежурному офицеру.

– Русских приглашать? – переспросил он обештурмфюрера.

– Я сказал всех, разве вам это не понятно?

Через полчаса в горнице уже находилось около десяти офицеров. В стороне от них стояло два командира полицейских отрядов, около которых в стороне был виден переводчик. Он был явно под хмельком и поэтому старался укрыться за спинами командиров.

– Господа! – произнес Хац. – Перед нами поставлена новая задача. Наши группы должны установить местонахождения золотого конвоя русских. Задача – сложная, но, думаю, посильна. Нужно снова войти в соприкосновение с русскими чекистами, которые, как и мы, разыскивают это золото. Мы должны висеть у них на плечах, не вступая в боевой контакт. Предупредите ваших солдат, что мне не нужны их трупы, вам это понятно?

Хац повернулся к полицаям.

– Скажите, где здесь можно укрыть машины с золотом?

– Машины? – переспросил офицера переводчик.

– Да! – зло ответил оберштурмфюрер и ударил переводчика кулаком в лицо. – Русская свинья! Уже набрался?!

– Я не знаю, господин офицер, – ответил переводчик, поднимаясь с пола.

– Я не тебя спрашиваю. Переведи мой вопрос этим дебилам!

Переводчик начал переводить. Полицаи отрицательно за-

мотали головами.

Закончив совещание, Хац разделся и лег спать. Операция должна была начаться в 5-00 утра, и нужно было немного отдохнуть.

***

Пройдя километров десять, Никитин присел под деревом. До точки сбора оставалось еще часа два пути. Неожиданно тишину леса разорвал лай собак. Судя по звукам, немцы находились практически рядом. Лейтенант вскочил на ноги и бросился бежать. Лай собак то затихал, то снова усиливался.

«Похоже, берут в кольцо, – подумал он. – Может попытаться прорваться и уйти за линию фронта? Нет! Я должен доложить, где искать эти машины с золотом. Главное – успеть, главное – успеть!»

Он выскочил на поле и невольно остановился. По полю, выстроившись в цепь, шла немецкая пехота. Никитин вовремя успел укрыться в кустах, и это спасло его жизнь. Недалеко от него остановилось около пяти грузовиков, забитых солдатами и полицаями. Раздалась команда. Солдаты и полицаи, выстроившись в цепь, медленно двинулись в сторону, откуда он пришел.

«Обложили, гады, – подумал лейтенант и мысленно поблагодарил Бога за помощь. – Если бы я задержался в лесу на полчаса, то точно бы напоролся на немецкую цепь».

Никитин дождался, когда немецкая цепь миновала поле и

углубилась в лес и, выйдя из укрытия, двинулся вслед за ними. Впереди раздалась стрельба, ухнуло несколько взрывов и стало тихо. Мимо укрывшегося в кустах лейтенанта немцы пронесли несколько раненных солдат.

«Что там произошло?» – подумал Никитин.

Он тогда еще не знал, что немецкое подразделение натолкнулось на группу выходящих из окружения красноармейцев, и понесла значительные потери. Немцам пришлось отойти на опушку леса для перегруппировки своих сил. Воспользовавшись неожиданным отходом немцев, Никитин бросился бежать вглубь леса, где его ждали товарищи. Сзади снова послышались автоматные очереди, лай поисковых собак.

– Никитин! – услышал он за своей спиной.

– Уходим! – громко крикнул лейтенант. – Немцы!

Из кустов вышли Гуревич, Иван Константинович и Добровольский. Никитин махнул рукой и они, выстроившись в затылок, двинулись на северо-восток. Этот маневр, как предполагал Никитин, давал им возможность покинуть район зачистки. Им повезло, лейтенанту удалось вывести остатки разведгруппы из организованного немцами «мешка». Они не сразу поняли, что вышли из окружения. Лишь, услышав шум облавы, которая уходила в сторону от них, они облегченно вздохнули.

– Где Хрусталев и Яковлев? – спросил у лейтенанта Иван Константинович.

– Я не знаю. Я ушел в деревню, а когда вернулся, их на точке не было. Пробовал искать, но кругом были немцы.

– Плохо. Выходит, потеряли рацию, остались без связи.

– Эти люди не могли сдаться немцам, – словно оправдываясь перед ними, произнес Гуревич, – я лично сам подбирал людей для рейда.

– Это не о чем не говорит, товарищ капитан. Мало ли предателей и скрытых врагов. Что мне вам объяснять, вы и без меня это хорошо знаете.

Капитан отвернулся от Никитина. Как ему показалось, капитан был обижен этим высказыванием лейтенанта.

– Иван Константинович! Я знаю, где может находиться золото!

В глазах командира загорелся огонек интереса.

– И где?

Никитин достал карту и разложил ее на траве. Он ткнул пальцем в точку.

– Вот здесь!

Он быстро пересказал ему то, что услышал от женщины в деревне.

– А ей можно верить? – спросил Никитина капитан.

– Не знаю, нужно проверить.

Они быстро собрались и направились к месту возможного местонахождения автомобилей с золотом.

***

Оберштурмфюрер Хац стоял по стойке «смирно» и болезненно воспринимал каждое нелестное выражение, высказанное в его адрес штурмбанфюрером. Он хотел возразить штурмбанфюреру, но тот жестом руки остановил его.

– Хац, вот я смотрю на вас и мне до сих пор не понимаю, как вы прозевали русских разведчиков?

– Я не знаю, господин штурмбанфирер. Мы буквально висели у них на плечах, но им каким-то чудесным образом удалось выскользнуть из нашей западни.

Штурмбанфюрер закурил. Он мысленно представил себе, как будет негодовать руководство СД и вряд ли кто из них вспомнит о оберштурмфюрере, который не выполнил его приказ. Но время еще оставалось и русские едва ли могли так далеко оторваться от подразделений вермахта и полицаев.

– Хац! Мне жалко вас. Вам трудно представить, что вас ожидает, если вы не поймаете этих русских разведчиков. На кону ваше будущее…

Оберштурмфюрер стоял, боясь пошевелиться. Лишь нервный тик правого глаза говорил, что это не – манекен, а живой человек. Этот тик стал потихоньку раздражать штурмбанфирера.

– Идите и подготовьте своих людей. В этот раз я сам лично буду возглавлять эту поисковую операцию. Такого не бывает, чтобы люди растворялись в воздухе.

– Яволь, гер штурмбанфюрер! – выкинув правую руку,

громко произнес Хац.

Он сделал разворот через левое плечо и направился к двери.

– Погодите! – окрикнул его штурмбанфюрер. – На подготовку – три часа.

К вечеру немецкие части и полицаи выдвинулись к деревне Семеновка. Именно из этого района была отправлена последняя радиограмма русских. С утра немецкие части начали зачистку территории.

Хац вел свою роту, охватив большой участок леса. Несколько раз солдаты натыкались на разрозненные группы русских бойцов, но все эти победы немецкого оружия не приносили ему удовлетворения, ему нужны были разведчики. Слева, в небольшом густом ельнике завязался бой. Хац развернул цепь и стал обходить ельник, стараясь отрезать противника от леса. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что в этот раз они наткнулись не на отступающих, на восток солдат, а на разведчиков. Его солдаты оказались на открытой местности и несли потери. Пулеметы стригли ели, словно ножницы, травяной газон.

– Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно, вы окружены! – выкрикнул несколько раз переводчик, который лежал недалеко от немецкого офицера. – Немецкое командование гарантирует вам жизнь!

Хац махнул рукой и немецкие солдаты, встав в полный рост, осторожно направились в сторону ельника. Когда до

ельника осталось около двадцати метров, из лесочка ударили автоматы. Несколько солдат повалились в траву, а остальные, открыв огонь из автоматов, стали отходить назад.

***

Никитин лежал на спине, стараясь перевязать себе раненую руку. Пуля, похоже, пробила мякоть, не задев кости. Внезапно возникшая пауза в перестрелке дала ему возможность перевязать рану.

– Нужно уходить, – произнес Иван Константинович. – Пока немцы не сомкнули кольцо, нужно отрываться, а иначе – конец.

Никитин посмотрел на Гуревича, который набивал магазин автомата патронами.

– Вы уходите, – как-то буднично ответил капитан, – ну, а мы с Добровольским прикроем вас.

– Нет, будем прерываться все вместе, – произнес Иван Константинович. – Бросать своих товарищей на смерть – не в моих правилах.

Они стали медленно отползать в сторону леса. Но немцы снова открыли огонь из пулеметов. Пули словно пчелы, жужжа и срубая ветви молоденьких елок, проносились над головами разведчиков. Когда до леса осталось метров сто, разрывная пуля угодила в бедро Гуревича. Иван Константинович наклонился над ним и, достав из кармана гимнастерки индивидуальный пакет, попытался перевязать рану, но у

него ничего не получалось. Кровь продолжала сочиться и, похоже, остановить ее в этих непростых условиях было практически невозможно.

– Вот и все, – тихо произнес Гуревич и закусил побелевшую губу. – Уходите, я прикрою!

– Мы тебя не бросим! – снова произнес Иван Константинович.

Он схватил Гуревича за ворот гимнастерки и попытался его потащить волоком. Но, Гуревич был настолько тяжел, что, протащив его несколько метров, Иван Константинович остановился.

– Вот видишь, я вам не под силу, – произнес Гуревич. – Идите, я задержу немцев!

Иван Константинович посмотрел на Никитина и Добровольского.

– Хорошо, – тихо ответил он, хорошо понимая, что оставляет капитана умирать в этом молодом ельнике.

Они снова поползли к лесу. В ельнике снова началась стрельба, а затем прозвучало несколько взрывов, за которыми наступила тишина. Они бежали по лесу, подгоняемые лаем собак.

– Добровольский! Нужно задержать немцев! – приказал бойцу Иван Константинович. – Мы тебя будем ждать около деревни Клиновка. Запомни, Клиновка!

Никитин с удивлением посмотрел на Ивана Константиновича. Насколько он помнил карту, Клиновка находилась в

совершенно другом направлении от того места, куда направлялись они. Он хотел поправить командира, но тот, словно догадавшись об этом, посмотрел на Никитина так, что тот моментально осекся на полуслове.

– Идите! – обреченно ответил Добровольский. – Раз надо, так надо.

Он бросился навстречу немцам и, стреляя из автомата, устремился в сторону. Немцы быстро перестроили свои порядки и направились вслед за Добровольским.

– Уходим! – приказал Никитину Иван Константинович.

Они сначала бежали, а потом перешли на быстрый шаг. Вскоре выстрелы стихли, и каждый из них гадал, что там произошло в лесу, смог ли оторваться от немцев Добровольский.

– Как ты думаешь, что с Добровольским? – спросил Иван Константинович у Никитина. – Оторвался?

– Едва ли. Думаю, что погиб. Хороший был парень, – ответил ему лейтенант.

Впереди заблестела небольшая речка. Они остановились и стали рассматривать карту.

– Как думаешь, глубоко здесь?

– Не знаю. Вы что плавать не умеете? – поинтересовался у него Никитин.

– Плавал когда-то в детстве. А, как ты? Сможешь переплыть с раненой рукой?

– Придется плыть, куда деваться.

Никитин нашел большую корягу и, раздевшись, сложил на нее свою одежду. Иван Константинович сложил вещи на ту же корягу и, толкнув ее в воду, они поплыли.

***

Никитин плыл, осторожно работая раненой рукой. Рядом с ним, держась за корягу, плыл Иван Константинович. Когда коряга оказалась на середине реки, на берегу показался немецкий солдат с ведром в руках. За спиной у него была винтовка. Он зашел в воду и зачерпнул ее водой.

– Вильгельм! – раздался чей-то голос из кустов. – Где вода?

Солдат развернулся и скрылся из вида.

«Пронесло», – подумал лейтенант и вздохнул с облегчением.

Прошло минут десять, прежде чем их ноги коснулись дна. Они быстро выбрались из воды и, укрывшись в прибрежных кустах, стали быстро одеваться.

– Иван Константинович! Перевяжите рану, – произнес Никитин, протягивая ему бинт.

Перевязав рану, они осторожно выбрались из кустов. В метрах ста от них стоял немецкий грузовик, у которого был поднят капот. Двое немцев, разговаривая между собой, копались в моторе.

– Рискнем, – тихо произнес Никитин и медленно пополз в сторону немцев.

Когда до них осталось метров десять, лейтенант поднялся на ноги и направился к солдатам. Немцы продолжали копаться в моторе, тихо переговариваясь между собой, не обращая никакого внимания на внезапно появившегося перед ними мужчину. Один из немцев обернулся и, вытирая о тряпку руки, потянулся к автомату, который лежал на подножке автомобиля.

– Хальт! – выкрикнул немец, поднимая автомат, но было уже поздно. Сильный удар ножа пришелся ему в горло. Хрипя, он повалился на траву. Второй немец не сразу понял, что произошло. Его винтовка лежала в кабине и сейчас, он, глядя на нож в руках русского, он просто не знал, что ему предпринять. Наконец он принял решение, молча, поднял руки вверх, отдавая себя на милость победителя. Он умер также тихо, как и его товарищ.

– Ловко ты их, – словно подводя черту, произнес Иван Константинович. – И где ты этому научился?

– Учителя были хорошие, – ответил лейтенант, вытирая нож о китель убитого им немца.

– Машину водишь? – поинтересовался Иван Константинович.

– Нет, но попробовать можно, вдруг получится. Мне водитель мой покойный показывал…

Никитин закрыл капот у машины и забрался в кабину. Он повернул ключ зажигания. Двигатель несколько раз чихнул и завелся.

– Теперь – главное с места тронуться. Он выжал сцепление и стал прибавлять газ. Неожиданно для них машина резко дернулась, подскочила, словно козел и покатила по дороге.

– Едем! – громко крикнул Никитин, переключая рукоятку скорости. Машина, прыгая на ухабах, стала набирать скорость.

Проехав километров десять, машина встала. Никитин выбрался из кабины и посмотрел на Ивана Константиновича, который по-прежнему сидел в кресле.

– Иван Константинович! – толкнул он командира в плечо. – Все, конечная остановка.

Командир открыл глаза и каким-то туманным взглядом посмотрел на лейтенанта.

– Извини, трое суток не спал, – произнес он, вылезая из кабины. – Где мы?

Никитин разложил карту и ткнул грязным пальцем в точку на карте.

– Где-то здесь должна быть узкоколейка, – произнес лейтенант. – Правда, ее на карте почему-то нет.

– Так бывает или давно заброшена дорога, или наоборот – новая.

Они подожгли машину и направились вглубь леса. Пройдя километров пять, они заметили узкоколейку, которая заросла травой и практически была не видна.

– Вот и она, – произнес Никитин. – Сейчас только нужно

определиться в какую сторону двигаться.

***

Над ними, чуть ли касаясь верхушек деревьев, пролетел немецкий легкий самолет. Летчик явно кого-то искал среди зелени леса.

– Нас ищут, – тихо произнес Никитин, провожая самолет взглядом. – Откуда они знают, в какой стороне искать нас?

– Это ты о чем, лейтенант? Я работал в ЧК тогда, когда ты еще пешком ходил под стол.

Никитин промолчал. В нем с каждой минутой зрело недоверие к этому уже не молодому мужчине.

«Зачем он здесь? Почему послали его, а не молодого и сильного мужчину? Впрочем, он хоть и возрастной, но физически довольно сильный. Сколько вопросов почему, но по-прежнему нет, ни одного ответа», – размышлял он, поглядывая на Ивана Константиновича.

– Иван Константинович! Если нам удаться разыскать это золото, то, как мы его доставим через линию фронта?

– Это не твое дело, Никитин. Нам поручено найти золото, а не его доставка. Так что не заворачивайся.

– Тогда пошли, – предложил ему лейтенант и, встав с земли, зашагал по едва заметной колее.

Где-то позади снова зазвучали выстрелы, но вскоре они затихли. Лес становился все гуще и гуще. Едва заметная колея исчезла, Никитин развернул карту, пытаясь найти на ней

старые песчаные выработки, но их на карте почему-то не было.

– Ну, что нашел? – поинтересовался Иван Константинович.

– Нет. На карте ничего похожего нет.

Выбрав наугад направление, они продолжили движение. Стало темнеть. Лес стал каким-то темным, неприветливым. Вскоре пошел дождь.

– Давай, поужинаем. Место глухое, немцы вряд ли зайдут так далеко, – предложил Иван Константинович.

Наломав ветки, они легли под елью, укрывшись плащ-палатками. Ночь выдалась неспокойной. Где-то недалеко лаяли собаки, раздавались выстрелы. Лишь к утру все стихло.

Утро выдалось туманным. Это был не просто туман от земли до небес, когда все предметы не видны на расстоянии. Туман скорее напоминал низкие облака, которые клочьями прикрывали землю, делая невидимыми деревья и кусты. В нем можно было играть в прятки, нырять в это влажное и прохладное покрывало.

Никитин открыл глаза и машинально потянулся к автомату, который лежал рядом с ним.

– Напугался? – тихо спросил его Иван Константинович. – А я вот уже давно не сплю. Ты знаешь, как перешли линию фронта, сон куда-то исчез. Наверное, сдают нервы.

Взглянув еще раз на лейтенанта, он снял с себя гимнастерку, а затем и нательную рубашку. Встав под густой куст

орешника, он с силой тряхнул куст, с которого словно из душа на него заструились капли росы. У Ивана Константиновича тело было сильным и плотным, словно у гимнаста из цирка. Если бы Никитин не знал, сколько ему лет, то он бы дал ему намного меньше его фактического возраста. Иван Константинович достал из вещевого мешка белое вафельное полотенце и начал обтирать свое тело.

– Погоди немного, я сейчас, – произнес он и стал быстро одеваться. – Я сейчас!

Через десять минут они уже шагали по мокрой от расы траве. Вставало солнце…

***

Они прошли километров двадцать, прежде чем Никитин увидел старые заброшенные штольни. Иван Константинович отстранил лейтенанта рукой, и первый вышел на небольшую площадку.

– Иван Константинович! Вы осторожней, возможно, что все здесь заминировано.

Внезапно Никитин почувствовал сильный трупный запах. Он осторожно раздвинул кусты и буквально застыл от увиденной им картины. В большой воронке лежали трупы красноармейцев.

«Странно», – подумал лейтенант, что все убитые красноармейцы имели только одно огнестрельное ранение – ранение в голову.

Страшная догадка заставила его вздрогнуть.

«Получается, что все они убиты сотрудниками НКВД, которые расправились со своими подчиненными, когда те помогли им укрыть ценности, – подумал Никитин. – А где сами офицеры НКВД?»

– Иван Константинович! – окликнул его Никитин. – Вы только посмотрите, что я нашел! Здесь настоящая братская могила!

Но тот лишь махнул ему рукой, давая понять лейтенанту, что ему не до этого. Никитин стал тщательно осматривать прилегающую к карьеру местность. Вскоре он нашел еще два трупа, это были тела сотрудников НКВД.

«Вон оно что? Сначала они убили всех красноармейцев, которые сопровождали этот золотой груз. А затем, похоже, командир застрелил и помощников. Теперь тайну места захоронения золота знал лишь один человек. Интересно, смог он передать координаты этого карьера или нет? Похоже, что нет, а иначе бы, зачем направлять в тыл к немцам их».

Он снова посмотрел на Ивана Константиновича, который продолжал изучать оставленные на земле следы. Наконец, он махнул Никитину рукой, подзывая его подойти к нему. Он сделал несколько шагов и остановился. В солнечных лучах он явственно увидел натянутую саперами проволоку.

«Мина! – подумал он, переступая через проволоку. – Торопиться здесь нельзя, а иначе…».

Он посмотрел на дорогу, на которой отчетливо были вид-

ны пучки сухой травы.

«Мины, возможно, противотанковые. Плохая маскировка, похоже, очень торопились при минировании», – решил Никитин.

– Вот здесь они, похоже, и зарыли золото, – произнес Иван Константинович, показывая Никитину на довольно свежую землю.

– Иван Константинович! А где машины? Ведь все это золото на руках не притащишь?

– Наверное, после того как разгрузили ящики, машины отогнали и сожгли. Что ты меня звал?

– Там в кустах убитые красноармейцы, человек тридцать, если не больше. Многие убиты выстрелом в затылок.

– Это добивали. Думаю, что всех их сначала расстреляли из пулеметов. Вот видишь – кучи гильз.

Под ногами Никитина была кучка уже позеленевших от времени гильз.

– Наверное, вы правы. Что теперь будем делать?

– Нужно уходить. Главное сейчас – перейти линию фронта и доложить руководству Наркомата, – произнес Иван Константинович и посмотрел на Никитина. – Главное – доложить. А ты – молодец, лейтенант. Без тебя, мы едва бы нашли это золото. Ладно, пошли.

– Вы осторожней, здесь много мин, – предупредил его Никитин.

– Как пришли, так и уйдем. Не вздумай делать какие-либо

отметки на карте, – предупредил он Никитина.

Они, осторожно ступая, медленно направились обратно в лес.

***

Они шли, молча: впереди шел Никитин, позади него шагал Иван Константинович.

– Скажите, почему убили красноармейцев? – спросил лейтенант своего командира.

Тот усмехнулся.

– Странный вопрос. Вот уж не думал, что ты задашь подобный вопрос, Никитин. Ты случайно не забыл, что такое режим секретности и приказ?

– Но, убивать своих людей!

– Приказ, Никитин, а иначе бы немцы давно нашли ценности.

Лейтенант замолчал. Он был просто потрясен цинизмом Ивана Константиновича.

«Вот и сейчас иду и не знаю, какой приказ получил Иван Константинович в отношении меня, – подумал Никитин. – Наверняка, приказ на уничтожение. Интересно, когда он меня убьет до линии фронта или при переходе? Вот она жизнь, выстрел в затылок и нет тебя».

– Никитин! Ты что не слышишь меня? Как ты думаешь, почему немцы прекратили преследовать нас?

– Наверное, посчитали, что им удалось уничтожить всю

разведгруппу, – ответил лейтенант.

– А может, они проследили за нами и сейчас уже знают место захоронения?

– Едва ли. Если бы они узнали, то, наверняка бы, давно уничтожили нас. Зачем мы им?

Они снова замолчали. Каждый из них думал о чем-то своем. Впереди послышался шум автомобильных моторов. Они легли на землю и, медленно работая локтями, поползли. Перед ними лежала дорога, по которой, словно серая металлическая река, двигалась мотопехота немцев. Лица солдат были веселыми, они о чем-то оживленно говорили. Рукава их кителей были засучены до локтей, воротники расстегнуты, сбоку на ремне весели каски.

– Придется ждать ночи, – тихо произнес Никитин. – Днем дорогу не перейдешь.

Они отползли от дороги и схоронились в кустах. День длился бесконечно. К вечеру спала жара, и с запада потянуло прохладным ветерком. Где-то недалеко раздались голоса. Никитин раздвинул кусты и увидел двух немецких велосипедистов, которые остановились в метрах сорока от них. Немцы о чем-то громко говорили, а затем, достав из ранцев свертки, стали готовиться к ужину.

Никитин посмотрел на Ивана Константиновича, пальцы которого с силой сжимали автомат, отчего даже побелели. Один из немцев направился к кустам, чтобы справить малую нужду. Нервы Ивана Константиновича не выдержали.

Он вскочил на ноги и, раздирая ветви в разные стороны, устремился на немецкого солдата. Это было так неожиданно для немца, что он от охватившего его страха попятился назад, а затем, споткнувшись о корягу, с криком повалился на землю. Лейтенант выскочил из кустов и, пулей преодолев расстояние между немцем и им, вонзил своей нож в горло солдата. Никитин обернулся, на земле, хрипя и матерясь, катались два человека. Каждый из них старался схватить своего противника за горло, забыв об оружии. Лейтенант ударил немецкого солдата прикладом винтовки. Немец дернулся и затих.

– Спасибо, Никитин, – тихо произнес Иван Константинович. – Если бы не ты, не знаю, чем бы закончилась эта борьба.

Они сели около кустов. Когда Иван Константинович отдышался, он стали перетаскивать трупы убитых ими немцев в кусты. Забросав тела ветками, они решили снова вернуться к дороге и постараться перейти ее в разрывах между колонами немецкой техники. Ждать пришлось около часа. Когда последняя машина скрылась за поворотом, они перебежали дорогу.

***

До линии фронта было не так далеко. Утром уже отчетливо слышались залпы артиллерийских орудий. Ночной переход дался им нелегко. Они дважды натыкались на немецкие посты, но темнота была на их стороне, и им удавалось

буквально исчезать из лап немцев. Рана на руке Никитина стала нарывать и сильно болеть. Утром, когда стало светать, он сорвал несколько подорожников и, сев на пенек, принялся перевязывать рану. Пошарив в вещевом мишке, он вытащил флягу и, отвинтив крышку, плеснул жидкость на рану. В глазах все потемнело. Сильная резкая боль буквально сковала его тело.

– Ты что сопишь, как паровоз? – спросил лейтенанта, Иван Константинович, открыв глаза.

– Делаю перевязку, – ответил Никитин.

«Не спит, – подумал лейтенант, глядя на лицо своего командира. – Боится. Он же не знает, какой у меня приказ».

– Давай, помогу, – предложил он Никитину. – Самому, наверное, неудобно перевязывать.

Иван Константинович присел рядом и взял в руки бинт.

– Рана то у тебя загноилась. Смотри, чтобы гангрена не началась, – произнес он как-то буднично. – Не шути.

– Вот перейдем линию фронта, там и подлечимся.

Он быстро натянул на себя гимнастерку и посмотрел на своего командира, ожидая команды.

– Сейчас бы перекусить, – закрыв глаза, произнес Иван Константинович.

– Зря мы немецкие мешки не потрясли. Там, наверняка, были продукты.

Они встали с земли и, поправив заплечные мешки, двинулись вперед. Пройдя с километр, они наткнулись на немец-

кий патруль.

– Хальт! – истошно закричал один из солдат.

Он поднял автомат и дал длинную очередь. Пули веером прошли над головами разведчиков. Никитин прижался к земле, соображая, как выйти из сложившегося положения. Немцы стояли на тропе, не решаясь шагнуть в их сторону. Наконец, один из них, держа винтовку наперевес, неуверенно шагнул в их сторону.

– Ты видишь их? – спросил он автоматчика. – В кого ты стрелял? Здесь никого нет!

«Если он сделает еще один шаг, то я начну стрелять, – наблюдая за ним, подумал Никитин. – Что ты остановился, давай, шагай!»

Однако, немец словно почувствовал опасность. Он потоптался с минуту и, не сделав ни шагу вперед, повернулся обратно. Автоматчик дал еще одну очередь в их сторону и, развернувшись, направился вслед за своими товарищами. Тихо стуча по листьям, пошел дождь. Он, то замирал, словно в раздумье, то словно очнувшись, начинал хлестать по кустам и деревьям.

«Это хорошо, что дождь, – подумал Никитин, прячась от ливня под полами плащ-палатки. – Не будет луны, да и посты постараются укрыться от дождя в укрытии».

– О чем задумался? – поинтересовался у него Иван Константинович, который внимательно следил за каждым движением лейтенанта. – Сегодня ночью нужно переходить ли-

нию фронта.

– Попробуем. Что-то мне не нравится эта тишина. У меня какое-то нехорошее предчувствие, словно немцы ждут нас на этом участке. А, может, им уже известно место перехода? – произнес Никитин и посмотрел на Ивана Константиновича. – Ведь они знали, о нашей разведгруппе, когда мы шли сюда. А если немцы знают, где мы должны перейти линию фронта?

– Слишком много вопросов, Никитин. Вы забыли, что приказы начальников не обсуждаются, а выполняются. Раз нам назначили место перехода, значит, это наиболее удачное место. Я смотрю, что после обнаружения места захоронения ценностей, ты стал совершенно другим, Никитин. То тебя напугали убитые бойцы, сейчас ты напуган местом перехода. Как это все понимать, лейтенант?

Никитин промолчал. Сейчас, после слов Ивана Константиновича, он еще больше убеждался в том, что тот при любом благоприятном случае всадит в него пулю. Он посмотрел на него. Их глаза встретились. Иван Константинович буквально поедал его глазами. Внезапно он улыбнулся.

– Останемся здесь. За нами должны прийти войсковые разведчики. Так было условлено еще до перехода… Ты давай, снимай мешок, будем отдыхать.

Никитин стянул с себя мешок и посмотрел на Ивана Константиновича, который сел под деревом и положил перед собой автомат.

***

Оберштурмфюрер СС Хац выскочил из избы и вытянулся в струнку. По ступенькам поднимался штурмбанфюрер. Хац выкинул вперед правую руку, приветствуя своего начальника. Заметив злое лицо штурмбанфюрера, с его лица моментально сползла улыбка. Какое-то нехорошее предчувствие беды сжало его сердце. Штурмбанфюрер, не замечая стоявшего перед ним оберштурмфюрера, прошел в комендатуру. Он снял с плеч кожаный плащ и бросил его на руки денщика. Он сразу прошел в комнату и сел за стол. Отличное настроение, с которым проснулся сегодня Хац, растаяло. Он стоял у порога и чувствовал себя побитой собакой.

– Я жду доклада, – вполне мирно произнес штурмбанфюрер. – Приступайте.

Хац хорошо знал штурмбанфюрера и отлично понимал, что внешнее спокойствие начальника – мираж.

– Господин штурмбанфюрер! Группа русских разведчиков уничтожена! Если вы желаете посмотреть на их трупы, то они лежат в сарае.

– Хац! Вы, просто – идиот! – взревел штурмбанфюрер. – Где пленные?! Мне нужны не мертвецы, а пленные русские разведчики!

«Главное выдержать первый натиск, – подумал оберштурмфюрер. – Затем он, как правило, сдувается».

– Вы что глухой?

– Никак нет, господин штурмбанфюрер. Все они предпочли умереть, а не сдаться в плен, – пролепетал Хац.

Штурмбанфюрер вскочил из-за стола и, схватив Хаца за пуговицу мундира, подтянул его к себе.

– Я не посмотрю на вашего дядю, – прошипел он в лицо оберштурмфюрера. – Я просто отдам вас под суд!

Он резко развернулся и снова сел за стол.

– Вы установили, куда направлялись русские разведчики? Мне нужно место захоронения золота! – снова повысив голос до фальцета, закричал он на Хаца. – Вы – болван! С кем только не приходится работать. Что мне докладывать в СД? Вот и я не знаю….

«Кажется, обошлось, – подумал Хац. – Спасибо, тебе, дядя, ты меня снова выручил в этот раз».

– Вот что, оберштурмфюрер, – вполне примирительно произнес штурмбанфюрер, – завтра с утра прочешите снова местность, чтобы убедиться, что все русские разведчики уничтожены. Силы у вас есть, вот и действуйте. К вечеру я жду результаты.

Он встал из-за стола и, не обращая больше никакого внимания на Хаца, словно того и не было в комнате, вышел на улицу. Раздался треск мотоциклетных моторов. Машина штурмбанфюрера тронулась и в сопровождении трех мотоциклистов выехала из деревни.

Утром Хац узнал, что машина штурмбанфюрера в лесу была обстреляна русскими бойцами, выходящими из окру-

жения. Пуля угодила ему в голову, и его смерть была моментальной. Поднятая утром рота эсесовцев и полицаев прочесала лес, но найти русских им не удалось.

***

Дождь шел всю ночь. Сильные боли в руке не давали возможности Никитину заснуть. Он лежал на земле с закрытыми глазами. Память снова и снова возвращала его к той большой воронке, наполненной телами убитых красноармейцев.

«Смог ли он выполнить подобный приказ, – размышлял он. – В чем были виноваты эти красноармейцы? Кто сообщит их родным и близким об их гибели?»

Как только на востоке посветлело, тишину леса разорвала артиллерийская канонада. Лес словно проснулся от этого, а эхо, подхватив этот грохот, понесло его вглубь спавшей зелени.

«Скоро должны были появиться армейские разведчики, если Иван Константинович, не ввел его в заблуждение, – подумал Никитин. – А вдруг они не придут? Тогда им придется самостоятельно переходить линию фронта. Но, как и где переходить? Кругом минные поля не только установленные нашими, но и немецкими саперами. Шаг в сторону и нет тебя».

Иван Константинович вздрогнул и открыл глаза. Он посмотрел на лежавшего рядом с ним Никитина.

«Похоже, решает, что с ним делать, – подумал лейте-

нант. – А, может, все это я придумал? И Иван Константинович ничего плохого и не думал совершать с ним? Все может быть, если бы я не видел гору трупов, которых убили свои же. Я же знаю то, что является государственной тайной…».

– Доброе утро, Иван Константинович, – произнес Никитин.

Он вздрогнул от этих слов и посмотрел на лейтенанта.

– Ты что не спишь? Отдыхать нужно…

– Рука болит. Вы же сами вчера вечером говорили, что могут подойти наши разведчики, вот я и ждал…

Иван Константинович с явным недоверием посмотрел на Никитина. Лейтенант поймал его настороженный взгляд.

– Вы чем-то озабочены?

– Да. Меня волнует, почему нет наших разведчиков….

«Интересно, чем ближе к переходу, тем больше недоверие друг к другу», – подумал Никитин. Где-то не совсем далеко от них вспыхнул бой. Они отчетливо слышали треск автоматов, взрывы гранат.

– Что это? – спросил Никитина Иван Константинович.

– Похоже на бой…

Неожиданно стало тихо, лишь по-прежнему ухала артиллерия. В сером небе прошла тройка немецких истребителей.

– Пойдем, посмотрим, что там, – предложил Иван Константинович.

Никитин поднял с земли автомат и только сейчас заметил, что автомат Ивана Константиновича уперся ему в грудь.

– Извини, лейтенант, ничего личного – приказ. – Ты положи автомат и повернись ко мне спиной. Ты знаешь, не могу стрелять с грудь.

Автомат Никитина упал на землю.

– Стреляй, сволочь! Я сразу догадался, что ты захочешь меня убить!

– Давай, двигай к оврагу, – приказал ему Иван Константинович.

Неожиданно для него, Никитин бросился на бывшего своего командира. Он навалился на него всем своим телом, стараясь схватить Ивана Константиновича за горло. Но, тот был довольно сильным мужчиной. Он ударил лейтенанта головой в лицо, отчего Никитин на какой-то миг потерял сознание. Этого было вполне достаточно, чтобы Иван Константинович поднялся на ноги и схватил свой автомат. Короткая очередь опрокинула Никитина, который очнувшись, попытался подняться на ноги.

– Ну, вот и все, – произнес Иван Константинович. – Теперь все встало на свои места. Надо же, догадался, что его ждет.

Он забросил вещевой мешок за спину и, не торопясь, направился в сторону линии фронта.

Очнулся Никитин от сильной боли, которая словно раскаленная игла, прошила его тело, он приподнял голову. Он лежал на самодельных носилках. Недалеко от него сидело несколько бойцов и о чем-то тихо разговаривали. В горле все

пересохло. Он хотел попросить воды, но вместо слов из его груди вырвался лишь сдавленный стон. Этот стон и привлек внимание красноармейцев.

– Пить, – простонал он, – пить…

Кто-то из бойцов поднес флагу к его губам. Он пил, захлебываясь, такой вкусной воды он еще не пил никогда.

– Кто ты? – спросил его младший лейтенант, склонившись над ним.

– Я – лейтенант НКВД. Я должен передать важное донесение Наркому НКВД.

– Вы скажите, я передам, – произнес младший лейтенант.

– Не могу, не имею права…

Никитин снова потерял сознание.

ПРОЛОГ

Никитин замолчал. Последние фразы давались ему с большим трудом. На лбу выступили крупные капли пота.

– Сестра! – громко закричал Волков. – Сестра, больному плохо!

Дверь открылась и в дверях показалась медсестра, которая держала в руках шприц. Закатав рукав нательной рубашки, она сделала укол Никитину.

– Что вы ему вкололи? – спросил ее Волков.

– Камфару! Сейчас ему станет легче…

Никитин лежал с закрытыми глазами. Воздух с хрипом вырывался из его груди, словно из рваных мехов баяна. Мед-

сестра села на край его койки и взяла в руки его похудевшую от болезни руку. Лицо лейтенанта заострилось и стало каким-то неестественно белым.

«Умирает, – подумал Волков, – отмучился бедный».

– Сделайте что-нибудь! Вы же видите, что он умирает!

Медсестра развела руки, а затем бросилась из палаты. Через минуты две в палату буквально влетел врач. Он сел в ногах Никитина и стал нащупывать у него на руке пульс. Поднявшись с кровати, врач посмотрел на Волкова, а затем на медсестру.

– Он скончался, – тихо произнес врач и направился к двери.

Медсестра закрыла лицо покойного простыней и последовала за ним. На следующий день Волков снова стоял перед майором Еременко.

– Все, что вы изложили в своем рапорте, я прочитал, – произнес майор. – Что вы не дописали в рапорте?

«Неужели они прослушали запись их разговора? – подумал Волков. – Если это так, то мне – конец!»

– Я все изложил в рапорте. Единственно, что я опустил, это то, что в него стрелял сотрудник НКВД некто Иван Константинович.

Глаза майора сощурились и стали похожи на две амбразуры дота. Он явно не верил ему. Он долго смотрел в глаза Волкова, пока тот не опустил свои глаза в пол.

– Он вам сообщил место, где находятся ценности?

«Выходит, Иван Константинович не перешел линию фронта, – подумал лейтенант. – А иначе бы не было этих вопросов».

– Похоже, Никитин не знал этого места, а иначе бы он мне все рассказал, товарищ майор.

Еременко усмехнулся.

– Так о чем вы так долго шептались с Никитиным? Я жду ответа….

Волков промолчал, а затем, словно спохватившись, произнес

– Он о чем-то говорил, товарищ майор. Но речь его была бессвязной, и мне показалось, что он просто бредит. Да и узнал он меня не сразу…

Майор встал из-за стола и вплотную подошел к Волкову.

– Сынок! Ты знаешь, что тебе грозит? Нет не фронт, а намного хуже фронта. Я сгною тебя в тюрьме…

– За что, товарищ майор?

– Зато, что ты хочешь присвоить ценности, принадлежащие государству. Ты это понял?

Волков кивнул головой.

«Какая разница, как умереть, – подумал он. – Расскажи я сейчас майору о том, где находятся ценности, и он лично расстреляет меня прямо во дворе НКВД. А так, есть маленький шанс, пусть мизерный, но шанс».

Майор подошел к столу и нажал на кнопку звонка. Через мгновение в дверях выросли две фигуры.

– Отведите его в камеру, – приказал он конвойным. – Если что-то вспомнишь, Волков, дай знать.

Коридор, по которому вели Волкова, был довольно узким и длинным.

– Стоять! Лицом к стене! – приказал один из конвойных.

Его завели в небольшую камеру, сняли с него с ремни. В камере пахло сыростью и плесенью. Металлическая дверь с грохотом закрылась, оставив его одного со своими мыслями.

***

Прошел месяц. Услышав шаги в коридоре, Волков невольно вздрогнул. Шаги затихли около его двери. Глазок приоткрылся на несколько секунд и снова закрылся. Из-за двери послышался сначала шорох, а затем снова раздались удаляющие от двери шаги. Откуда-то из глубин коридора донесся сильный надрывный крик. Так обычно кричат люди от дикой боли.

Волков закрыл глаза и спиной прислонился к влажной от сырости стене. Он хорошо знал, что суда для него не будет, его просто или сгноят в камере, или в лучшем случае – расстреляют. Перед глазами, словно в кино, поплыли кадры допросов. Его били так, что он терял сознание, связывали очень изощренно и оставляли в таком виде на несколько часов. В эти моменты ему казалось, что руки буквально отвалятся сами собой, без всяких усилий с его стороны, то есть просто отомрут. Однако, он молчал. Сейчас он и сам не по-

нимал, почему молчал. Холодная и влажная стена вызвала у него озноб. Он отодвинулся от стены и поднялся на ноги. Он попытался сделать несколько шагов, но понял, что не может. Опухшие от побоев ноги не хотели подчиняться ему.

«Неужели обезножил? – со страхом подумал он. – Не может быть, все пройдет, и я снова буду нормально ходить».

Снова раздались шаги. В этот раз по коридору двигался не один человек, а двое. За последнее время он хорошо научился различать шаги конвоира.

«Наверное, обед, – подумал он, – выходит, полдень».

Дверца в двери – «кормушка» приоткрылась, и чья-то рука поставила на пол металлическое блюдо с баландой, кружку с водой и кусок хлеба. Когда «кормушка» закрылась, он подошел и забрал блюдо. До закрытия «кормушки» брать еду было запрещено.

Волков быстро съел баланду, от которой еще больше захотелось есть. Снова раздались шаги. Он быстро поставил посуду на место и, ковыляя, отошел в сторону. Снова из «кормушки» появилась рука неизвестного и забрала посуду. Неожиданно дверь камеры открылась.

– Волков, на выход!

Лейтенант заторопился к двери, чтобы не быть наказанным «за лень» конвойным.

– К стене!

За ним с грохотом закрылась металлическая дверь.

– Вперед!

Волков хотел повернуть налево, куда обычно сворачивал, идя на допрос, но сильный толчок конвоира заставил его упасть.

– Вперед!

Его вывели в тюремный двор, в котором уже находилось с десяток людей. На улице шел дождь вперемежку со снегом. Гимнастерка моментально стала мокрой. Вскоре он почувствовал, что начинает просто замерзать. Зубы стали выбивать дробь. В ворота въехал «воронок». Он развернулся, и началась погрузка.

– Куда нас? – спросил он мужчину, который оказался рядом с ним.

– На север….

– Как на север! Ведь я не осужден!

– Там и осудят.

Их быстро довезли до вокзала, где погрузили в товарный вагон. Поезд протяжно свистнул и, лязгая буферами, тронулся.